

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Артамонова Л.М. Участие провинциальной общественности и администрации в общероссийском движении по открытию воскресных школ (1859–1862 гг.): из истории становления гражданского общества в России	9
Кабытова Н.Н. Реформирование структур местного самоуправления в 1917 году	18
Кобозева З.М., Скачкова У.О. Женщина социальная и женщина биологическая в тисках ранней советской эпохи 1920-х гг.	28
Баязитова Р.Р. Этноэтикет башкир в эпосе «Конгур-буга»	34
Мединец М.Я. Образ противника в Приднестровском конфликте 1989–1992 гг.: взгляд из Молдовы	41

ПЕДАГОГИКА

Куриленко Л.В. Роль практики в системе подготовки специалистов социальной сферы (уровень бакалавриата)	47
Поднебесова М.И. Тенденции профессиональной подготовки в вузе будущих бакалавров машиностроения	53
Санько А.М. Социально-технологическая мобильность учебно-вспомогательного персонала вуза	61
Храмцова А.Б. Формирование языковой личности средствами иностранного языка	67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б. «Юбилейные» языковые клише о Пушкине, или Поэт на службе у государства	72
Перепелкин М.А. Об одной «ошибке» Нобелевского комитета (Венедикт Ерофеев об Иосифе Бродском)	80
Пахтусова В.Н. Традиция Н.С. Лескова в творчестве Ю.М. Нагибина	84

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Голубкова И.В. Разработка методики лингвистического дискурса-анализа на примере немецкоязычного дискурса « <i>Bewerbung</i> »	92
Кузнецова Л.В. Дискурсивный анализ названий произведений американского изобразительного искусства	100
Доладова О.В. Проблема уровней языковой иерархии	105
Шевченко Н.Л. Музыкальный критик как представитель экспертного дискурсивного сообщества	113
<i>Сведения об авторах</i>	.. 119
<i>Требования к оформлению статей</i>	123

CONTENTS

HISTORY

Artamonova L.M. Participation of provincial public and administration in the all-Russian movement for opening Sunday schools (1859–1862): from the history of civil society in Russia	9
Kabytova N.N. Reforming the structures of local government in 1917	18
Kobozeva Z.M., Skachkova U.O. Women as social and biological creatures in the early Soviet era of 1920-ies	28
Bayazitova R.R. Ethno-etiquette of Bashkir in the epos «Kongur-Buga»	34
Medinets M.Ya. Image of adversary in 1989–1992 Transnistrian conflict: a view from Moldova	41

PEDAGOGICS

Kurilenko L.V. Role of practice in the system of training specialists in the social sphere (undergraduate level)	47
Podnebesova M.I. Tendencies of professional training in the university of future bachelors of mechanical engineering	53
Sanko A.M. Social and technological mobility of specialists of educational peripheral staff of educational institutions	61
Khramtsova A.B. Formation of linguistic identity by means of a foreign language	67

LITERATURE STUDIES

Karpenko G.Yu., Karpenko L.B. «Jubilee» language cliches about Pushkin, or a poet in the service of the state	72
Perepelkin M.A. On one «mistake» of the Nobel Committee (Venedikt Erofeev about Joseph Brodsky)	80
Pakhtusova V.N. Tradition of N.S. Leskov in the creative work of Yu.I. Nagibin	84

LINGUISTICS

Golubkova I.V. Elaboration of linguistic methods of discourse analysis on the example of German discourse «Bewerbung»	92
Kuznetsova L.V. Discourse analysis of American fine arts products in terms of their titles	100
Doladova O.V. Problem of the levels of language hierachy	105
Shevchenko N.L. Music critic as a representative of the discourse expert community	113
<i>Information about the authors</i>	119
<i>Requirements to the design of articles</i>	123

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).08

*Л.М. Артамонова**

УЧАСТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И АДМИНИСТРАЦИИ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ ПО ОТКРЫТИЮ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ (1859–1862 ГГ.): ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ**

На основании архивных материалов и опубликованных источников в статье представлен анализ причин возникновения и развития деятельности воскресных школ как одной из форм российского народного образования в середине XIX в. Их открытие стало результатом взаимодействия массового общественного движения с администрацией и местным самоуправлением. Это можно считать свидетельством протекания в России процессов, которые вели к формированию гражданского общества. Самарская воскресная школа в самой молодой губернии России способствовала развитию грамотности и культуры ее жителей. Закрытие воскресных школ в 1862 г. показало наличие расхождений между властью и общественностью по вопросам будущего развития страны.

Ключевые слова: Россия в середине XIX в., провинциальный город, Самара, К.К. Грот, А.А. Арцимович, В.Г. Варенцов, русская культура, образование, модернизация, гражданское общество.

В ряду очевидных проявлений процесса формирования гражданского общества, ставшего заметным в провинциальной России накануне и в начале Великих реформ, вызывают интерес инициативы в области народного просвещения. Здесь следует отметить широкое «движение по созданию открытых и бесплатных массовых училищ, по

* © Артамонова Л.М., 2016

Артамонова Людмила Михайловна (artamonovi@mail.ru), кафедра истории Отечества, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

** *Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 151163002 а(р) «Трансформация Самары из уездного города в губернский центр накануне и в начале реформ середины XIX в.: архивные материалы и печать о переменах в административной сфере, формировании гражданского общества, развитии культурной среды».*

ликвидации неграмотности среди молодежи и взрослых, лишенных систематического образования» [16, с. 364]. Это движение вылилось в повсеместное создание воскресных школ по примеру, который подала общественность Киева. Его развертыванию в немалой степени способствовало содействие со стороны знаменитого хирурга Н.И. Пирогова, являвшегося в 1858–1861 гг. попечителем Киевского учебного округа.

Поддерживали данное начинание, внимательно следили за его развитием и другие выдающиеся деятели народного образования. Редактируемый К.Д. Ушинским «Журнал Министерства народного просвещения» из номера в номер давал в 1860–1861 гг. сообщения об этом движении, которые в ряде случаев выделялись единым заголовком «Известия о воскресных школах» [8]. В журнале приводились многочисленные сведения о создании и функционировании этих школ по России, публиковавшиеся в периодической печати, которую организаторы школ активно привлекали к освещению и пропаганде их деятельности.

В данной статье рассматривается вопрос о том, как отозвалась на это движение общественность в русской провинции за пределами столичных и университетских центров. Из многочисленных провинциальных городов в данном случае исследовательский выбор пал на Самару. Наряду с периодической печатью и справочно-статистическими изданиями, источники по рассматриваемому вопросу для Поволжского региона содержит фонд Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан (далее – НА РТ).

Как и во всей России, в Самаре нашлись свои энтузиасты идеи воскресных школ. Прежде других здесь ее поддержал штатный смотритель Самарского уездного училища И.К. Лавров, муж Софьи Александровны – родной сестры матери В.И. Ленина М.А. Ульяновой. Вместе с учителем русского языка того же училища Я. Кучиным он обратился к директору самарских училищ Э.Х. Ангерману. По предложенному плану уездное училище могло предоставить помещение для бесплатных занятий по чтению, письму и счету в выходные и праздничные дни. При овладении грамотой педагоги ставили целью, «чтобы учащиеся могли читать по возможности верно и толково, при чтении же можно объяснять им незнакомые или смутно понимаемые ими слова и таким же образом расширять умственный горизонт учеников» (НА РТ. Ф. 92). Арифметику они планировали преподавать «на цифрах и на счетах», обращая «особое внимание на ее практические применения». Кроме того, учителя обязывались указывать «желающим способы к дальнейшему просвещению», руководить их самообразованием, а также «по возможности снабжать сочинениями, из которых они могут почерпнуть необходимые сведения и которые могут благотворно действовать на их нравственность». Предусматривалось также «объяснение главнейших явлений природы и ее сил», искоренение «различных невежественных предрассудков, которые еще имеют большую силу в понятиях нашего простолюдина», а главное, «распространение в обществе добрых начал нравственности и укоренение истинно честных и гуманных правил в семейном и общественном быту наших сограждан, состоящих, к несчастью, не на высокой степени цивилизации» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7645. Л. 1–2).

Директор самарских училищ в представлении от 30 ноября 1859 г. довел до сведения управляющего Казанским учебным округом П.П. Вяземского инициативу своих подчиненных. В начале 1860 г. И.К. Лавров подал «Программу предлагаемой воскресной школы в доме Самарского уездного училища» следующего содержания:

«Школа учреждается с целью дать возможность бедным горожанам получить необходимые для всякого сведения. Предметы учения в проектируемой школе будут следующие:

1. Чтение и логический разбор прочитанного.
2. Письмо с объяснением важных законов языка.

3. Четыре правила арифметики на цифрах и на счетах.

4. Объяснение главнейших явлений природы.

Сверх всего этого будет обращено внимание на нравственную сторону учеников, на их семейную жизнь и будут внушаемы им правила доброй нравственности и честной жизни» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7645. Л. 7).

Лавров и Кучин предлагали открыть доступ в школу всем «здешним горожанам, не получившим в их детстве образования», из самых разных сословий: «дворовых, мещан, солдат, ремесленников» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7645. Л. 1–2). Однако, как уже отмечалось в литературе, основным контингентом, который привлекался к обучению в этой школе, стали самарские ремесленники, их работники и ученики. 16 марта 1860 г. П.П. Вяземский дал разрешение на открытие в помещении уездного училища Самарской воскресной школы именно «для детей ремесленного класса» [16, с. 364]. Впрочем, на этот контингент руководство округом ориентировало устроителей воскресных школ и в других городах, например в Симбирске [10, с. 187].

Ко времени получения разрешения на открытие этой школы дирекцию училищ Самарской губернии возглавил В.Г. Варенцов. Он был не только опытным педагогом, но и ученым — филологом и этнографом, а также деятельным журналистом и публицистом. Как раз в 1860 г. в «Московских ведомостях» печатались его очерки под общим названием «Самарские письма». Они сделали Самарскую воскресную школу известной для читающей России.

В повествовании В.Г. Варенцова особого внимания и благодарности за поддержку школы были удостоены первые лица губернии и города, а именно: управляющий губернией А.А.Арцимович и градский голова В.Е. Буреев — большой патриот родного города, трижды избиравшийся жителями на эту должность [20]. Сюда следует добавить самого директора училищ, руководившего школьным делом в губернии и ведущим учебным учреждением региона — гимназией. В историографии уже отмечалось, что успешными оказывались те мероприятия нарождающегося гражданского общества в области просвещения, в ходе которых происходило объединение разных групп, стремившихся к решению модернизационных задач, их «педагогических, общественных и административных ресурсов» [16, с. 364].

В начальном из «Самарских писем», написанном по первым впечатлениям о городе, автор весьма неодобрительно говорил и о состоянии этой школы, и об отношении к ней ремесленников, и о развитии ремесел в Самаре в целом: «Я не считаю (действующей. — Л.А.) воскресную школу для ремесленников; на бумаге она существует уже несколько месяцев, но учеников для нее до сих пор не смогли приобрести никакими способами. “Учиться в воскресенье! Да это, говорят, последнее дело! В праздник-то грех такой! Стало быть, антихрист родился, и скоро будет светопреставление!..” А не мешало бы ремесленному классу быть грамотным: тогда он верно был бы лучше и честнее... Вот хоть бы сказать, в Самаре: подите вы к портному, к столяру, к башмачнику, к модистке; отдайте работу: ну, вы и увидите после, сколько возьмут с вас за нее, и что за работу сделают, и во сколько времени! Нет, лучше отдавайте ваши заказы в Симбирске, в Саратове или в Казани: вам будет стоить дешевле и сделано будет добросовестнее» [4, с. 1168]. Свою критику Варенцов-журналист заканчивал сожалением о том, что предыдущий самарский губернатор, только что переведенный на службу в Петербург, не занимался решением данного вопроса: «Жаль, что К.К. Грот, которому Самарский край так многим обязан, не обратил внимания на эту сторону самарской жизни» [4, с. 1168].

При этом он и другие реформистски настроенные современники очень ценили бывшего губернатора К.К. Грота за стремление «пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни», за призыв на службу «новой молодежи», за готовность к

переменам [18, с. 30]. Одобрение своей деятельности в провинции этот высокопоставленный чиновник получал со стороны не только представителей «просвещенной бюрократии», близких к либералам [1, с. 901], но и от деятелей более радикального толка [15, с. 182].

Подход к местному управлению К.К. Грота, допускавшего реформистские тенденции даже во времена Николая I, показал еще большую эффективность в первые годы правления Александра II, подготовив административный аппарат и общественные силы к дальнейшим решительным преобразованиям [17, с. 252]. Тем самым нарабатывалось взаимодействие власти и общественности, которое положительно сказалось при реализации различных реформ 1860–1870-х гг., когда Самара в ряде случаев являла пример для других городов и губерний России [9, с. 111].

Действительно, в Самаре губернская администрация К.К. Грота, а затем его преемника А.А. Арцимовича создали благоприятную ситуацию для совместных усилий «просвещенной бюрократии», интеллигенции, прогрессивно настроенных дворян, готовых к реформам и готовящих эти реформы, а также образованных горожан из числа зарождающейся буржуазии и «среднего класса». Самарские материалы подтверждают мнение о том, что система ценностей гражданского общества в период его зарождения выражалась либеральными землевладельцами, специалистами-профессионалами, чиновниками [12, с. 692].

Одной из точек совместного приложения их сил стала воскресная школа. Чтобы исправить в ней положение дел, Варенцов – директор и педагог – сделал все возможное, встретив поддержку у нового губернского начальства и в местном самоуправлении, благодаря чему 16 октября 1860 г. занятия все-таки начались: «Месяца три тому назад я писал Вам, что мы никакими средствами не можем достать учеников для нашей школы: отыскалось одно средство, могучее, неотразимое, средство, которое на нашей сцене, а может быть, даже и в жизни могло бы заменить древнее Ананке (божество неизбежности. – Л.А.). Настойчивому участию г. управляющего губернией, А.А. Арцимовича, мы обязаны тем, что на этот раз к нам явилось до 50 мальчиков, от 10 до 18 лет, вместе со стариками – содержателями ремесленных заведений» [4, с. 1844]. Кроме того, «убеждения господина градского головы В.Е. Буреева, человека не раз показавшего на самом деле прекрасную готовность содействовать успехам образования, были на этот раз сильнее, нежели прежде» [4, с. 1844]. Управляющий губернией не ограничился увещеваниями, а лично явился в первый день занятий, понудив появиться в школе не только учеников, но и их хозяев для беседы с начальством и знакомства с достижениями науки. Все это напоминало хорошо спланированный день открытых дверей в современном образовательном учреждении: «Отслужили молебен. Господин управляющий губерниею условился с хозяевами о том, какой час находят они более удобным для занятий. Затем преподаватель физики собрал вокруг себя старичков (хозяев мастерских. – Л.А.) и с машинами в руках стал толковать им об электромагнетизме, о гальванопластике, показал несколько опытов, и между прочим над воздушным насосом, а между тем мальчики разошлись по кружкам: одни, смотря на изображения животных, слушали рассказы из естественной истории, другие вокруг глобуса толковали о солнце, о небе, о движении земли; иные писали на досках, наконец, самая большая часть сидела за книжками, училась читать... В заключение они собраны были все вместе послушать законоучителя священника Цареградского, который приобрел себе репутацию отличного преподавателя и устроил образцовую школу для арестантов при тюремном замке. А между тем хозяева все еще слушали рассказы из физики и смотрели на опыты» [4, с. 1844]. Некоторые молодые люди из числа тех, кто «несколько лет тому назад умели и читать, и писать, но с тех пор, как поступили к хозяину,

не видели ни книги, ни бумаги и совсем разучились писать», просто «схватились за книгу и целый час читали, не покидая ее и тогда, когда их оставляли одних» [4, с. 1844].

В университетском Киеве, как сообщала в Казань и Самару канцелярия попечителя Киевского учебного округа, основную работу в воскресных школах выполняли студенты (НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7645. Л. 5 об.). Подобных преподавателей-волонтеров в Самарской воскресной школе, конечно, не было. Здесь работали, по свидетельству современников, «учителя различных гражданских учебных заведений» и обучавшиеся в них семинаристы и гимназисты, а также некоторые чиновники и медики [2, с. 287—288].

В день начала учебы, описанный в очерке В.Г. Варенцова, с 50 мальчиками занималось около 15 учителей [4, с. 1844]. Постепенно число приходящих учеников возросло до 120, а добровольных учителей — до 24 [2, с. 287].

Схожая ситуация сложилась и в соседнем губернском городе Симбирске, где воскресная школа была открыта в помещении гимназии, широко известной своими выпускниками в истории России. Там в первый год существования этой школы в ней насчитывалось 127 учащихся. По мнению жителей Симбирска, с которым могли бы согласиться в Самаре и в других местах, успех воскресной школы объяснялся «охватившим в то время городское население, под влиянием крестьянской реформы, стремлением к самообразованию» [10, с. 187].

Не менее справедливо утверждение современных исследователей о том, что развитие новых капиталистических, товарно-денежных отношений в реформируемой России стало причиной, побуждающей «людей к усвоению грамоты из экономических соображений» [11, с. 80]. В провинциальной городской среде «долгое время грамотность не являлась обязательным фактором достижения жизненного успеха», а «устойчивый интерес к получению образования» даже в крупных городах Поволжья, по наблюдениям А.Б. Бирюковой, стал формироваться только во второй четверти XIX в. [3, с. 50]

Не случайно, что в Самарской губернии, где уездные города в значительной мере сохраняли сельскохозяйственный характер, воскресная школа в губернском центре в начале 1860-х гг. оставалась единственной. В этом было отличие от территорий, более развитых в промышленном и торговом отношении. Например, на горнозаводском Урале «в 1861 г., судя по отчету Пермской дирекции училищ попечителю Казанского учебного округа», работало 10 воскресных школ [5, с. 61]. В одной из центральных губерний России, Ярославской, 6 воскресных школ посещали 556 учеников [7, с. 173]. В Нижегородской губернии их было 9 [19, с. 202]. Всего же в России в 1862 г. «насчитывалось 316 воскресных школ, из них 61 — в Петербурге» [6, с. 70].

В Самарской воскресной школе установился определенный режим работы. Ученики сходились в 8.00 и занимались до 11.30. Предусматривался перерыв, во время которого мальчиков кормили белым хлебом. Так продолжалось всю зиму, но весной владельцы мастерских стали все больше тяготиться отлучками малолетних помощников и выказывать недовольство их поведением, которое становилось более самостоятельным «не в их хозяйских интересах». Летом занятий не было, а осенью они возобновились в помещении гимназии. Их в это время посещали от 15 до 50 мальчиков [2, с. 288].

Для детей «преимущественно из рабочего сословия», обучавшихся в этой школе, ее организаторами предусматривалась также бесплатная медицинская помощь в специально устроенной лечебнице. Вообще все это начинание с воскресной школой пользовалось большой общественной поддержкой. Об этом, например, говорят сбор добровольных пожертвований на ее нужды и проведение трех благотворительных литературных вечеров [2, с. 288—289].

Широко развернувшееся в России движение по открытию воскресных школ было прекращено сверху. В числе учителей-волонтеров в столичных и университетских городах, где молодежь ожидала более быстрых и решительных перемен, оказались и оппозиционно настроенные лица, использовавшие представившуюся возможность для распространения идей, которые рассматривались правительством как подрывные. Министр внутренних дел П.А. Валуев разослал в 1862 г. начальникам губерний циркуляр [5, с. 64]. Сложившаяся обстановка рисовалась черными красками: «Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развить вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие» [13, с. 244]. Власть оказалась в растерянности перед вызовами, которые ставила новая обстановка пореформенной России. К сожалению, она не смогла адекватно отреагировать, избрав грубый и негибкий способ решения проблемы в виде высочайшего повеления «закрыть все ныне существующие воскресные школы» до преобразования их «на новых основаниях» [13, с. 244].

Как заметил П.В. Алабин, «вследствие предписания министра народного просвещения в 1862 году в числе прочих воскресных школ и Самарская должна была прекратить свое существование» [2, с. 288]. Воскресные школы стали опять возникать в Самаре в 1866–1867 гг., но уже исключительно под ведением и контролем духовенства [2, с. 140–142] и с запретом выходить при обучении за рамки программы приходского училища [14, с. 74]. О предшествующей попытке их завести образно высказался самарский епископ Герасим: «Были у нас открываемы воскресные школы и прежде, лет за 5-ть пред сим: но они, к сожалению, уподобились саду, которого не насаждал Отец Небесный. Поэтому-то и постигла их участь неблагословенного сада» [14, с. 10]. Дальнейшая история воскресных школ в последней трети XIX в. является уже в значительной мере результатом трудов духовенства и церковной общественности [21, с. 94].

Работа по созданию воскресных школ накануне и в начале крестьянской реформы могла стать началом совместного движения русского общества и имперской власти к дальнейшей модернизации по пути формирования гражданского общества. Во всяком случае, на местах такая готовность была проявлена всеми сторонами. В Самаре, как и в большинстве провинциальных городов, в работе воскресных школ никаких эксцессов политического и идеологического толка по поводу деятельности воскресной школы не отмечалось.

К сожалению, в реальности история воскресных школ оказалась одним из первых эпизодов трагического несовпадения целей, методов, ожиданий российской общественности и российской бюрократии при решении ключевых вопросов жизни страны. Их закрытие стало одним из первых проявлений растущего недоверия власти и образованной части общества друг к другу, одним из первых поводов для расширения пролегшей между ними трещины.

Библиографический список

1. Artamonova L.M. Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. 2016. № 41–1 (3–1). С. 899–907.
2. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: ист.-стат. очерк. Самара, 1887.

3. Бирюкова А.Б. Культурное пространство поволжских городов дореформенной эпохи // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2013. Ч. I. С. 48–53.
4. Варенцов В.Г. Самарские письма // Московские ведомости. 1860. 7 июля, 3 августа, 28 октября. № 148, 169, 233. С. 1168, 1337–1338, 1844.
5. Дашкевич Л.А. Первые воскресные школы на Урале // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 60–65.
6. Дейч Б.А. Воскресные школы в России в 50–60-е годы XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 70–75.
7. Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.
8. Известия о воскресных школах // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1860. Ч. 107. Июль–Август. Отд. IV. С. 7–18, 46–75.
9. Кабытов П.С. Региональное преломление современных подходов к изучению истории народного просвещения в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 109–113.
10. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898.
11. Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95.
12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015.
13. О пересмотре правил о воскресных школах и о временном закрытии всех существующих школ этого рода (10 июня 1862 г.) // ЖМНП. 1862. Ч. 114. Часть официальная. С. 243–244.
14. Открытие воскресной школы при Самарской семинарии. Первый урок в Самарской воскресной школе // Самарские епархиальные ведомости. Неоф. часть. 1867. 1 января, 1 февраля. № 1, 3. С. 10–13, 73–75.
15. Смирнов Ю.Н. Взаимоотношения администрации, общества и самоуправления в Самарской губернии середины XIX в.: от местных инициатив к общегосударственным реформам // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 181–192.
16. Смирнов Ю.Н. Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной научно-практической конференции. Самара, 2016. Ч. I. С. 358–370.
17. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара, 2015. Ч. I. С. 246–253.
18. Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1 (134). С. 28–39.
19. Хвостова И.А. Народное образование как одно из направлений государственной политики в первой половине XIX в. (по материалам Нижегородской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–2 (35). С. 198–204.
20. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Самара, 2012. С. 275–283.
21. Якунин В.Н. Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI–XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 92–101.

References

1. Artamonova L.M. *Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society. Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], 2016, no. 41–1(3–1), pp. 899–907 [in Russian].

2. Alabin P.V. *Dvadsatipiatiletie Samary, kak gubernskogo goroda: ist.-stat. ocherk* [The twenty-fifth anniversary of Samara as a center of the province: historical and statistical sketch]. Samara, 1887 [in Russian].
3. Birjukova A.B. *Kul'turnoe prostranstvo povolzhskikh gorodov doreformennoi epokhi* [Cultural space of the Volga Region cities of the prereform era]. In: *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modernization of Culture: Ideas and Paradigms of Cultural Changes. Materials of the International scientific and practical conference]. Samara, 2013, Vol. 1, pp. 48–53 [in Russian].
4. Varentsov V.G. *Samarskie pis'ma* [Samara letters]. In: *Moskovskie vedomosti*, 1860, July 7, August 3, October 28. No. 148, 169, 233, pp. 1168, 1337–1338, 1844. [in Russian].
5. Dashkevich L.A. *Pervye voskresnye shkoly na Urale* [First Sunday schools in the Urals]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniia*, 2003, no. 7, pp. 60–65 [in Russian].
6. Deych B.A. *Voskresnye shkoly v Rossii v 50–60-e gody XIX veka* [Sunday schools in Russia in the 50–60-ies of the XIX century]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2013, Vol. 2, no. 4, pp. 70–75 [in Russian].
7. Ierusalimskaya S.Yu. *Istoricheskii opyt funktsionirovaniia sistema narodnogo obrazovaniia Verkhnego Povolzh'ia v XIX v.: ot stanovleniia do modernizatsii: dis. ... d-ra ist. nauk* [Historical experience of functioning of public education system of the Upper Volga Region in the XIX century: from formation to modernization. Doctor's of Historical Sciences thesis]. M., 2015 [in Russian].
8. *Izvestiia o voskresnykh shkolakh* [News of Sunday schools]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* (ZhMNP) [Journal of the Ministry of Education], 1860, Vol. 107. July–August. Dept. IV, pp. 7–18, 46–75 [in Russian].
9. Kabytov P.S. *Regional'noe prelomlenie sovremennykh podkhodov k izucheniiu istorii narodnogo prosveshcheniia v Rossii* [Regional refraction of modern approaches to the study of the history of public education in Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: History. International Relations], 2016, Vol. 16, no. 1, pp. 109–113 [in Russian].
10. Martynov P.L. *Gorod Simbirsk za 250 let ego sushchestvovaniia: sistematičeskii sbornik istoricheskikh svedenii o g. Simbirsk* [The city of Simbirsk in 250 years of its existence: systematic collection of historical data on Simbirsk]. Simbirsk, 1898 [in Russian].
11. Mironov B.N. *Kul'turnyi kapital Rossii za tysiachu let* [Cultural capital of Russia for the period of thousand years]. *Ekonomicheskaia politika* [Economic policy], 2013, no. 1, pp. 62–95 [in Russian].
12. Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu: v 3 t. T. 2* [Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 Vols. Vol. 2]. SPb., 2015 [in Russian].
13. *O peresmotre pravil o voskresnykh shkolakh i o vremennom zakrytii vsekh sushchestvuiushchikh shkol etogo roda (10 iunია 1862 g.)* [On the revision of the rules of Sunday schools and on temporary closure of all existing schools of this kind (June 10, 1862)]. *ZhMNP* [Journal of the Ministry of Education]. 1862, Vol. 114. Part official, pp. 243–244 [in Russian].
14. *Otkrytie voskresnoi shkoly pri Samarskoi seminarii. Pervyi urok v Samarskoi voskresnoi shkole* [Opening of the Sunday school at the Seminary of Samara. First lesson in Samara Sunday school]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*. Part unofficial, 1867, January 1, February 1, no. 1, 3, pp. 10–13, 73–75 [in Russian].
15. Smirnov Yu.N. *Vzaimootnosheniia administratsii, obshchestva i samoupravleniia v Samarskoi gubernii serediny XIX v.: ot mestnykh initsiativ k obshchegosudarstvennym reformam* [Relations of administration, society and self-government in the Samara province at the middle of the XIX century: from local initiatives to nation-wide reforms]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 11(133), pp. 181–192 [in Russian].
16. Smirnov Yu.N. *Vozdeistvie sotsial'nogo i kul'turnogo prostranstva provintsial'nogo goroda na formirovanie elementov grazhdanskogo obshchestva (po materialam Samary v epokhu podgotovki i realizatsii Velikikh reform)* [Impact of social and cultural space of the provincial city on the formation of elements of civil society (on the materials of Samara in the era of preparation and implementation of the Great Reforms)]. In: *Modernizatsiia kul'tury: ot kul'turnoi politiki k vlasti kul'tury. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modernization of culture: from the cultural policy to the power of culture. Materials of the IV International research and practical conference]. Samara, 2016, Part 1, pp. 358–370 [in Russian].
17. Smirnov Yu.N. *Perekhod s okhranitel'nykh na reformistskie printsipy ustroistva Samarskoi gubernii v pervoe desiatiletie ee sushchestvovaniia: gubernatory S.G. Volkhovskii i K.K. Grot (1850-e gg.)*

[Transition from protective to reformist principles of the organization of the Samara province in the first decade of its existence: governors S.G. Volkhovskiy and K.K. Grot (1850-ies)]. In: *Modernizatsiia kul'tury: poriadki i metamorfozy kommunikatsii. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modernization of culture: orders and metamorphoses of communication. Materials of the III International research and practical conference]. Samara, 2015, Vol. 1, pp. 246–253 [in Russian].

18. Smirnov Yu.N. «Prosveshchennaia biurokратиia» v provintsii nakanune velikikh reform: sotrudnik samarskogo gubernatora Grota N.A. Voronov i ego vklad v regional'nye issledovaniia serediny XIX veka [«Enlightened bureaucracy» in the province on the eve of the great reforms: N.A. Voronov – an official of the Samara governor Grot and his contribution in regional studies of the middle of the XIX century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2016, no. 1(134), pp. 28–39 [in Russian].

19. Khvostova I.A. *Narodnoe obrazovanie kak odno iz napravlenii gosudarstvennoi politiki v pervoi polovine XIX v. (po materialam Nizhegorodskoi gubernii)* [Public education as one of state policy directions in the first half of the XIX century (on the materials of Nizhny Novgorod province)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2013, no. 9–2(35), pp. 198–204 [in Russian].

20. Cherkasova M.V., Frolova K.V. *Deiatel'nost' gorodskogo golovy V.E. Bureeva (po dokumentam TsGASO)* [Activity of the mayor V.E. Bureev (according to the documents of TsGASO)]. In: *Gorodskaiia kul'tura i gorod v kul'ture: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ch. 1* [Urban culture and the city in culture: materials of the All-Russian research and practical conference. Part 1]. Samara, 2012, Part 1, pp. 275–283 [in Russian].

21. Yakunin V.N. *Tserkovnaia zhizn' i pravoslavnaia kul'tura v Samarskom krae v XVI–XX vv.* [Church life and orthodox culture in the Samara Region in the XVI–XX centuries]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2015, no. 1(10), pp. 92–101 [in Russian].

L.M. Artamonova*

PARTICIPATION OF PROVINCIAL PUBLIC AND ADMINISTRATION IN THE ALL-RUSSIAN MOVEMENT FOR OPENING SUNDAY SCHOOLS (1859–1862): FROM THE HISTORY OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA**

On the basis of archival materials and published sources the analysis of the causes and development of activity of Sunday schools as a form of Russian public education in the mid-nineteenth century is presented in the article. Their opening became the result of the interaction of the grass-roots social movement with the administration and the local self-government. This can be considered as the evidence of processes in Russia which led to the formation of the civil society. The Sunday school in the Samara province promoted the development of literacy and culture for inhabitants. Closing Sunday schools in 1862 revealed the differences between the authorities and the public in the approaches to the future development of the country.

Key words: Russia in the middle of the 19th century, provincial town, Samara, K.K. Grot, A.A. Artsimovich, V.G. Varentsov, Russian culture, education, modernization, civil society.

Статья поступила в редакцию 15/IX/2016.
The article received 15/IX/2016.

* Artamonova Lyudmila Mikhailovna (artamonovoi@mail.ru), Department of Russian History, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

** The research is carried out with the financial support from Russian Foundation for the Humanities within the framework of research project of the Russian Foundation for the Humanities № 15-11-63002 a(r) «Transformation of Samara from district city in the provincial center on the eve and in the beginning of the reforms of the middle of the XIX century: archive sources and press about changes in the administrative sphere, formation of civil society, development of cultural environment».

РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1917 ГОДУ

В статье рассматривается первый этап реорганизации местного самоуправления в условиях революционных преобразований 1917 г. Первичная демократизация городских дум, губернских и уездных земств осуществлялась под контролем общественных исполнительных комитетов с привлечением советов рабочих, военных, крестьянских депутатов.

Ключевые слова: Великая российская революция, Временное правительство, местное самоуправление, думы, земства, комитеты, советы.

Революционный процесс в российской провинции разнообразен и многовариативен. Он не ограничивался только взаимоотношениями органов власти Временного правительства и революционных потоков. Специфика функционирования органов городского и земского самоуправления, переживших в 1917 году несколько этапов демократизации, а затем ликвидированных, зависела от соотношения общественно-политических сил на местах. Некоторые аспекты деятельности дум и земств Поволжья во время революции получили освещение в современной историографии [4; 11; 13; 15–18]. Однако необходимо специальное рассмотрение региональных особенностей органов общественного управления. Это позволит выявить причины отторжения большинством населения общедемократических институтов в ходе революционных преобразований и предпочтения принципов непосредственного представительства в местных властных структурах.

Переустройство всей системы местного самоуправления на широких демократических началах проходило в течение всего 1917 года. Либеральные общественные силы саму судьбу революции связывали с осуществлением местной реформы, которая должна была объединить пришедшие в движение общество и государство. В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразований. Чтобы предотвратить местную самодетельность в реорганизации органов самоуправления, Временное правительство 23 марта 1917 г. образовало Особое совещание, на которое возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городского «Положений» и приспособление их к новым условиям общественной жизни [7. Л. 1–2].

Реорганизация власти на местах, осуществляемая Временным правительством, основывалась на стремлении сохранить приоритет центрального руководства, единообразии системы управления. Кроме того, органы самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти. Законодательная деятельность Временного правительства с самого нача-

* © Кабытова Н.Н., 2016

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ла расходилась с представлениями народных масс о необходимых направлениях изменения системы организации власти и самоуправления на местах, способах их взаимодействия. После февраля 1917 г. в общественном сознании удивительно быстро утвердился «культ народного избрания», убеждение в том, что при «новом праве воля народа... есть высший закон страны и над постановлением народоправства никакого контроля нет» [12, с. 40]. В формах осуществления «народоправства» правительство и народ также существенно расходились.

Деятельность городских дум и управ активизировалась в ходе революционной эйфории. Весть о падении самодержавия они восприняли как сигнал к действиям по усилению влияния местного самоуправления в обществе. После получения известий из Петрограда о взятии государственного и общественного порядка в ведение Временного Комитета Государственной думы городские общественные управления первыми приветствовали его и обещали «все силы долга, совести и разума отдать делу устройства светлого будущего» [6. Л. 2]. Во всех губернских центрах Поволжья инициатива создания общественных комитетов «для охраны правильного течения жизни» принадлежала собраниям общественности, собиравшимся под эгидой городских дум и управ.

Городские думы и управы, выступившие в первые дни революции с инициативой организации представительных структур местной власти, как правило, самоограничивали собственную компетенцию управлением городским хозяйством. Общественные исполнительные комитеты, наоборот, претендовали не только на административное управление, но и на политическое влияние в условиях формирования новых органов власти на местах. В связи с этим они заявляли, что «до издания новых законов о местном самоуправлении» готовы принять «на себя руководящую роль над органами местного самоуправления во всем объеме их деятельности» [2]. Реорганизация городского самоуправления в губернских центрах Поволжья проходила с разной степенью оперативности и радикализма. Это проявилось еще в период образования общественных исполнительных комитетов: чем активнее действовали комитеты, тем быстрее думы стремились демократизироваться. Советы рабочих и солдатских депутатов, заявлявшие о поддержке требований социальных групп, не представленных в цензовых думах, также подталкивали их на путь реформирования. На процесс демократизации городских дум в марте-апреле 1917 г. влияли и общественные комитеты и советы. Единообразия здесь не было. Поскольку советы имели представительство в комитетах, то они могли влиять на изменение состава дум через соответствующие комиссии комитетов. Чаще всего советы напрямую делегировали своих представителей в думы с целью их демократизации. Иногда комитеты и советы соперничали за влияние в думах. Это происходило в тех случаях, когда советы заявляли о своей самостоятельности по отношению к общественным исполнительным комитетам.

Наибольшую активность на начальном этапе демократизации городского самоуправления проявили общественные исполнительные комитеты. Самарский Комитет народной власти еще в первой половине марта 1917 г. выделил из своей среды комиссариат из 9 человек, который должен был руководить хозяйственной деятельностью городского самоуправления. По сути, этот орган подменял собой городскую управу. Решения по всем важным вопросам городского хозяйства подлежали обязательной санкции исполкома Комитета народной власти. Вопросы реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Комитет также объявил своей компетенцией. Однако в дальнейшем декларированные им намерения не получили сколько-нибудь значительного развития. Самарский Комитет народной власти изменил свою тактику, и в этот же день,

21 марта, было принято предложение эсера А.И. Кабцана о реорганизации городского самоуправления путем введения в городскую думу 60 гласных-нецензовиков. Выборы было поручено осуществить Совету рабочих депутатов [2]. Советы в это время придерживались доктринерской тактики умеренных социалистов о буржуазном характере власти в России и видели свою задачу в осуществлении контроля за ней. Поэтому Совет утвердил инструкцию выборов в городскую Думу, по которой организации чисто цензовые исключались из числа выборщиков, а в смешанных участвовать в выборах могли только нецензовые элементы. Избранными в Думу могли быть только нецензовики. Ценз в Самарскую городскую думу до Февральской революции составлял 1000 руб. [20. Л. 1].

Темпы демократизации городского самоуправления зависели прежде всего от активности общественных сил в той или иной местности. Взаимоотношения представителей царской администрации и городских дум до февраля 1917 г. также накладывали отпечаток на ход и направления их действий в первые дни революции. Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Саратове, где губернатор Тверской твердо и властно управлял вверенными ему делами, а городское самоуправление было полностью ему подчинено. Поэтому, когда вечером 1 марта 1917 г. состоялось частное совещание Саратовской городской думы в присутствии 50 гласных, прибывший губернатор потребовал от собравшихся: «...чтобы радость и ликование, испытываемые вами в эту минуту, не прорвались наружу и не вышли бы на улицу и чтобы нарушенное спокойствие не послужило бы на радость нашему врагу» [8. Л. 30]. Далее он заявил, что «поставлен Высочайшим указом... и другой власти не знает и употребит все усилия, чтобы сохранить порядок» [8. Л. 30]. Затем губернатор покинул зал, а гласные перешли в кабинет городского головы и стали келейно обсуждать события. Вели они себя при этом робко, рассуждали о временном характере Комитета Государственной думы, предлагали подождать, когда он передаст кому-то власть. Замещавший место городского головы А.А. Яковлев предложил «выбрать комиссию для составления воззвания», включив в нее «кого угодно», а вернувшиеся от губернатора депутаты сообщили, что он наконец разрешил печатание телеграммы о революционных событиях в Петрограде [8. Л. 32].

Пока Саратовская городская дума принаравливалась к новым реалиям революционных преобразований, Саратовский ОГИК, ежедневно расширяя свой состав, стал осуществлять функции и власти, и самоуправления. 13 марта 1917 г. частное совещание гласных Саратовской городской думы обсуждало вопрос о необходимости демократизации. Одни предлагали «вливать в состав Думы Исполнительный комитет, т. к. там представители от всех общественных организаций»; другие — «произвести новые выборы Думы на основе всеобщего избирательного права»; третьи заявляли, что «вопрос этот общегубернский и общероссийский» [8. Л. 42–43]. В результате на совещании была избрана комиссия, которой поручили разработать принципы демократизации Думы. Попытка Саратовской городской думы демократизировать свой состав за счет общественных организаций, представлявших интересы различных социальных, профессиональных групп, не имела успеха. К тому же принципом пропорциональности представительства составители проекта явно пренебрегли, выделив рабочим и солдатам всего по 4 места. Напротив, в Саратовском общественном исполнительном комитете Советы имели солидное представительство и принимали в его работе деятельное участие. 19 апреля 1917 г. Дума вынуждена была послать в Комитет своих представителей в качестве заместителей, признав тем самым его приоритет в организации власти в городе и губернии [8. Л. 52]. Интерес к деятельности Саратовской городской думы после неудавшейся попытки демократизации был потерян в средних городских слоях.

Органы городского самоуправления далеко не всегда подвергались демократизации в первые месяцы революции. Выступив инициаторами общественных комитетов, многие городские думы и управы продолжали заниматься организационно-хозяйственными делами. Однако в условиях революционных преобразований городские самоуправления не могли оставаться в стороне от решения вопросов по реорганизации местной администрации. Чрезвычайные собрания городских дум ряда губернских центров Поволжья, созывавшиеся в первых числах марта 1917 г. для обсуждения революционных событий в Петрограде, ограничивались составлением приветственных телеграмм Временному комитету Государственной думы и Временному правительству.

Самостоятельных действий в организации новой власти на местах такие думы не предпринимали, а ждали указаний из центра и от губернской администрации. Так, состоявшееся 7 марта 1917 г. «Четвертое очередное заседание Пензенской городской думы» приняло к сведению, «что один из сотоварищей по Думе Леонид Николаевич Кугушев назначен новым правительством Комиссаром Пензенской губернии... а его помощником... В.А. Герман» [5. Л. 102]. Собравшиеся приветствовали назначение и на этом разошлись. 10 марта 1917 г. состоялось уже Чрезвычайное заседание Пензенской городской думы, где было удовлетворено прошение городского головы И.Н. Ашанина об отставке «по нездоровью», а эти обязанности возложены на члена Управы А.Г. Свинухова. Но не новый городской голова, а гласный В.А. Герман от имени Бюро Исполнительного комитета представил положение об организации Пензенской городской милиции, предлагая Думе обсудить степень своего участия в ней [5. Л. 114].

Казанская городская Управа, продолжая и после февраля 1917 г. заниматься текущими организационно-хозяйственными мероприятиями, организовала специальное заседание городской думы, чтобы довести до сведения гласных «Обращение Государственной Думы» от 7 марта 1917 г. об изменении государственного строя в стране. Участникам собрания озвучили обещания революционеро-февралистов о том, что они «накормят голодных, напрягут все силы на защиту Родины», а для этого «крестьяне должны везти и продавать хлеб» [14. Л. 3]. В ответ на эти призывы гласные послали приветственную телеграмму на имя председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко. Никакой инициативы по реорганизации городского самоуправления, приспособления его к новым условиям общественной жизни они не проявили.

Симбирская городская Управа вообще не сочла нужным собрать гласных для обсуждения революционных событий в стране. Она приняла к сведению уведомление губернского правления «о временном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов» и сообщение о том, что «князь М.А.Черкасский... сдал 6 марта управление губернией заступающему место Председателя Симбирской губернской земской Управы Ф.А. Головинскому» [10. Л. 44]. Оперативные меры были приняты городской Управой для предотвращения возможных преследований в отношении представителей старой губернской администрации. 13 марта 1917 г. она выдала «удостоверение бывшему Симбирскому полицмейстеру Никанору Васильевичу Белоусову в том, что со стороны городской милиции к выезду его из гор. Симбирска препятствий не имеется» [10. Л. 50]. Симбирский полицейский начальник решил убраться из города, пока его не арестовали, как это произошло в некоторых соседних губерниях, а городская Управа ему в этом способствовала.

Рассматривая основные направления реорганизации органов городского самоуправления, предпринятой в ходе революционных преобразований на местах после февраля 1917 г., необходимо отметить догоняющий характер этого процесса. Город-

ские думы, выступавшие, как правило, с инициативой образования временных общественных комитетов для организации новой власти, свой состав не торопились пополнять демократическими элементами. Это отодвигало их на задний план не только при формировании местной администрации Временного правительства, но и в конкретной борьбе старых и новых органов самоуправления. Центр общественного представительства при переходе революции на места в поволжских городах переместился в исполнительные комитеты. Думам не удалось демократизировать свой состав за счет представительства от порожденных ими же комитетов, т. к. последние считали себя более высокой инстанцией. Тогда городские самоуправления обратили свои взоры к Советам. Под давлением обстоятельств и по мере организации Советов в Поволжье сначала в губернских, а затем в уездных городах думы выделили для них квоты.

В условиях революции у сохранившихся старых органов самоуправления появились новые функции, которые можно было реализовать только вместе с Советами, представлявшими интересы нецензового населения городов. Основное внимание городские думы весной 1917 г. уделили организации народной милиции с тем, чтобы сосредоточить в своих руках охранные функции власти. Другие общественно значимые для рабочих и средних слоев населения вопросы общедемократического характера думы рассматривали только под давлением Советов.

Демократизация земских учреждений в первые месяцы революции существенно отличалась от аналогичного процесса в отношении городского самоуправления. Среди обязательств Временного правительства, провозглашенных декларацией от 3 марта 1917 г., было проведение всеобщих выборов в органы местного самоуправления на демократических началах [17, с. 209]. Однако до выборов новых органов самоуправления Временное правительство предпочло опереться на земства при формировании местных органов власти, т. к. их взгляды по этому вопросу полностью совпадали [4, с. 55]. Это обстоятельство не способствовало действенной демократизации губернских и уездных земских собраний.

В поволжских губерниях созывались особые совещания, где обсуждались характер, направление и сроки проведения земской реформы. В ходе их работы вполне четко проявились разногласия по вопросам стратегии и тактики земского реформирования. Это свидетельствовало о внутреннем кризисе земств и необходимости немедленной их демократизации с целью хотя бы сохранения их места в системе самоуправления. Некоторые уездные земства, не дожидаясь указаний сверху, начали расширять свой состав за счет новых общественных организаций, вызванных к жизни революцией.

Необходимо отметить, что активность уездных земских структур в процессе демократизации не была обусловлена степенью развития капиталистических отношений в деревне. Общедемократические ценности в их деятельности были главными, а действия по изменению состава гласных земских собраний и управ — одинаковыми. Чаще всего на крестьянских съездах избранные на местах делегаты признавали необходимым обновить весь прежний состав земских собраний и управ, «не являющихся истинными представителями народа» [3]. Определенные нюансы в ходе демократизации земских управлений зависели от личных качеств председателей земских управ и в каждом конкретном случае носили индивидуальный характер.

Реорганизация губернских земств осуществлялась гораздо медленнее, они были дальше от народа, консервативнее, чем уездные, по составу и взглядам. Земские служащие, привлекавшиеся к работе особых совещаний по вопросам демократизации местного самоуправления, выступали за немедленную реорганизацию губернских земских структур, т. к. этот процесс уже шел естественным путем снизу. Самарское

особое совещание по реорганизации губернского земства, открывшееся 8 апреля 1917 г., было посвящено главному вопросу: «Нужно ли проводить реформу земства сейчас, не дожидаясь, когда будет опубликован декрет Правительства?» [3]. Выражая мнение большинства делегатов совещания, служащий Самарского уездного земства М.И. Лунин заявил: «...сверху мы никогда не получим хорошей реформы». Он предложил демократизировать состав губернского земства, «который, несомненно, будет работоспособней и лучше поймет задачи момента» [3]. Собрание большинством голосов приняло это предложение, постановив начать выработку земской реформы, которая будет действовать до нового закона Временного правительства.

Народная инициатива по обновлению земств вынудила Временное правительство 24 апреля 1917 г. телеграфировать на места, «что земские собрания в случае надобности могут быть временно пополняемы представителями демократических слоев населения» [9. Л. 182]. На основании этой телеграммы дополнили свой состав даже те земства, которые не решались проявлять инициативу без разрешения центра. Саратовское чрезвычайное губернное земское собрание 18 мая 1917 г. решило вопрос о демократизации своего состава следующим образом: «...в состав его, кроме старых губернских земских гласных, вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях» [9. Л. 182 об.].

В объяснительной записке губернскому комиссару Саратовская губернская земская Управа представила механизм преобразования Губернского земского собрания, ссылаясь на «постановления съезда представителей уездных и губернских исполнительных Комитетов» [9. Л. 183]. В соответствии с ним «существующие уездные земские собрания сохраняют свои полномочия и пополняются в определенном количестве представителями от волостных собраний, от городов, а также от местных исполнительных общественных комитетов, военных комитетов и советов рабочих депутатов. Обновленные таким образом уездные земские собрания выбирают гласных в Губернское земское собрание в таком числе, в каком каждый уезд представлен на Губернском собрании по действующему расписанию, т. е. число гласных... увеличивается вдвое» [9. Л. 183].

Под контролем низовых общественных организаций земские самоуправления не только пополнялись демократическими, но и избавлялись от цензовых элементов. То же Саратовское губернное земское собрание решило, что «лица, участвовавшие в земских собраниях только на основании особых привилегий, присвоенных им старой властью свергнутого правительства, не могут уже участвовать в этих учреждениях» [9. Л. 182]. Прежде всего были лишены представительства в земствах дворянские общественные организации. Уездные предводители дворянства «как не гласные по избранию населения, а участвовавшие в земском собрании “ex officio” по должности, не были приняты в расчет при выборе губернских гласных на уездных собраниях». «Такое соображение уездных земских собраний, по мнению Губернского земского собрания, является вполне правильным, так как... прежняя власть совершенным государственным переворотом, несомненно, упразднена» [9. Л. 182]. Свою реорганизацию и приспособление к нуждам «текущего момента» Саратовское губернное земство объясняло не только требованиями времени. Оно следовало «точному смыслу резолюции съезда представителей исполнительных комитетов», который высказался за «пополнение состава гласных... по всей губернии единообразно в размере 100 %». Никаких процентных соотношений съезд не указывал. Они содержались в указаниях Временного правительства. Объединив рекомендации сверху и резолюции снизу, Саратовская губернская управа заявила, что она «поступила правильно» [9. Л. 182–184]. По сути, земство отстаивало собственное видение процесса реорганиза-

ции местного самоуправления. Оно настаивало на сочетании старых форм и нового содержания своей деятельности.

Демократизация губернских земских управ в Поволжье началась вслед за уездными в апреле и завершилась в конце мая — начале июня 1917 г. Формы этого процесса зависели от степени активности тех или иных общественных объединений. В Самарской и Саратовской губерниях пополнение губернских земских управ осуществлялось под эгидой общественных исполнительных комитетов, организованных по принципу коалиционных правительств. В этих губерниях консервативные элементы под давлением советов и комитетов вытеснялись из состава земских собраний и управ. Их место заняли агрономы, врачи, учителя, юристы, земские служащие различных специальностей. Советы рабочих, военных, крестьянских депутатов не только имели свое представительство в губернских земских собраниях, но и принимали участие в работе земских комиссий.

Самарское чрезвычайное губернское земское собрание, начавшее свою работу 6 июня 1917 г., утвердило новый состав гласных в количестве 135 человек против 64, действовавших до этого. Из него были удалены все гласные по назначению: 8 предводителей дворянств, 7 председателей старых уездных земских управ, 3 представителя дореволюционных ведомств [19. Л. 10]. В губернское земское собрание избрали преимущественно крестьян, «среди которых интеллигенция и небольшая группа рабочих» [1]. Значительно изменился также состав Самарской губернской земской управы — после перевыборов в ней осталось всего три цензовика «для сохранения преемственности работы земских управ» [19. Л. 52, 58]. Большинство новых гласных, вошедших в состав Самарского губернского земского собрания, по партийной принадлежности были эсеры, значительно меньше было кадетов за счет сохранивших свой статус старых земских гласных.

Саратовское чрезвычайное губернское земское собрание, «созывавшееся на 18 мая, было сконструировано таким образом, что в состав его кроме старых губернских земских гласных вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях». Оно также утвердило непрременное требование уездных земских собраний об удалении из земств должностных лиц, утвержденных «на основании особых привилегий... присвоенных им старой властью свергнутого правительства» [9. Л. 182 об.]. Большинство в реформированном Саратовском губернском земском собрании, как и в Самаре, принадлежало умеренным эсерам. Многие из них примыкали к народным социалистам, создателям Крестьянского союза. Весной 1917 г. Крестьянские союзы были организованы по всей Саратовской губернии, но они не выдержали конкурентной борьбы с крестьянскими комитетами [15, с. 174]. Однако в Саратовском земстве энесы сохранили свое влияние.

Крайне напряженные отношения сложились между властью и обществом в связи с демократизацией Казанского губернского земства. Губернская земская управа всячески оттягивала решение этого вопроса. Под давлением Казанского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и при непосредственном участии его крестьянской секции губернский Комитет общественной безопасности выработал план преобразования земства. В соответствии с ним из состава Губернского земского собрания удалялись все гласные по назначению, председатели уездных управ. Вместо них места предоставлялись новым общественно-политическим организациям: от Совета крестьянских депутатов — 75 человек, рабочих и солдатских — 12; политических партий — по 2 от каждой, губернских организаций местных народностей — по 2 от каждой, профессиональных союзов — по 2 от каждого [4, с. 81].

Казанское чрезвычайное губернское земское собрание, исходя из требований широкой общественности, 23 мая 1917 г. избрало новый состав губернской земской

Управы. В ней не оказалось ни одного лица, работавшего раньше в губернском земстве, зато появились представители левых эсеров и даже председатель Мусульманского социалистического комитета М. Вахитов. Такое радикальное обновление Казанского земства вызвало резко негативную реакцию Временного правительства. Оно немедленно предписало министерству финансов закрыть кредиты Казанскому земству во всех казначействах Госбанка [4, с. 82]. После долгих разбирательств с середины июня 1917 г. новый состав Управы смог приступить к работе, но деньги ей по-прежнему не выдавались теперь уже по причине общего расстройств финансов.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где общественные комитеты находились под контролем губернских комиссаров Временного правительства, земства пополнялись по инициативе местной администрации. Соотношение между властью и самоуправлением здесь было иное — не комитеты, а земства объявлялись высшими представительными органами власти [11, с. 33]. Такая система позволяла сохранить однородность социального состава представительной и исполнительной власти на местах. Этот баланс не мог сохраняться долго в условиях развивающейся революции, но он и создавался как временный.

В ходе реорганизации земского самоуправления регламентирующая деятельность Временного правительства была направлена на сдерживание местной инициативы, игнорирование правотворчества общественно-политических объединений, возникших в ходе революции. Это порождало неадекватную реакцию центрального руководства в отношении не только «творящих произвол» советов и комитетов, но и местных органов власти [21, с. 83–84]. Губернские и особенно уездные комиссары Временного правительства, большинство которых в Поволжье летом 1917 г. было переизбрано общественными комитетами или крестьянскими съездами, постоянно находились между «молотом и наковальней». Окрики и запреты сверху, давление снизу приводили в итоге к бездеятельности местной власти. А земство разделяло ее судьбу. Министерство внутренних дел в телеграммах, посланных губернским комиссарам в конце апреля 1917 г., постоянно подчеркивало, что «пополнение гласных представителями демократических слоев населения допустимо лишь в виде временной меры» [19. Л. 6].

Рассматривая процесс демократизации земского самоуправления в Поволжье, необходимо отметить некоторые особенности этого процесса на фоне общероссийских событий. Все уездные земские собрания под давлением общественных организаций осуществили демократическое обновление своего состава. Давние традиции массового крестьянского движения «за землю и волю» способствовали радикализации низовых общественных организаций, осуществлявших преобразования власти и самоуправления в сельской местности. Тактику Временного правительства, состоявшую в том, чтобы не навредить поспешными преобразованиями, местные административные структуры осуществить были не в состоянии. Они сами находились под контролем съездов, советов, комитетов.

Демократизация губернских земских собраний и особенно управ осуществлялась очень поверхностно и медленно. Даже в тех губерниях, где общественные комитеты или советы выступали за скорейшее пополнение губернских земств демократическими элементами, процесс этот осуществлялся формально. Цензовые элементы не только сохраняли за собой места в губернских земских собраниях, но и составляли большинство в губернских управах. Непосредственных рычагов влияния на губернские органы самоуправления у рабочих, солдатских и крестьянских организаций не было. Пожелания губернских общественных комитетов о необходимости демократизации органов самоуправления носили рекомендательный характер. В то же время губернские земства следовали указаниям Временного правительства, видевшего в них вполне пригодную структуру для формирования новой власти в стране.

Реорганизация самоуправления после февраля 1917 г. показала, что ни цензовым, ни обновленным и демократизированным думами и земствам не удалось аккумулировать силу мнения народа. Советы, защищавшие интересы рабочих и крестьян в революции, получили от них реальную поддержку. Этим воспользовались большевики, через советы захватившие власть и декларировавшие коренные изменения социально-экономических и общественно-политических отношений. Таким образом традиционализм революционных потоков победил западнические общедемократические ценности.

Библиографический список

1. Волжский день: политическая и общественно-литературная газета. 1917. 6 июня.
2. Волжское слово: политико-общественная и литературная газета. 1917. 16 марта.
3. Волжское слово. 1917. 11 апреля.
4. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 109. Ло. 1. Д. 1255.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138.
7. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4721.
9. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 137. Оп. 36. Д. 169.
11. Кабытова Н.Н. Местное самоуправление в 1917 году // Местное самоуправление в России. История и современность: материалы научно-практической конференции. Самара, 2015. С. 28–34.
12. Красный архив. М., 1926. Т. 2.
13. Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.
14. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 80.
15. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
16. Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 г.: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
17. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980.
18. Устина Л.Н. Городские думы в 1917 г. (на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993.
19. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 908.
20. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26.
21. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара: ПГСГА, 2014.

References

1. *Volzhskii den'. Politicheskaiia i obshchestvenno-literaturnaia gazeta*. 1917, June 6 [in Russian].
2. *Volzhskoe slovo. Politiko-obshchestvennaia i literaturnaia gazeta*. 1917, March 16 [in Russian].
3. *Volzhskoe slovo*. 1917, April 11 [in Russian].
4. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Territorial self-government in Russia]. M.: Nauka, 1990 [in Russian].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO)* [The State Archive of the Penza Region]. F. 109. Lo. 1. D. 1255 [in Russian].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 1788. Op. 2. D. 138 [in Russian].

7. GARF. F. 1788. Op. 6. D. 15 [in Russian].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO) [The State Archive of the Saratov Region]. F. 3. Op. 1 D. 4721 [in Russian].
9. GASO. F. 5. Op. 1. D. 3870 [in Russian].
10. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO) [The State Archive of the Ulyanovsk Region]. F. 137. Op. 36. D. 169 [in Russian].
11. Kabytova N.N. *Mestnoe samoupravlenie v 1917 godu* [Local self-government in 1917]. In: *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Istoriia i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Local self-government in Russia. History and modernity. Materials of research and practical conference]. Samara, 2015, pp. 28-34 [in Russian].
12. *Krasnyi arkhiv* [Red Archive]. M., 1926, Vol. 2 [in Russian].
13. Matveev M.N. *Zemstva Povolzh'ia v 1917–1918 godakh: dis. ... kand. ist. nauk* [County Councils of the Volga Region in 1917–1918: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 1995 [in Russian].
14. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [The National Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1246. Op. 1. D. 80 [in Russian].
15. Raleigh D.J. *Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove* [Revolution on the Volga. 1917 in Saratov]. Saratov, 1995 [in Russian].
16. Rumyansev D.E. *Demokratizatsiia organov gorodskogo samoupravleniia v Povolzh'e v 1917 g.: istoriko-politicheskii analiz: dis. ... kand. ist. nauk* [Democratization of bodies of municipal self-government in the Volga Region in 1917: historical and political analysis. Candidate's of Historical Sciences thesis]. Kazan, 2006 [in Russian].
17. Starcev V.I. *Vnutrenniaia politika Vremennogo pravitel'stva* [Domestic policy of the provisional government]. L., 1980 [in Russian].
18. Ustina L.N. *Gorodskie dumy v 1917 g. (na materialakh Samarskoi, Saratovskoi i Simbirskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [City councils in 1917 (on the materials of the Samara, Saratov and Simbirsk provinces). Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 1993.
19. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO)* [The Central State Archive of the Samara Region]. F. 5. Op. 9. D. 908 [in Russian].
20. TsGASO. F. 153. Op. 41. D. 26 [in Russian].
21. Shchelkov A.B. *Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara province in 1917]. Samara: PGSGA, 2014.

*N.N. Kabytova**

REFORMING THE STRUCTURES OF LOCAL GOVERNMENT IN 1917

In the article the first stage of reorganization of local government in conditions of revolutionary changes of 1917 is considered. Primary democratization of City Councils, provincial and district zemstvos was carried out under control of public executive committees with involvement of councils of working, military, country deputies.

Key words: Great Russian revolution, Provisional government, local government, thoughts, zemstvos, committees, councils.

Статья поступила в редакцию 25/IX/2016.
The article received 25/IX/2016.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of the Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**ЖЕНЩИНА СОЦИАЛЬНАЯ И ЖЕНЩИНА БИОЛОГИЧЕСКАЯ В ТИСКАХ
РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ 1920-Х ГГ.****

Статья посвящена анализу женской повседневности 1920-х гг. в провинциальной Самаре. Рассматривается тот срез повседневной жизни, который касается антропологии женского быта, практик родовспоможения, аборт, гендерных ролей в новых политических условиях советской эпохи. Показывается, как через медиализацию как часть государственной политики происходила трансформация женской повседневности, как формировался идеологический дискурс, подчинявший биологическое социальному.

Ключевые слова: женская повседневность, медиализация, родовспомогательные практики, аборт, проституция, Матмлад.

Мишель Фуко замечательно определил власть как множественность отношений силы, неизменно присутствующих в обществе [21]. Женщина была обречена на двойную силу, довлеющую над ней: силу политической власти и силу биологической незащитности. Женский организм не выбирает, рожать или не рожать в период войн и революций, голода и разрухи. Беременность, роды, аборт, сексуальная жизнь — все происходит в условиях тяжелейших пертурбаций начала XX века, первых лет советской власти. Даже медицинское обслуживание женского повседневного здоровья оказывалось в зависимости от политической власти, ее нравственных императивов, от решений этой власти — карать или миловать. Власть государства не может прочувствовать страх и отчаяние женщины, забеременевшей в ситуации голода и войны. Надо выносить этого ребенка, а если еще эта беременность не признана общественной нравственностью, то отчаянное положение женщины усиливается стократно. Как бы ни была эмансипирована женщина советской властью, повседневный биологический быт ее в 1920-е гг. был деформирован эпохой. В этой связи обращение к анализу того, как женщина в провинциальной Самаре (Куйбышеве) переживала свой гендерный статус, связанный в первую очередь с репродуктивной функцией, представляется важной и актуальной темой, позволяющей реконструировать повседневные практики выживания «маленького человека» в переходные периоды «большой истории». С этой проблемой тесно связан вопрос медиализации женского повседневного быта. Больница, врачи образовывали еще один дискурс власти, в который оказывалась помещенная женщина. Таким образом, нам видится возможным через исследование репродуктивного поведения женщин и медиализацию их быта в 1920-е гг. в границах провинциальной Самары проанализировать более общую проблему стратегий и тактик повседневного существования человека в эпоху войн и революций. Актуализированная монографией Н.З. Дэвис проблема «обочины», «оживления маргинального про-

* © Кобозева З.М., Скачкова У.О., 2016

Кобозева Зоя Михайловна (zoja_kobozeva@mail.ru), Скачкова Ульяна Олеговна (heyysugardaddy@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 16-01-00136.

странства» женщиной [3] в приложении к самарским женщинам первых лет советской власти становится нравственной задачей исследователя, исповедующего принцип, сформулированный А. Людке: «Каждый человек осваивает этот мир на свой собственный манер, т. е. воспринимает, чувствует и при этом моделирует и продуцирует его заново», «в ходе практического освоения зависимые превращаются в действующих лиц в акторов, которые демонстрируют многогранный, редко однозначный профиль поведения и эмоций» [10, с. 60–61].

Власть вторгается в повседневность в том числе через медиализацию. Медиализация быта, во-первых, была связана с вмешательством медицины в жизнь общества и ее стремлением все социальные проблемы признать “болезнями” [1], то есть то, что являлось отклонением от нормы, было приравнено к болезни.

Такой «болезнью» общества на протяжении 1920-х гг. становятся аборты, еще не запрещенные, но уже получившие все признаки «болезни» нравственной, социальной. После постановления циркуляра Наркомюста 1920 г. о разрешении проведения операций по искусственному прерыванию беременности [15. Л. 39] количество абортов к концу 1920-х гг. резко возрастает. В губернии действовала абортная комиссия. Доктор Булыгина, к примеру, в 1927 г. отмечала в своем докладе комиссии, что аборты являются «вредными и опасными для здоровья женщины» [17. Л. 75]. Врачи предлагали «провести широкую пропаганду предохранительных мер и разъяснительные беседы среди мужской части населения о вреде абортов, вести пропаганду применения презервативов» [17. Л. 75]. В конце концов собрание комиссии постановило, что нужно «усилить меры по охране матмлада», а именно: «...увеличить бесплатное снабжение противозачаточными средствами, используя на то средства от платных абортов; в консультации для женщин установить специальный прием для абортирующих и по вопросам профилактики беременности; принять более решительные меры по борьбе с подпольными абортами, для чего проводить наблюдение за женщинами, получающими отказ в абортной комиссии; выработать медицинские и социальные противопоказания к абортам» [17. Л. 75]. С разрешением абортов и резким увеличением их числа со стороны медицинского сообщества началась агитация против искусственного прерывания беременности. В губернии были введены «дни лекций и бесед» о вреде абортов и установлена тщательная слежка за теми, кто получил отказ в абортной операции, дабы избежать подпольных операций по прерыванию беременности. Вместе с тем народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко в своем докладе отмечал, что наказуемость абортов толкает женщин к знахаркам и повитухам, и поэтому «наказание следует применять лишь к бабкам и акушеркам, причиняющим увечья женщинам» [5, с. 118]. Сохранившиеся в архиве карточки об искусственном прерывании беременности за 1929 г. по рассматриваемому региону свидетельствуют о том, что основной причиной прерывания беременности был недостаток средств к жизни [19. Л. 77 (а) об.—85 об.].

Во-вторых, медиализация характеризовалась проникновением в массовое сознание медицинского языка [23]. Сам термин «аборт» обретает в просторечии исключительно негативные коннотации. Под пером Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» рождается выражение «жертва аборта» [6, с. 77], активно подхваченное повседневностью. В самарской периодической печати в 1920-е гг. создается негативный образ женщин, делающих аборты.

Медиализация подразумевала также и закрепление ярлыков за текстами поведения, вредными как для человеческого организма, так и для общества [23]. В 1920-е гг. одной из проблем, с которой боролись врачи и работники в области охраны материнства и младенчества, было подбрасывание детей. Несмотря на то что подкидыши существовали и в дореволюционной России, в советскую эпоху общество было призвано на борьбу с дан-

ным пороком. На городской беспартийной конференции женщин г. Бугуруслана от 8 марта 1927 г., (присутствовало 130 человек) на повестке дня был доклад товарища Хрущевой о «значении охраны матмлада и достижениях в этой области» [16. Л. 12]. В прениях выступила товарищ Филипова: «Мы знаем, что в дет-приемнике положение не из хороших, там есть смертность детей, которая объясняется тем, что подкидывают детей от 2 дней – 2 недель после рождения. Был такой случай, подкинули ребенка, у которого на голове кора (от дерева. – З.К., У.С.); после того как ребенка помыли, там оказались насекомые – вот причины смертности» [16. Л. 12]. Далее, Филипова осуждала женщин, которые подбрасывают детей, и говорила о том, что «если бы не было таких зверей-матерей – женщин и отцов-мужчин, не было бы подкидывания» [16. Л. 12]. Таким образом, за женщинами, подкидывающими своих детей, закреплялся в рассматриваемый период ярлык «матери-звери». В качестве метода борьбы за сокращение такого типа поведения в обществе Филипова предлагала: «...наша задача не подборка ребят, а раскрепощение женщины, объясняя, что такое дет-ясли, о которых некоторые не знают» [16. Л. 12].

Медикализация выступала и как институт «социального контроля» [20] за советской нравственностью. «Социальный контроль – это процесс противодействия девиантному поведению и поддержания социальной стабильности, осуществляемый посредством наложения санкций» [1]. Санкции выступали как наказание за отклонение от диктуемых норм и могли быть наказанием либо уголовным, либо общественным. Лучше всего практики санкций прослеживаются в борьбе советской власти с проституцией. После уничтожения в 1917 г. системы «полицейзма», когда был упразднен Врачебно-полицейский комитет, отменена регистрация проституток, бывшие «легальные» проститутки оказались на одинаковом положении с «нелегальными», и деятельность продажных женщин перестала рассматриваться государством как профессия [12, с. 79]. Начали создаваться комиссии по борьбе с проституцией, в том числе и в Самаре, которые действовали при венерологической секции Народного комиссариата здравоохранения [11, с. 213]. 20 февраля 1923 г. в губернской советской больнице им. Н.И. Пирогова открылся венерологический диспансер, в котором наряду с вопросами о самих болезнях, способах их распространения, мерах предупреждения велись беседы о борьбе с проституцией [4, с. 417]. Из доклада Новицкого с заседания комиссии по борьбе с проституцией видно, что в 1920-е гг. проституция «развилась до колоссальных размеров» [18. Л. 5].

Медикализация была также частью программы «Матмлада», охраны материнства и младенчества. С начала 1920-х гг. началась разработка законодательства об охране труда женщин и подростков. Наркомздрав и Наркомтруд РСФСР утвердили постановление об охране женского труда. В 1921 г. был издан специальный сборник документов и постановлений об охране женского и детского труда, об охране материнства и младенчества, который включал в себя постановления Совнаркома, наркоматов труда, здравоохранения и юстиции [14]. В 1922 г. в Москве был организован Государственный научный институт Охраны материнства и младенчества [5, с. 156]. Начинает издаваться специальная литература по вопросам Матмлада. В газете «Известия ВЦИК» от 1 января 1922 г. было опубликовано постановление СНК «О дополнительных пособиях роженицам» [22. Л. 16]. В 1920-е гг. большинство женщин в России не имели отпуска по уходу за ребенком и не получали пособия на грудных детей [5, с. 148]. «Кодекс законов о труде», изданный в 1922 г., предусматривал социальные гарантии беременным женщинам и молодым матерям. Кроме того, в нем оговаривалось, что не допускается ночная и сверхурочная работа беременных и кормящих грудью, освобождались от работы женщины за 8 недель до и после родов и т. д. [5, с. 148]. В 1920-е гг. в Поволжье охрана Матмлада стала особенно актуальной из-за голода. Власть использовала различные практики по увеличению эффективности работы Матмлада: в 1927 г. в Самаре проводился «трех-

дневник» по охране Матмлада, с помощью которого планировалось открыть ясли в г. Бугуруслане, кружок охраны Матмлада в Тимашеве, женскую консультацию в Мелекесе, трудовое общежитие для беременных матерей в Самаре и т. д. В 1921 г. в Самарской губернии действовал 31 дом матери и ребенка, всего — 37 учреждений Матмлада [5, с. 154]. В 1925 г. — уже 92 учреждения Матмлада [5, с. 154]. Работали пять консультаций для детей, 1 женская консультация, 1 юридическая консультация, несколько яслей, большая молочная кухня [5, с. 154]. Проблема охраны материнства и младенчества звучала со страниц номеров журнала «Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области». В частности, В. Курзон анализировал в своей статье, как данная проблема решается в Германии, отмечая «неуклонный рост аборт» в этой стране и приводя статистику осужденных законом в 1926 г. за аборты (6268 человек, Германия, 1926 г.) [8, с. 39–68]. Тема абортов была основной и в контексте проблемы охраны материнства и младенчества. В статье «Очередные задачи охраны материнства и младенчества» в 1929 г. В. Лебедева среди тенденций увеличения количества родильных коек, консультаций, вынуждена была отметить и увеличение числа коек для абортов. Причем часто для тех, кто стал жертвой аборта повитух. Поэтому в статье задается вопрос: «Должны ли мы выделять койки только для родов, а аборты предоставлять самим себе, не заботясь их госпитализировать?». Потому что, по мнению автора, на каждые 100 родов приходится, к примеру, по Москве 76 абортов [9, с. 15]. Я.Д. Розенберг в статье «Плохо ведется борьба с бабками» утверждал, что бабки продолжают по-старому калечить родильниц: подвешивают к потолку, щекочат зев, чтобы вызвать рвоту, поят водкой и т. д. [13, с. 65]. Но на самом деле больницы и амбулатории были перегружены. Дестабилизация семьи приводила к росту нежелательных беременностей, единственным выходом из которых был аборт. И женщины не могли рассчитывать на качественную больничную госпитализацию, поэтому обращались к бабкам, повитухам. А в медицинской прессе эта ситуация объяснялась «неграмотностью, темнотой, некультурностью... женских масс», и уже при сформировавшемся дискурсе добавлялось, что все это «замедляет рост социализма» [7, с. 19]. Но не только аборты, но и роды также в сельской местности находились в руках повитух и бабок, о чем писали самарские врачи [2, с. 21].

Таким образом, в 1920-е гг. в Самарской губернии медиализация активно выступала в роли института социального контроля и действовала со стороны власти. Практики повседневного выживания женщин в сложную эпоху, связанные с родами, абортами, нравственностью, отчаянным положением, толкавшим на проституцию, позволяют сделать вывод о постоянном приспособлении женского биологического быта к социальному пространству новой социалистической эпохи. Основная стратегия выживания приводила к тому, что, ничего не опровергая и не меняя, женщины использовали власть, говорили ее языком, оказывались внешне ассимилированными этой властью, но, распоряжаясь своим телом, они подрывали изнутри эту власть.

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004.
2. Вырыпаев Г. К вопросу переквалификации сельских акушеров // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1928. № 3. Декабрь.
3. Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.
4. Ерендеева А.Н. Состояние сети медицинских учреждений, специализирующихся на лечении социальных болезней (на примере Самарской губернии 1920-х гг.) / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2). Самара, 2011.
5. Захарова Л.Б. Концепция социальной политики советской власти: теория и практика (1920-е гг.) Самара, 2012

6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1983.
7. Краснова Ф. Культурная революция по линии охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1928. № 3. Декабрь
8. Курзон В. Проблема населения и охрана материнства и младенчества в Германии // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 5. Май.
9. Лебедева В. Очередные задачи охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 6(9). Июнь.
10. Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
11. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение / под ред. К. Цеткин. М.; Л., 1929.
12. Панин С. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. Вып. 1.
13. Розенберг Я.Д. Плохо ведется борьба с бабками // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 6(9). Июнь.
14. Советская власть и раскрепощение женщины: сборник документов и постановлений РСФСР. М., 1921.
15. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337.
16. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2550.
17. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2696.
18. СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 8. Д. 96.
19. СОГАСПИ. Ф. 9483. Оп. 4. Д. 62.
20. Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль / Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 12. № 3.
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М., 1996.
22. ЦГАСО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 72.
23. Шухатович В.Р. Медикализация // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицаков, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Минск, 2003.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological Dictionary]. М., 2004 [in Russian].
2. Vyrypaev G. *K voprosu perekvalifikatsii sel'skikh akusherok* [On the question of re-training of rural midwives]. In: *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region]. 1928, no. 3. December [in Russian].
3. Devis N.Z. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka* [Ladies on the sidelines. Three female portraits of the XVII century]. М., 1999 [in Russian].
4. Erendeeva A.N. *Sostoianie seti meditsinskikh uchrezhdenii, spetsializiruiushchikhsia na lechenii sotsial'nykh boleznei (na primere Samarskoi gubernii 1920-kh gg.)* [State of network of medical institutions, specializing in the treatment of social diseases (on the example of the province of Samara of the 1920-ies)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, Vol. 13, no. 3(2) [in Russian].
5. Zakharova L.B. *Kontseptsiiia sotsial'noi politiki sovetskoii vlasti: teoriia i praktika (1920-e gg.)* [Concept of social policy of Soviet power: theory and practice (1920-ies)]. Samara, 2012 [in Russian].
6. Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat' stul'ev* [The Twelve Chairs]. М., 1983 [in Russian].
7. Krasnova F. *Kul'turnaia revoliutsiia po linii okhrany Materinstva i mladenchestva* [Cultural Revolution along the line of maternal and child welfare]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region]. Samara, 1928, no. 3. December [in Russian].
8. Kurzon V. *Problema naseleniia i okhrana materinstva i mladenchestva v Germanii* [The problem of population and maternal and child welfare in Germany]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 5. May [in Russian].

9. Lebedeva V. *Ocherednye zadachi okhrany Materinstva i mladenchestva* [Immediate tasks of maternal and child welfare]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 6(9). June [in Russian].
10. Lyudke A. *Istoriia povsednevnosti v Germanii. Nove podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* [History of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power]. M., 2010 [in Russian].
11. Milovidova E. *Zhenskii vopros i zhenskoe dvizhenie. Pod red. K. Tsetkin* [The question of women's rights and feminist movement. K. Tsetkin (Ed.)]. M.-L., 1929 [in Russian].
12. Panin S. "Prodazhnaia liubov" v Sovetskoii Rossii (1920-e gody) [«Love for sale» in Soviet Russia (1920-ies)]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2005, Issue 1 [in Russian].
13. Rozenberg Ya.D. *Plokho vedetsia bor'ba s babkami* [The fight with beldams is poorly conducted]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 6(9). June [in Russian].
14. *Sovetskaia vlast' i raskreposhchenie zhenshchiny. Sbornik dokumentov i postanovlenii RSFSR* [Soviet power and the emancipation of women. Collection of documents and decrees of the RSFSR]. M., 1921 [in Russian].
15. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 337 [in Russian].
16. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 2550 [in Russian].
17. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 2696 [in Russian].
18. *SOGASPI*. F. 9388. Op. 8. D. 96 [in Russian].
19. *SOGASPI*. F. 9483, Op. 4. D. 62 [in Russian].
20. Temkina A. *Medikalizatsiia reproduksii i rodov: bor'ba za kontrol'* [The medicalisation of reproduction and childbirth: the struggle for control]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2015, Vol. 12, no. 3 [in Russian].
21. Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Per. s frants.* [The will to truth: beyond the knowledge, power and sexuality. The works of various years. Transl. from French]. M., 1996 [in Russian].
22. *TsGASO*. F. 244. Op. 1. D. 72 [in Russian].
23. Shukhatovich V.R. *Medikalizatsiia* [Medicalization]. In: *Sotsiologiiia: entsiklopediia. Sost. A.A. Griksanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin i dr.* [Sociology: encyclopedia. Compilers A.A. Griksanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin et al.]. Minsk, 2003 [in Russian].

*Z.M. Kobozeva, U.O. Skachkova**

WOMEN AS SOCIAL AND BIOLOGICAL CREATURES IN THE EARLY SOVIET ERA OF 1920-IES**

This article is dedicated to the everyday life of women in 1920-ies. The aspect that deals with the anthropology of women's life, obstetrics, abortion and gender roles in new political conditions of the Soviet era will be explored. It is shown, how medicalization, being the part of government policy, changed women's everyday life, formed the ideological discourse, subordinating biological being to the social one.

Key words: women's everyday life, medicalization, obstetrics, abortion, prostitution, Matmlad.

Статья поступила в редакцию 12/XI/2016.

The article received 12/XI/2016.

* *Kobozeva Zoya Mikhailovna* (kobozeva_zoya@mail.ru), *Skachkova Ulyana Gennadiievna* (iulianiayaa@gmail.com), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The work is performed with the support from the Russian Foundation for the Humanities. Grant 16-01-00136.*

ЭТНОЭТИКЕТ БАШКИР В ЭПОСЕ «КОНГУР-БУГА»

В башкирском фольклоре имеются уникальные произведения, содержащие ценные сведения об этнических стереотипах поведения. Проблема изучения эпического наследия башкир с целью выявления этикетной информации остается актуальной в силу малоизученности и важна для воссоздания целостной картины этноэтикета.

Цель статьи – анализ эпического сказания «Конгур-буга» для выявления особенностей этноэтикета башкир, представленных в устной традиции. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: проанализированы этикетные ситуации, представленные в эпосе «Конгур-буга»; выявлена семиотическая нагрузка отдельных атрибутов этикета. Комплексный подход, предполагающий анализ исторических, филологических, этнографических работ и фольклорных текстов, позволил разносторонне изучить отдельные этикетные ситуации.

Таким образом, эпос «Конгур-буга» содержит ценные знания народа о мире, отдельные сведения о материальной, духовной и поведенческой культуре, об этнической истории башкир. В эпосе нашли отражение культ предков, космологические и космогонические представления, семейный этикет, обычай гостеприимства, почитание животных и природы в целом.

Ключевые слова: этикет башкир, эпос «Конгур-буга», счастье, благополучие, успех, гостеприимство, этикет путника.

Общеизвестно, что фольклор испокон веков был средством фиксации, пропаганды и способом внедрения в сознание людей знаний и опыта народа. Он возникал в повседневной жизни, и его основные функции также реализовывались в быту. Являясь частью национальной культуры, устное народное творчество отражает основные вехи этнической истории, особенности духовной и материальной культуры, этические и эстетические взгляды, идеалы.

Исследование фольклорных текстов обусловлено прежде всего их прагматико-семиотической природой. Чтобы глубже познать эти особенности, необходимо обратиться к данным истории, философии, этнографии и языка. Согласно К.В. Чистову, фольклор не может быть понят без тщательного рассмотрения этнографического субстрата, лежащего в его основе. Он был важнейшим компонентом традиционной культуры, интегрировавшим все сферы духовной, в известной мере материальной и особенно соционормативной культуры большинства этноса [1, с. 56]. Анализ эпоса «Конгур-буга» показывает, что в основе сюжета прослеживаются проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью, общественным и семейным бытом, раскрыва-

* © Баязитова Р.Р., 2016

Баязитова Розалия Рафкатовна (rosali8@mail.ru), кафедра башкирской литературы и культуры, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, 450000, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3 а.

ются стереотипы поведения в типичных ситуациях взаимодействия. В представленной работе рассмотрим репрезентацию этноэтикета в эпосе «Конгур-буга».

По сюжету эпоса главную героиню, красавицу Тандысу, выдают замуж за северного башкира Минэя, который отличился в битве с хунскими тюрками. Родители Тандысы, согласно обычаю башкир, проводили дочь в дом жениха, дав ей в приданое бурю корову. Буря корова каждый год приносила разномастных телят, даря потомству тот или иной цвет. Прошло около шестидесяти трех лет. Седьмая телочка от седьмого потомства всем своим видом и нравом походила на самую первую бурю корову. Она принесла двух невиданных и несслыханных доньин в животном мире телят. После этого Конгур-буга стала беспокойной, мычала и ревела, однажды исчезла вместе со своими телятами [2, с. 209]. Беспокойство Конгур-буги началось после того, как она принесла двух телят. По поверьям башкир, если корова двойней отелится, мычит беспричинно – это к несчастью [3]. Такое странное поведение коровы, с одной стороны, послужило для развития сюжета, с другой – возможно, предвещало смерть близких, матери Тандысы.

«Однажды Конгур-буга исчезла вместе со своими телятами. “Кабы вместе с ними не ушло мое счастье”, – опечаленно думала Тандыса» [2, с. 209]. Женщина отправляется на поиски пропавших животных, беспокоясь о «кот» (счастье, благополучии).

Категория «кот» связана с древнетюркским «gut». «В древнетюркском языке оно имело такие значения: 1) «душа, жизненная сила, дух»; 2) «счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех»; 3) «достоинство, величие». В казахском и каракалпакском – кут: 1) «жизненная сила, дух»; 2) «амулет, охраняющий скот»; 3) «счастье». В киргизском это слово означает: 1) «кусочек студенистого вещества темно-красного цвета, якобы падающий через дымовое отверстие и приносящий счастье хорошему, честному человеку» (возможно, сгусток крови; ср. сюжет о герое, рождающемся со сгустком крови в руке); 2) «оберег, охраняющий скот и человека»; 3) «божок, маленький идол»; 4) «жизненная сила, дух, душа»; 5) «счастье, удача, благодать». В хакасском и алтайском кут – «душа, дух, жизненная сила (ср. монг. хутаг – «счастье, благополучие»; тунгус. gutu – «счастье», корейск. кут – «шаманский обряд» и т. д.) [4, с. 72]. В рассматриваемом произведении под понятием «кот» подразумеваются все вышеперечисленные значения этой категории. Рассмотрим некоторые из них.

По древним воззрениям башкир, в одном из животных табуна или стада может заключаться благополучие «кот».

«Счастье многим принесла домам / Та корова, что отдал я вам» [2, с. 223] – слова отца Тандысы подтверждают бытование подобного поверья. Животных, наделенных природой «кот», не продавали, оберегали от сглаза, пропажи.

В прошлом для сохранения «кот» животных башкиры делали амулет «түл төйөнө», который изготавливался из высушенного и толченого полового органа пленного быка и привязывался на шею скота для увеличения приплода. Как правило, такой оберег нельзя отдавать, тем более продавать. Например, в эпосе «Конгур-буга» старейшина рода на шею теленка привязывает узелочек приплода:

*Конгур-буга, скотинка моя,
И вы, телятки, подите сюда:
Знак достатка и счастья вашего
Мы на шею теленка привяжем.
На барана с улитковым рогом
Подвесим узелочек приплода [2, с. 224].*

Исследователи культа животных в мифоритуальной традиции башкир А.Ф. Илимбетова, Ф.Ф. Илимбетов отмечают, что использование половых органов быка (коровы) как магического средства не было случайным явлением, а вытекало из представлений древних людей о тотемном быке (корове) – источнике жизненной силы, прародителе людей [5, с. 482]. Сейчас такие амулеты не делают, вместо этого иногда используют веревку с разноцветными лоскутками.

В эпосе «Конгур-буга» упомянуто также значение категории «кот» в значении «душа, жизненная сила, дух». Дух Урал-батыра, описанный в эпосе, является покровителем и защитником башкир, связующим звеном между мирами. «Наверное, это дух Урал-батыра, чтобы враг не ступил на него ногой, не грабил и не разорял народ. Оказывается, это правда», – подумала Тандыса [2, с. 219]. Образ Урал-батыра из одноименного эпоса, упомянутый в произведении, подчеркивает значение устного народного творчества в жизни башкир и культа предков. Согласно обычаю, башкиры должны знать своих предков до седьмого колена, посвящать им молитвы.

Вера в бытование «кот», характерная для многих народов, послужила развитию сюжета эпоса. Действия героев произведения, направленные на сохранение благополучия родной земли, людей и животных, подтверждают значение категории «кот» как важнейшего регулятора общественной жизни, которая легла в основу традиционного этикета башкир.

Уверенное поведение главной героини эпоса «Конгур-буга» в пути (пространстве) объясняется тем, что она не выделялась из окружающей среды, ощущала свое органическое единство и родство с ней, ей были известны повадки животных и зверей. Уверенность также обусловлена тем, что она хорошо знала приметы и поверья. Эти знаки прогнозировали судьбу и поведение женщины. Например, «если куница переходит тебе дорогу, это к добру», вспомнилось Тандысе; увидев отца и мать в рассветных сновидениях, она обрадовалась, поднялась с просветленной душой; при виде сорок подумала, что эти священные птицы принесли ей добрую весть, и это ее успокоило [2, с. 212, 219–221]. Подобные поверья сохранились по сегодняшний день. Например, согласно представлениям башкир, если в пути повстречается заяц или лиса – не к добру. Встреча с зайцем была дурным предзнаменованием не только для башкир, но и для многих других народов. Увидевший зайца на дороге должен был плюнуть, чтобы избежать неприятностей, пишет И.Ю. Винокурова [6, с. 144]. Тандыса хорошо ориентировалась в пространстве, глядя на Тимерказык-звезду, на звезды Сарат, Бузат, Етеган, Улькар, Аркысак-Торкысак, определяла направление, выверяла, вымеряла, до какой горы добралась [2, с. 227]. Примечательно также то, что личные имена героев эпического сказания созвучны с названиями созвездий. Для кочевых народов определение направления движения по звездному небу было характерным явлением. Согласно наблюдениям Г. Тагана, киргизские пастухи в пасмурную ночь ориентировались по направлению ветра, по запаху земли, травы [7, с. 44–45]. По словам информаторов, в случае потери дороги без понукания отпускали лошадь в свободном направлении, полагаясь на память животного [8].

Вера в существование иных миров, душ умерших предков, которые оберегают, защищают своих потомков, и духовная связь между ними также прослеживаются в эпическом сказании. «Если спать на кладбище, с тобой ничего не случится», – вспомнив слова стариков, Тандыса решила ночевать на кладбище предков [2, с. 219]. Почитание народом памяти предков подтверждает то, что свидетельская присяга, совершенная на кладбище, имела особенную важность и священность для башкир [9, с. 363].

В произведении подробно раскрываются проводы гостя. Прощание Тандысы с сородичами описывается следующим образом: «Наутро собрался народ, чтобы прово-

дить ее в дорогу. Старейшины рода произнесли напутственные слова, а родители свой завет-аманат» [2, с. 223]. Отдельные отголоски описываемой этикетной ситуации сохранились до сегодняшних дней, но с добавлением новых элементов. Сейчас, провожая человека в дальнюю дорогу, все находящиеся в помещении люди садятся, читают молитву, произносят благопожелания. Например, «Хызыр Ильяс юлдаш булһын!» (Пусть спутником будет Хызыр Ильяс!) – так говорят отправляющимся в дорогу. Считается, что Хызыр Ильяс предостерегает путников от опасностей, оказывает им помощь.

В эпическом сказании подробно описывается обычай одаривания гостя. «В традиционном башкирском обществе предметами дарения выступали объекты материальной и духовной культуры. В зависимости от ситуации общения и социального статуса в качестве дара служили скот, домашняя птица, одежда, украшения, оружие, продукты питания и т. п. Известны случаи дарения песни» [10, с. 265].

На память песню о родимом крае

Я пропою – запомни ты ее [2, с. 224].

Башкиры, отправляясь в путь, не оглядывались и назад не возвращались, даже если что-то забыли. Они объясняли это тем, что пути не будет, поездка сложится неудачной: «С тех пор, как Тандыса покинула родительский дом, она шла, ни разу не оглядываясь назад, боясь, что родительские добрые пожелания исчезнут и страдания станут преследовать ее» [2, с. 225]. Значение запретов и предписаний, связанных с дорогой, сводится к пожеланию успехов и удачной дороги, предотвращению неудач в пути.

Приход гостя у башкир считается радостным событием. Обычай башкирского гостеприимства имеет вполне реальные основы, отчасти объясняемые традиционным типом хозяйствования. Полукочевая жизнь обусловила появление и бытование института гостеприимства как своеобразной формы социального сотрудничества и взаимопомощи людей в условиях сурового быта, сопряженного с немалыми трудностями и лишениями. Нередко человек в степи не по своей воле приходил к порогу чужого дома, и в таких случаях нельзя было обойтись без взаимного гостеприимства [11, с. 153].

Руководствуясь сведениями, представленными в эпосе, рассмотрим некоторые особенности гостеприимства: «...вышла старая, согбенная старушка», «...вышел столетний старик», «Тандыса обняла родителей, прижала их к своей груди», «Тандысу встретили с радостью», «...отец с матерью старались угостить дочку лучшим, что у них было», «...в ее честь устроили угощение, развлечения да веселье», «...сказавши скотине: “Вы тоже гости наши дорогие”, – дали полизать соли» [2, с. 221, 222]. Как правило, башкиры гостей встречают у ворот, на стол ставят лучшие угощения, устраивают прием в честь гостя (показ гостя) и т. п.

В эпосе «Конгур-буга» старейшина рода, протянув Тандысе чашу, полную кумыса, сказал: «Пей вместо молока матери, дочь моя» [2, с. 222]. В представлении народа белая пища ассоциируется с молоком матери, наделяется сакральным смыслом. Провожая человека в дорогу, желали «акюл», встречали белой пищей, подавая кумыс.

В угощении гостя особое значение придавали мясным кушаньям. Кочевые народы разделявали мясо, расчлняя по суставам. С понятием нетленной части тела «кость» связана идея возрождения: кости культового животного/птицы не разбрасываются, захораниваются, чтобы они возродились в их потомках [12, с. 95].

В варианте записи эпоса Г. Агишева «Конгур-буга» аксакал, разбивая баранину на части, напевал:

Это будет шея,

В ней семь позвонков.

Первый позвонок — весомый,
 Весомая рука — подходящая.
 Семь кусков — семь позвонков,
 Сумеешь взять — будут тебе.
 Спинных позвонков — двенадцать,
 Сумеешь взять — будут твои.
 Здесь же прослеживается распределение кусков по статусу:
 Голову возьмет отец твой,
 Шею возьмет мать,
 Ляжку возьмет старший брат,
 Младшая сестра — ножку,
 Невестка возьмет копыту [13, с. 82].

Наиболее лакомыми считались грудинка (түш-ите), жирные нижние ребра (кабырға), верхняя часть ног (төпөш, янбаш). Мясо с костью (бай һөйәк) преподносилось наиболее уважаемым пожилым мужчинам или приезжим гостям. Те, отделив ножом кусочки мякоти, должны были угостить ближайших соседей [14, с. 153].

Подобное распределение кусков мяса было характерно и для других тюрко-монгольских народов. Материалы эпоса раскрывают значимость обычая гостеприимства, особенности встречи, угощения и проводов гостя.

В эпическом творчестве башкир нашли отражение этические основания почитания женщин. Возвеличивание образа Тандысы, главной героини, ее матери равносильно прославлению родины. Анализируя судьбу восточной женщины и образ Каныкай, верной жены, ближайшей советчицы Манаса, А.М. Сулейманов приводит имена таких легендарных женщин, как царица Томирида, отважная Зарина, Бурлихатун, Барсын-Чачак. Он также называет такие женские образы башкирских эпосов, как Хумай из «Урал-батыра» и Нэркэс, победившая в единоборстве Яик-батыра, сына Урал-батыра, из эпоса «Акбузат»; Зухра из «Алдара и Зухры». Автор статьи также отмечает общность образа Каныкай с образом Бэндэбики из сказаний о Еренсе-сэсэне, которая по своей мудрости тоже намного превышает своего мужа, слывшего самым мудрым из всех мудрецов [15]. Образ Тандысы — главной героини эпоса, дочери, верной супруги, бесстрашного путника, почетной гостьи — по сегодняшний день является идеалом поведенческой культуры башкир. Почетный прием в доме родителей, одаривание ценными подарками являются показателем почитания женщин, передают нравственную атмосферу традиционной культуры.

Таким образом, анализ эпоса «Конгур-буга» с точки зрения выявления этикетной информации значительно расширил наше представление о традиционной культуре башкир. В произведении запечатлены знания народа о мире, отдельные сведения о материальной, духовной и поведенческой культуре, об этнической истории башкир. Согласно древним воззрениям народа, все в мире было взаимосвязано. Исходя из этого, были выработаны нормы и поведенческие стереотипы. В эпосе отражены культ предков, космологические и космогонические представления, семейный этикет, обычай гостеприимства, почитание животных и природы в целом.

В башкирском фольклоре известно несколько вариантов сказания, но все они имеют устойчивый сюжет. В народе по сей день сохранились отголоски этого эпоса, бытует и одноименная песня. Дорогу, по которой с севера на юг пришел бежавший скот, стали называть «Дорогой Конгур-буги».

Библиографический список

1. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1986. 298 с.

2. Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 544 с.
3. Полевые записи автора. 2002 г
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
5. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 704 с.
6. Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
7. Таган Галимжан. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах / пер. с венг. Йожефа Тормы. Уфа: Гилем, 2005. 160 с.
8. Полевые записи автора, 2003
9. Кудряшев П.М. Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. I. Уфа, 1989. 512 с.
10. Баязитова Р.Р. Традиционный обмен дарами в фольклоре башкир // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 264–269.
11. Рахматуллина З.Я. Башкирское гостеприимство как социокультурное явление // Бельские просторы. 2001. № 3 (28). С. 152–158.
12. Решетникова А.П. Символическое поведение главных персонажей свадьбы: «умирающая» невеста, «невидимый» жених // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири / сост. О.Б. Христофорова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 94–102.
13. Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2004. 320 с.
14. Башкиры: этническая история и традиционная культура / под общ. ред. Р.М. Юсупова. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
15. Сулейманов А.М. Кыргызский дастан «Манас» и башкирский эпос как часть художественных универсалий // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 2. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/06/Сулейманов.pdf>.

References

1. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i fol'klor. Ocherki teorii* [National traditions and folklore. Essays of theory]. L.: Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoe otdelenie, 1986, 298 p. [in Russian].
2. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Tom I. Epos* [Bashkir folk art. Vol. 1. Epic]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 544 p. [in Russian].
3. *Polevye zapisi avtora* [Field notes of an author], 2002 [in Russian].
4. Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [Traditional world view of Turkomen of South Siberia. Person. Society]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1989, 243 p. [in Russian].
5. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *Kul't zhivotnykh v miforitual'noi traditsii bashkir. 2-e izd., ispr. i dop.* [Cult of animals in myth and ritual tradition of the Bashkirs]. Ufa: AN RB, Gilem, 2012, 704 p. [in Russian].
6. Vinokurova I.Yu. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the traditional worldview of the Veps (experience of reconstruction)]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2006, 448 p. [in Russian].
7. Tagan Galimzhan. *Etnograficheskie zametki o bashkirakh i drugikh tiurkskikh narodakh. Per. s veng. Iozhefa Tormy* [Ethnographical notes on the Bashkirs and other Turkic people. Transl. from Hungarian by Iozhef Torma]. Ufa: Gilem, 2005, 160 p. [in Russian].
8. *Polevye zapisi avtora* [Field notes of an author], 2003 [in Russian].
9. Kudryashev P.M. *Predrassudki i sueveriya bashkirtsev* [Prejudices and superstitions of the Bashkir]. In: *Bashkiriia v russkoi literature. T.I.* [Bashkiriia in the Russian literature. Vol. I]. Ufa, 1989, 512 p. [in Russian].
10. Bajazitova R. *Traditsionnyi obmen darami v fol'klore Bashkir* [The traditional exchange of gifts in the folklore of the Bashkirs]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2013, no. 4, pp. 264–269 [in Russian].

11. Rahmatullina Z. *Bashkirkoe gostepriimstvo kak sociokul'turnoe javlenie* [Bashkir hospitality as a sociocultural event]. *Bel'skie prostory*, 2001, no. 3(28), pp. 152–158 [in Russian].
12. Reshetnikova A.P. *Simvolicheskoe povedenie glavnyh personazhej svad'by: «umirajushhaja nevesta, «nevidimyj» zhenih* [Symbolic behavior of the main characters of a wedding: «dying» bride, «invisible» groom]. In: *Mif, simbol, ritual. Narody Sibiri. Sost. O.B. Hristoforova; Otv. red. S.Ju. Nekljudov* [Myth, symbol, ritual. Peoples of Siberia. Compiler O.B. Khristoforova; S.Yu. Neklyudov (Ed.)]. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2008, pp. 94–102 [in Russian].
13. Galin S.A. *Bashkirkij narodnyj epos* [Bashkir national epos]. Ufa: Ajerokosmos i noosfera, 2004, 320 p. [in Russian].
14. *Bashkiry: etnicheskaia istoriia i traditsionnaia kul'tura. Pod obshch. red. R.M. Iusupova* [Bashkirs: ethnical history and traditional culture. R.M. Yusupov (Ed.)]. Ufa: Nauchnoe izdatel'stvo «Bashkirskaia entsiklopediia», 2002, 248 p. [in Russian].
15. Suleymanov A.M. *Kyrgyzskii dastan «Manas» i bashkirkii epos kak chast' khudozhestvennykh universalii* [Kyrgyz epos «Manas» and Bashkir epic as a part of artistic universals]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Serii Eposovedenie* [Series «Epic studies» of peer-reviewed academic periodical «Vestnik NEFU»], 2016, no. 2. Retrieved from: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/06/Сулейманов.pdf> [in Russian].

R.R. Bayazitova*

ETHNO-ETIQUETTE OF BASHKIR IN THE EPOS «KONGUR-BUGA»

There are unique pieces of literature in the Bashkir folklore which contain valuable information about the ethnic stereotypes of behavior. The problem of learning the Bashkirs epic heritage to identify etiquette information remains topical because it is little-studied. Also it is important to build a holistic picture of ethno-etiquette.

The purpose of the article is to analyse the epic tales «Kongur-Buga» to identify features of Bashkirs ethno-etiquette presented in an oral tradition. We solved the following tasks to achieve this goal: etiquette situation was analyzed in the epos «Kongur-Buga»; semiotic meaning of certain etiquette attributes was identified. An integrated approach, involving the analysis of historical, philosophical and ethnographic works and folklore texts, allowed to learn in a flexible manner individual etiquette situations.

To sum up, the epos «Kongur-Buga» contains valuable knowledge of the people, some information about the material, spiritual and behavioral culture of the Bashkirs ethnic history. In the epos we can see the cult of ancestors, cosmological and cosmogonic representations, family etiquette, hospitality custom, veneration of animals and nature in general.

Key words: Bashkirs etiquette, epos «Kongur-Buga», happiness, prosperity, success, hospitality, etiquette of traveler.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.
The article received 15/VII/2016.

* *Bayazitova Rozaliia Rafkatovna* (rosali8@mail.ru), Department of Bashkir Literature and Culture, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 3 a, Oktyabrskoy Revolyutsii Street, Ufa, 450000, Russian Federation.

**ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В ПРИДНЕСТРОВСКОМ КОНФЛИКТЕ 1989–1992 ГГ.:
ВЗГЛЯД ИЗ МОЛДОВЫ**

Статья посвящена проблеме образов и стереотипов, характерных для изображения населения и политическо-административных и силовых структур непризнанного Приднестровья в современной молдавской литературе. Поставлен вопрос, какие особенности современные авторы Республики Молдова считают наиболее характерными для населения Приднестровья, а также как эти стереотипы отражают представления о природе конфликта. В качестве источников автор использовал публицистику, мемуары участников событий, учебную и художественную литературу. С точки зрения автора, распространенные в Молдове клише для описания «вражеских сил» служат подтверждением представления об искусственности Приднестровской Молдавской Республики, в отличие от имеющей «исторические права» на эту территорию Молдовы.

Ключевые слова: Молдова, Приднестровье, приднестровский конфликт, этнические стереотипы, национализм.

Настоящая статья имеет целью попытаться изучить проблему стереотипов изображения сторонников Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в приднестровском конфликте (в данное собирательное понятие автор включает политических активистов, силовые структуры и население региона, поддерживавшее создание этой де-факто республики) в литературе Республики Молдова. Источником для изучения выбрана в первую очередь публицистическая литература (в частности, материалы Министерства обороны РМ), так как она наиболее четко и концентрированно выражает представления о противнике.

Если начать с характеристик политических сил и военных группировок, выступавших за автономию, а затем независимость Приднестровья в 1989–1992 гг., то наиболее распространенными определениями противников в молдавской литературе будут следующие. Самым общим из них является понятие «сепаратисты» (реже – «сецессионисты» [14, р. 219], или «силы, враждебные целостности Республики Молдова [5, р. 12]), применяемое в первую очередь к местным деятелям [11, р. 291; 13, р. 32; 15, р. 551; 16, р. 236]. Более конкретные определения для второй стороны вооруженного противостояния – «гвардейцы» (самоназвание созданной 6 сентября 1991 г. главной на тот момент силовой структуры ПМР – Республиканской гвардии) [12, р. 87; 13, р. 23, 29; 15, р. 552] и «казаки» из России и Украины, а также новообразованного Черноморского казачьего войска [10, р. 169; 15, р. 551; 18, р. 116]. Многие авторы, пишущие о конфликте, используют объединяющее два

* © Мединец М.Я., 2016

Мединец Михаил Яковлевич (mmedines@mail.ru), кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443068, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

главных компонента силовых структур ПМР клише «казаки и гвардейцы» – например, «захват казаками и гвардейцами районного отделения полиции» 1 марта 1992 г. как принятая в молдавской историографии дата начала полномасштабной войны [10, р. 168]. В официальной книге памяти погибших военнослужащих Молдовы, выпущенной Министерством обороны республики к 20-летию начала конфликта, написано, что «гвардейцы-наемники и казачество... развязали непрерывные боевые действия против легитимных структур Республики Молдова» [12, р. 87].

Что касается участия казаков в боевых действиях, то здесь подразумеваются два контекста. Во-первых, так как они были приезжими в регион (например, «около 1000 казаков из Ростовской области» [10, р. 169]), то ссылки на их роль удобны для подкрепления основополагающего тезиса о Приднестровской войне как внешней агрессии против Молдовы. Военный фотокорреспондент Тудор Йову в своем черно-белом альбоме «Мосты огня» комментирует их на фото как «призраков империи» и – для еще большего подчеркивания их чуждости местному населению и истории – «казаков, не имеющих ничего общего с запорожцами Никоарэ Подковы» (героя XVI в., участвовавшего в политической жизни Молдавского княжества и ненадолго занявшего его престол) [13, р. 31]. Во-вторых, отмечаются их «дикость» и неуправляемость, впрочем, на эти черты указывается при описании приднестровских силовиков в целом: так, «большинство партизан, участвовавших в акциях по блокированию мостов и главных транспортных артерий, находились в нетрезвом состоянии...» и часто стреляли по проезжающим мимо пассажирским автомобилям [7].

Среди более редко упоминаемых персонажей стоит обратить внимание на рабочих приднестровских предприятий [4, р. 140; 6]; женщин-активисток, участвовавших в забастовках, блокировании железных дорог в сентябре 1991 г. [12, р. 14–15], «бандитских атаках» на воинские части с целью захвата оружия для ПМР [12, р. 111], срыве инспекции Минобороны СССР в регионе [12, р. 82–83]. В одном из учебных пособий эти активистки даже названы «амазонками» [15, р. 551]. Наконец, «заключенные, освобожденные из российских тюрем с условием прийти на помощь сепаратистскому анклав» («История Приднестровского региона с древнейших времен до настоящего времени» Демира Драгнева [9, р. 435]), также упоминаемые в других работах [12, р. 124; 15, р. 552], – вообще распространенный штамп о противнике с обеих сторон.

Из чисто военных характеристик противника всегда подчеркивается превосходство сил ПМР по всем параметрам [2] или их «непропорционально большой военный потенциал по сравнению с молдавскими силами с правого берега Днестра» [16, р. 236], что служит и одним из объяснений поражения молдавской стороны в войне, и доказательством того, что они были обороняющейся стороной, которой война была навязана.

Переходя к описанию политических сил, ставших двигателем сепаратистского движения в Молдавской ССР, и их социальной базы, необходимо отметить, что в их изображении последовательно сочетаются официальная концепция конфликта как противостояния политических сил и неофициальная, но распространенная – межэтнического конфликта «коренного населения» и «чужаков-захватчиков».

Так, инициаторами движения за автономию Приднестровья Дорин Чимпешу называет «самые реакционные внутренние силы... манипулировавшие заинтересованными кругами Москвы», «в первую очередь русских, украинцев, гагаузов и болгар» [4, р. 139]. Здесь характерно выделение противников по политическому и этническому признакам одновременно. В качестве лидеров «антимолдавской» стороны называется руководство промышленных предприятий левобережья («красные директора» [4, р. 140]), по определению главы МИД Молдовы Н. Цыу, «интернацио-

нальная русскоязычная бюрократия, которая превратила Приднестровье в вотчину военно-промышленного комплекса СССР» [17, р. 45]), «лидеры рабочих комитетов и коммунистическая номенклатура» [6], мобилизовавшие рабочих на забастовки (в чем приднестровские авторы соглашаются с молдавскими). Историк А. Царану считает, что ПМР «выражала интересы наиболее консервативной части бывшей советской номенклатуры», сопротивлявшейся «национально-освободительной революции» [17, р. 54], а политический деятель О. Нантой высказывает предположение, что приказ провести забастовки против «языковых законов» в августе 1989 г. был передан приднестровским предприятиям ВПК союзного подчинения из Москвы [1, р. 65]. Бывший министр обороны РМ использует клише «заговор директоров» [8, р. 526].

Причина, вызвавшая сочетание в «образе врага» этнических и социальных черт, — это описанное, в том числе и молдавскими авторами (например, кадровым дипломатом и членом руководства Либеральной партии Ю. Фрунташу), реальное явление массовой миграции на промышленное строительство русских и украинцев [10, р. 128], ставшей причиной большей доли лиц с высшим образованием и носителей профессий высокого статуса (квалифицированные специалисты, интеллигенция, управленцы) среди славян-«колонизаторов» по сравнению с молдаванами. Сам же автор указывает на социально-демографические причины такого разрыва [11, р. 187–196]. Однако это явление породило целый ряд негативных стереотипов по отношению к восточным славянам, пришедших к стати для доказательства молдавской стороной своей правоты в конфликте за счет своего «коренного» статуса и «морального превосходства».

Например, сам Ю. Фрунташу оценивает ПМР как «режим правления меньшинства» [11, р. 312]. Дальневосточное происхождение И.Н. Смирнова и факт, что многие другие приднестровские лидеры не были рождены на этой земле, часто используются как аргументы против уступок их требованиям [17, р. 79]. Д. Драгнев указывает на то, что по этим причинам Приднестровье «было определено привилегированным в плане экономического развития, так как здесь была сконцентрирована почти треть мощностей промышленного производства, хотя она представляла только 11 % территории и 14 % населения МССР» [9, р. 346–347]. Фотография поста местных ополченцев в альбоме «Мосты огня» получает подпись «Незванные гости» [13, р. 23], а в наиболее резко выраженном виде этого тезиса приднестровская война определяется как «война городов с чужаками против сельской местности, чтобы удовлетворить геополитические амбиции России», «приднестровский сепаратизм — нарушение прав молдаван иммигрантами» [17, р. 40], а ПМР — как «анклав, где право, справедливость и собственность, история и культура, язык и религия, прошлое, настоящее и будущее — привилегии группы самозванцев, чуждой реальным интересам большинства мирного населения с древними традициями и историческими корнями» [16, р. 260]. Образ приднестровского сепаратизма как очередного воплощения вечных нашествий «врагов с востока» мы находим в номере журнала «Limba Română», вышедшем в конце 1991 г.: «Сегодня разыгрывается последний акт приднестровской трагедии. Сегодня враги коварны, как никогда. Сегодня они готовы ко всему: ударить любым способом (просыпается старый инстинкт кочевников-завоевателей), вставлять нам палки в колеса (блокирование железных дорог и т. п.), и даже поджечь дом (который им не принадлежит)» [19, р. 19].

Черты в образе противника, порожденные контрастами между сельской и городской культурами и образом жизни (в частности, мобильностью, отрывом от религии и большей «советизированностью» городских жителей — славян), интерпретированные в негативном ключе, можно выделить, в частности, в следующих высказываниях. В стихотворении поэта Г. Виеру «Lăzați-ne în legea noastră» («Оставьте нас в по-

кое»), ставшем песней в исполнении дуэта Алдя-Теодорович. В этом стихотворении идет речь о событиях 1991 г. в Молдавии (таких как подготовка к референдуму о сохранении СССР, который был запрещен молдавскими властями, но прошел в ПМР). В частности, здесь есть такие строки: «Наши предки... когда жили, знали только Писание, ничего не знали о плебисците» – противопоставление религиозных молдаван и приднестровских «безбожных коммунистов» [20]. Бывший министр обороны Молдавии И. Костаș в своих мемуарах называет памятники героям войн и некрополи в городах советским наследием, сохраняющимся в Приднестровье, проявлением «агрессивного варварского культа сосуществования мертвых с живыми» [8, р. 528]. Конкретно речь идет о могилах павших во время войны 1992 г. в центре Тирасполя [8, р. 527]. Член Народного Фронта Молдовы И. Илаșку в своем интервью 1989 г. заявляет, что приднестровские города управляются «мигрантами, оставившими родную землю и родителей без помощи в старости, и которым мало известно, на какой земле они живут, с какими народами соседствуют?» [3, р. 10].

В интересной форме, скорее сочувственной, чем обвинительной, тот же стереотип в отношении «русофонов» Приднестровья как «безродных мигрантов» встречается в «примирительной» речи композитора Евгения Доги (уроженца этого региона) в парламенте Молдавии 12 сентября 1991 г.: «...и вы тоже такие же жертвы сталинского режима, как и мы. Вас оторвали от корней, вас рассеяли по большому миру и превратили в каких-то миссионеров тоталитарного режима, у вас отобрали родину... Но что такое человек без родины? Но если такое случилось, если вам выпало жить с нами вместе на этой земле, давайте жить по-человечески!» [16, р. 233].

Итак, основные черты «образа врага» в приднестровском конфликте со стороны Молдавии – это представление населения региона и его лидеров в качестве «чужаков», не имеющих права на собственную государственность здесь, более агрессивных, привилегированных в рамках советской системы, желающих сохранить эти привилегии насильственным путем, а также намного более «советизированных» и «денационализированных», чем молдавانه.

Библиографический список

1. Nantoi O. Истоки и перспективы разрешения Приднестровского конфликта // Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri = Молдова – Приднестровье: Общими усилиями – к успешному будущему. Переговорный процесс = Moldova – Transnistria: Working Together for a Prosperous Future. Negotiation Process. Chișinău: Cu drag SRL, 2009. С. 55–74.
2. 750 de pagini despre războiul de pe Nistru // Oastea Moldovei. № 4–5 (531–532). 5 martie 2011. P. 3.
3. Ce vor “naționalistii” de la Tiraspol? Interviu cu Ilie Ilașcu realizat on a. 1989 // Limba Română. 1994. № 2. P. 6–7, 9–10.
4. Cimpoeșu D. Contrareacția Rusiei la transformările naționale și democratice din Basarabia // Limba Română. 2010. № 11–12. P. 139–147.
5. Ciobanu V. Militarii în războiul de pe Nistru // Oastea Moldovei. № 2. 2013. P. 10–12.
6. Ciobanu V. Război la Nistru (I) // Oastea Moldovei. № 3 (554). 2012. 15 februarie. P. 5.
7. Ciobanu V. Război la Nistru (II) // Oastea Moldovei. № 4 (555). 2012. 29 februarie. P. 4.
8. Costaș I. Transnistria 1989–1992. Cronica unui război «nedeclarat». București: RAO CLASS, 2012.
9. Dragnev D. O istorie a regiunii transnistriene din cele mai vechi timpuri până în prezent. Chișinău: Civitas, 2007.
10. Enciu N. Istoria Românilor. Epoca contemporană: man. pentru cl. a 12-a de liceu / Nicolae Enciu; Min. Educației al Republicii Moldova. Chișinău: Civitas, 2004.
11. Frunțașu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812–2002). Chișinău: Cartier, 2002.

12. In memoriam. În memoria eroilor căzuți la Nistru (1992). Chișinău: Centrul de Cultură și Istorie Militară, 2012.
13. Iovu T. Poduri de foc: cronică în alb-negru a unui război. Chișinău: ARC, 2002.
14. Mischevca V. Moldova de peste Nistru // *Limba Română*, 2013. № 9–12. P. 212–228.
15. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). Chișinău: Universul, 1995.
16. Popa I., Popa L. Români, Basarabia și Transnistria. București: Editura Fundația Europeană Titulescu, 2009.
17. Prisac L. Istoriografia separatismului transnistrian. Iași: Lumen, 2008.
18. “Transnistria a fost creată în scopuri diversioniste și de antaj la adresa Basarabiei, tocmai pentru a împiedica apropierea acesteia de România!” Interviu cu Dl David Câmpeanu, istoric, analist politic în problema Basarabiei // *Limba Română*, 2001. № 4–8. P. 115–121.
19. Transnistria: argumente vechi și noi // *Limba Română*, 1991. № 3–4. P. 19.
20. Vieru și Aldea-Teodorovici: „Lăsați-ne în legea noastră” // URL: <http://www.pavlicenco.md/2012/10/30/vieru-si-aldea-teodorovici-lasati-ne-in-legea-noastra>.

References

1. Nantoi O. Roots and prospects of solution to the Transnistrian conflict // *Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri = Moldova – Pridnestrovyje: Obshchimi usiliyami – k uspeshnomu budushchemu. Peregovornyi protsess = Moldova – Transdnestria: Working Together for a Prosperous Future. Negotiation Process*. Chișinău: Cu drag SRL, 2009. C. 55–74 [in Russian].
2. 750 de pagini despre războiul de pe Nistru // *Oastea Moldovei*. № 4–5 (531–532). 5 martie 2011. P. 3 [in Romanian].
3. Ce vor “naționaliștii” de la Tiraspol? Interviu cu Ilie Ilașcu realizat on a. 1989 // *Limba Română*, 1994. № 2. P. 6–7, 9–10 [in Romanian].
4. Cimpoeșu D. Contrareacția Rusiei la transformările naționale și democratice din Basarabia // *Limba Română*. 2010. № 11–12. P. 139–147 [in Romanian].
5. Ciobanu V. Militarii în războiul de pe Nistru // *Oastea Moldovei*. № 2. 2013. P. 10–12 [in Romanian].
6. Ciobanu V. Război la Nistru (I) // *Oastea Moldovei*. № 3 (554). 2012. 15 februarie. P. 5 [in Romanian].
7. Ciobanu V. Război la Nistru (II) // *Oastea Moldovei*. № 4 (555). 2012. 29 februarie. P. 4 [in Romanian].
8. Costaș I. Transnistria 1989–1992. Cronică a unui război «nedeclarat». București: RAO CLASS, 2012 [in Romanian].
9. Dragnev D. O istorie a regiunii transnistriene din cele mai vechi timpuri până în prezent. Chișinău: Civitas, 2007 [in Romanian].
10. Enciu N. Istoria Românilor. Epoca contemporană: man. pentru cl. a 12-a de liceu / Nicolae Enciu; Min. Educației al Republicii Moldova. Chișinău: Civitas, 2004 [in Romanian].
11. Frunțușu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812 – 2002). Chișinău: Cartier, 2002 [in Romanian].
12. In memoriam. În memoria eroilor căzuți la Nistru (1992). Chișinău: Centrul de Cultură și Istorie Militară, 2012 [in Romanian].
13. Iovu T. Poduri de foc: cronică în alb-negru a unui război. Chișinău: ARC, 2002 [in Romanian].
14. Mischevca V. Moldova de peste Nistru // *Limba Română*, 2013. № 9–12. P. 212–228 [in Romanian].
15. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). Chișinău: Universul, 1995 [in Romanian].
16. Popa I., Popa L. Români, Basarabia și Transnistria. București: Editura Fundația Europeană Titulescu, 2009 [in Romanian].
17. Prisac L. Istoriografia separatismului transnistrian. Iași: Lumen, 2008 [in Romanian].

18. “Transnistria a fost creată în scopuri diversioniste i de antaj la adresa Basarabiei, tocmai pentru a împiedica apropierea acesteia de România!” Interviu cu Dl David Câmpeanu, istoric, analist politic în problema Basarabiei // *Limba Română*, 2001. № 4–8. P. 115–121 [in Romanian].

19. Transnistria: argumente vechi și noi // *Limba Română*, 1991. № 3–4. P. 19 [in Romanian].

20. Vieru si Aldea-Teodorovici: „Lăsați-ne în legea noastră” // URL: <http://www.pavlicenco.md/2012/10/30/vieru-si-aldea-teodorovici-lasati-ne-in-legea-noastra> [in Romanian].

*M. Ya. Medinets**

IMAGE OF ADVERSARY IN 1989–1992 TRANSNISTRIAN CONFLICT: A VIEW FROM MOLDOVA

The article is dedicated to the problem of images and stereotypes typical for portrayal of population, administrative, and military structures of the unrecognized Transnistria. The problem put is what qualities current Moldovan authors consider the most peculiar for the population of Transnistria and how these stereotypes reflect notions of the nature of that conflict. Opinion journalism, memoirs, textbooks and fiction have been used as the sources by the author. From the author's point of view, cliches describing «the enemy» that are widespread in the Republic of Moldova serve as a tool to confirm artificial character of Transnistrian Moldovan Republic, unlike Moldova claimed to possess «historical rights» to that territory.

Key words: Moldova, Transnistria, Transnistrian conflict, ethnic stereotypes, nationalism.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.
The article received 11/VII/2016.

* *Medinets Mikhail Yakovlevich* (mmedinec@mail.ru), Department of Foreign History, International Relations and Records Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 387.147

*Л.В. Куриленко****РОЛЬ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ (УРОВЕНЬ БАКАЛАВРИАТА)**

В статье исследуется проблема подготовки специалистов для социальной сферы, в частности для системы социальной поддержки населения на уровне бакалавриата. Представлена модель подготовки специалиста системы социальной поддержки населения, и анализируется роль практики в формировании готовности специалиста к его участию в решении трудных жизненных ситуаций населения.

Ключевые слова: подготовка специалиста системы социальной поддержки населения, мировоззренческая подготовка, интеллектуальная подготовка, правовая подготовка, психолого-педагогическая подготовка, нравственно-этическая подготовка; эстетическая подготовка, готовность к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения.

Социальная сфера представляет собой сложное образование, включающее в себя системы, имеющие своей целью оказания услуг населению в различных направлениях. К ним можно отнести системы правосудия, здравоохранения, образования, социальной поддержки населения и др. В частности, последняя представляет особый интерес, поскольку на различных этапах жизнедеятельности возникают проблемы, требующие профессионального вмешательства со стороны государственных органов, в связи с чем требования к подготовке специалистов для системы социальной поддержки населения год от года повышаются. Свидетельством этого является постоянное совершенствование федеральных государственных образовательных стандартов, разработка профессиональных стандартов, призванных улучшить качество подготовки специалистов для этой системы социальной сферы.

Последний федеральный государственный образовательный стандарт отличается от прежних тем, в нем имеется четкое разграничение компетенций, направленных на целостную подготовку специалистов социальной поддержки населения: общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Анализ предла-

* © Куриленко Л.В., 2016

Куриленко Людмила Васильевна (srludmila@mail.ru), кафедра теории и технологии социальной работы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

гаемых компетенций позволяет представить модель подготовки будущего специалиста системы социальной поддержки населения, которая включает в себя мировоззренческую, интеллектуальную, правовую, психолого-педагогическую, нравственно-этическую и эстетическую подготовку, направленную на формирование готовности к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения. Учитывая всесторонность подготовки данных специалистов, возникает вопрос: какой блок подготовки может являться той «лакмусовой бумагой», способной проявить уровень сформированности этих видов готовности? Предполагаем, что в роли таковой может выступить практика, которая, согласно федеральному государственному образовательному стандарту, подразделяется на ознакомительную, учебную, производственную, преддипломную.

Практика является тем полем учебной деятельности, в процессе которой проявляется целостность мировоззренческой, интеллектуальной, правовой, психолого-педагогической подготовки студентов-бакалавров, направленной на формирование единства их нравственных, эстетических, волевых и эмоциональных качеств, в совокупности составляющих соответствующие готовности к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения. Рассмотрим составляющие модель подготовки будущего специалиста системы социальной поддержки населения и определим роль практики в формировании каждой из ее составляющих.

1. Мировоззренческая подготовка. Она способствует в процессе профессиональной деятельности, с одной стороны, адекватной оценке трудной жизненной ситуации клиента, а с другой стороны, выработке у специалиста диалектического взгляда на окружающую действительность, что означает, во-первых, анализирование причин, приведших к трудной жизненной ситуации, во-вторых, оценивание настоящего состояния трудной жизненной ситуации, в-третьих, прогнозирование последствий выхода из трудной жизненной ситуации клиента, т. е. вскрытие причинно-следственных связей в процессе решения трудной жизненной ситуации клиента выступает ярким свидетельством мировоззренческой зрелости личности специалиста системы социальной поддержки населения, его готовности к участию в социальном развитии общества.

В этой связи практика студентов-бакалавров позволяет на собственном опыте убедиться в действии важнейших мировоззренческих принципов: развитие человека происходит под влиянием общественных воздействий; деятельность играет определяющую роль в формировании психики человека; признание роли личности в ее развитии и формировании. Таким образом, практика выступает одновременно и как инструмент внедрения и использования достижений науки, и как средство сбора и обработки информации о собственной деятельности, ее закономерностях, нормах, правилах и приемах.

2. Интеллектуальная подготовка. Под ней подразумевается способность к творческой деятельности, поскольку именно в ней во всей полноте и гармонии активно взаимодействуют две сферы человека — интеллектуальная и эмоциональная, — и это тесное взаимодействие и есть не что иное, как проявление интеллекта в целом, отмечаем, что практика представляет собой сензитивное средство для творчества. Если вспомнить логику творческого процесса, описанного Б.С. Мейлахом (возникновение замысла; осознание цели замысла; накопление эмпирического материала; выбор решения творческой задачи путем апробирования других возможных вариантов; оценка результата творческого процесса), и переложить ее на профессиональную деятельность специалиста системы социальной поддержки населения, то получим следующую логику творческого процесса данного специалиста.

Перед специалистом возникает целый ряд трудных жизненных ситуаций клиента, которые ему надо решить. На первом этапе их решения — конкретизация проблемы,

замысла. На этапе разработки проблемы специалист уточняет цель поставленной задачи и намечает пути ее решения. Применительно к данному этапу цель может быть следующей: выяснить причины возникновения трудной жизненной ситуации, найти пути их нивелирования, которые помогут сгладить сложившиеся противоречия. Третий этап посвящен сбору информации для решения трудной жизненной ситуации путем анализа документов, консультаций с нужными специалистами, собственной деятельности, построенной с учетом достижения поставленной цели – накопление эмпирических данных. Четвертый этап – воплощение замысла, решение трудной жизненной ситуации клиента на основе выбора варианта решения из многих планируемых и отобранных ранее, т. е. выход клиента из трудной жизненной ситуации. Последний этап творческой профессиональной деятельности специалиста системы социальной поддержки населения – критический анализ и оценка полученного результата. Вместе с тем следует отметить, что идентичность логики творческого процесса и логики профессиональной деятельности специалиста лишь кажущаяся. На самом деле творческая профессиональная деятельность специалиста имеет ряд отличий, которые и придают практике ту оригинальность, неповторимость, нестандартность, которые способствуют формированию качеств личности студента-бакалавра, в совокупности составляющих его готовность к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения. В чем же суть этих отличий?

Во-первых, стадии творческого процесса специалиста системы социальной поддержки населения тесно связаны между собой во временном отношении, поскольку любая трудная жизненная ситуация клиента требует быстрого разрешения по принципу «здесь и сейчас», следовательно, студент-практикант должен проявить такие качества личности, как оперативность, умение систематизировать полученные факты и планировать свои действия в соответствии с намеченной целью. Во-вторых, результаты оперативной деятельности, как правило, сказываются не сразу, студент может увидеть только лишь частичные результаты своей деятельности, поэтому важно уметь прогнозировать дальнейшие действия по выходу клиента из трудной жизненной ситуации, т. е. обладать даром предвидения, суть которого – умение предугадывать перспективный и целостный результат своей деятельности на основе неполных результатов. В-третьих, профессиональная деятельность специалиста системы социальной поддержки населения основана на тесном взаимодействии специалиста и клиента, и творческий характер его работы проявляется как раз в общении между ними, следовательно, творческая профессиональная деятельность специалиста системы социальной поддержки населения определяется его высокой социальной значимостью и неповторимостью личности клиента. В-четвертых, такой тесный контакт специалиста и клиента отрицают шаблоны и штампы в их взаимодействии.

Таким образом, становятся очевидными возможности практики в деле формирования и совершенствования интеллектуального потенциала будущего специалиста системы социальной защиты населения, ярче просматривается ее роль в дальнейшем развитии тех качеств личности, которые в совокупности составляют готовность к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения.

3. Правовая подготовка. С одной стороны, правовые знания составляют значительную долю профессиональных компетенций, но, с другой стороны, тесное взаимодействие с клиентом с целью выхода его из трудной жизненной ситуации несет в себе социальную функцию. Ее демонстрация требует от специалиста знаний не только в области социологии, экономики, педагогики, психологии, но и владения навыками, нормами, правилами поведения в диапазоне нравственно-правовой сферы. Кроме того, вопросы трудовой дисциплины, профессиональной этики, прав и обязанностей специалиста как члена коллектива и т. д. требует от будущего специалиста формирования правового сознания.

Практика убедительно доказывает необходимость данной составляющей модели подготовки специалиста системы социальной защиты населения, учитывая необходимость оперативного поиска выхода клиента из трудной жизненной ситуации.

4. Психолого-педагогическая подготовка. Как известно, основная деятельность студента-практиканта учебно-производственная. При подготовке к практике в процессе поиска выхода клиента из трудной жизненной ситуации важна разработка целей и алгоритма действий как специалиста, так и клиента. В этом случае студент опирается на имеющиеся у него знания, приобретенный опыт, сформированное мировоззрение, выработанные нравственно-правовые, нравственно-этические нормы и правила. Но в ситуации прогнозирования качественных и количественных изменений вследствие его действий студент-практикант должен иметь в виду свое психофизиологическое, социальное, духовное состояние, правильно рассчитать не только свои индивидуальные познавательные, практические, организаторские возможности, но и «считать» индивидуальные особенности: стиль общения, психофизиологический тип и т. д. Знания психологии важны и при стимулировании деятельности клиента по выходу его из трудной жизненной ситуации.

Практика актуализирует и педагогические знания, в частности, в процессе взаимодействия с клиентом студент может проанализировать себя как руководителя и организатора этого процесса с точки зрения уровня развития психомоторных, вербальных, других ощущений; образного, предметного, логического, операционального мышления; интеллектуальных эмоций; умения интериоризовывать материальные действия и речь в сознание; умение переносить знания и умения в иные, нестандартные, оригинальные ситуации и др.

Таким образом, все проанализированные нами составляющие модели подготовки специалиста системы социальной поддержки населения позволяют сделать вывод, что в процессе практики осуществляется серьезная работа по формированию профессиональной личности специалиста системы социальной поддержки населения, призванного решать насущные проблемы населения и являющегося своего рода «проводником» социальной политики государства. И в этом случае, учитывая сложность и важность решения трудных жизненных ситуаций, в которые попадает человек, необходимость решить их по принципу «здесь и сейчас», очевидно, что, помимо мировоззренческой, интеллектуальной, правовой и психолого-педагогической подготовки будущего специалиста, ему должны быть присущи навыки нравственной и эстетической культуры, что будет соответствовать идеальному образу специалиста системы социальной поддержки населения.

5. Нравственно-этическая подготовка. В профессиональной деятельности специалиста системы социальной поддержки населения нравственная культура проявляется, с одной стороны, в степени сформированности морали, т. е. системы норм, правил и требований к собственному поведению, а с другой стороны – в стремлении соблюдать эти нормы, правила и требования. На основании этого можно сделать вывод, что нравственно культурный специалист системы социальной поддержки населения – это тот, который не только знает моральные нормы, правила и требования, но, главное, строго их выполняет. В этом смысле практика студентов представляет собой некий «полигон», где они отрабатывают имеющиеся у них нравственные умения и навыки, приобретают новый нравственно-этический опыт на основе тесного взаимодействия с клиентом. Задача студента-практиканта – постараться создать атмосферу взаимного доверия, живого общения. Для достижения поставленной цели от студента-практиканта как минимум требуется создание благоприятной коммуникативной обстановки, способствующей откровенной беседе клиента со специалистом. Кроме того, студент-практикант получает возможность составить свой этический

портрет специалиста системы социальной поддержки населения, главное в котором — умение уважать и понимать клиента. Этот этический аспект как раз и олицетворяет систему нравственных установок личности специалиста системы социальной поддержки населения и человека вообще.

Таким образом, практика является богатейшим источником нравственно-этических, моральных начал, которые, безусловно, позволят в дальнейшем студенту не только управлять своим поведением, но и понять социальную и гражданскую значимость той сферы деятельности, в которой он будет активно трудиться.

6. Эстетическая подготовка. Практика, позволяющая реально воплотить в жизнь все сформированные за период обучения в вузе компетенции, включает в себя целую совокупность эмоциональных моментов, которые близки по своему содержанию к эстетическому переживанию. Сам процесс выстраивания коммуникации с клиентом с целью поиска выхода из трудной жизненной ситуации (разработка задач, методов и приемов коммуникации; разработка алгоритма собственных действий и действий клиента и т. д.) с учетом принципа гармонии и единства, применения способов композиционного построения коммуникации придает ему стройность, завершенность, пропорциональность в отношении влияний друг на друга; их ритмическая организация уже есть приобщение студента к эстетическому.

Навыки эстетической культуры помогают испытывать эстетическое наслаждение от собственной профессиональной деятельности, творчески относиться к работе. В результате этого качественно-личностный багаж студента пополняется такими качествами, как интуиция, вдохновение, удовлетворение, озарение, одержимость и т. д.

Таким образом, практика как один из компонентов подготовки будущих специалистов системы социальной поддержки населения представляет собой механизм формирования личности профессионала, которую отличает мировоззренческая, интеллектуальная и правовая зрелость, психолого-педагогическая, нравственная и эстетическая культура, в совокупности характеризующие ее как социально состоявшуюся личность, готовую к участию в решении трудных жизненных ситуаций населения.

Библиографический список

1. Агошкова О.В., Иванов А.Г., Поддубная Т.Н. Актуальные проблемы организации и проведения практики студентов факультета социальной работы // Социальная работа. 2008. № 1. С. 57–59.
2. Гришанова Н.А. Профессиональная подготовка социальных работников: новые подходы и тенденции // СОТИС. 2009. № 2. С. 25–26.
3. Закатова И. Готовим профессионалов для социальной сферы // Социальная работа. 2009. № 4. С. 23–25.
4. Куриленко Л.В., Стрельникова В.Н. Сущность профессиональной деятельности специалистов социальной работы на современном этапе развития общества // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 213–216.
5. Ларионова И.А., Дегтярев В.А. Профессиональная подготовка специалистов социальной работы: компетентностный подход // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–12. С. 2734–2739.
6. Мейлах Б.С. Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968. 450 с.
7. Руднева Т.И. Коммуникативная компетентность: фактор готовности к профессиональным рискам // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2016. № 3. С. 76–84.

References

1. Agoshkova O.V., Ivanov A.G., Poddubnaja T.N. *Aktual'nye problemy organizatsii i provedeniia praktiki studentov fakul'teta sotsial'noi raboty* [Topical issues of organization and carrying out practice of students of the faculty of social work]. *Sotsial'naia rabota* [Social work], 2008, no. 1, pp. 57–59 [in Russian].
2. Grishanova N.A. *Professional'naia podgotovka sotsial'nykh rabotnikov: novye podkhody i tendentsii* [Professional training of social workers: new approaches and trends]. *SOTIS* [Social Technologies, Researches], 2009, no. 2, pp. 25–26 [in Russian].
3. Zakatova I. *Gotovim professionalov dlia sotsial'noi sfery* [Prepare professionals for social sphere]. *Sotsial'naia rabota* [Social work], 2009, no. 4, pp. 23–25 [in Russian].
4. Kurilenko L.V., Strelnikova V.N. *Sushchnost' professional'noi deiatel'nosti spetsialistov sotsial'noi raboty na sovremennom etape razvitiia obshchestva* [Essence of professional training of specialists of social work on the modern stage of development of society]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 9 (120), pp. 213–216 [in Russian].
5. Larionov V.A., Degtyaryov I.A. *Professional'naia podgotovka spetsialistov sotsial'noi raboty: kompetentnostnyi podkhod* [Professional training of specialists of social work: competence approach]. *Fundamental'nye issledovaniia* [Fundamental Research], 2014, no. 11–12, pp. 2734–2739 [in Russian].
6. Meilakh B.S. *Sodruzhestvo nauk i tainy tvorchestva* [Commonwealth of sciences and mysteries of creativity]. M.: Iskustvo, 1968, 450 p. [in Russian].
7. Rudneva T.I. *Kommunikativnaia kompetentnost': faktor gotovnosti k professional'nym riskam* [Communicative competence: professional readiness factor risks]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2016, no. 3, pp. 76–84 [in Russian].

*L.V. Kurilenko**

ROLE OF PRACTICE IN THE SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS IN THE SOCIAL SPHERE (UNDERGRADUATE LEVEL)

The article deals with the issue of training for social workers, in particular for social support of population at the undergraduate level. The model of training system of social support for the population is presented and the role of practice in the formation of readiness of a specialist for his participation in solving difficult situations for the population is analyzed.

Key words: training of social support specialist; ideological training; intellectual training; legal training; psychological and pedagogical training; moral and ethical training; aesthetic training; willingness to participate in solving difficult situations for the population.

Статья поступила в редакцию 23/XI/2016.
The article received 23/IX/2016.

* *Kurilenko Lyudmila Vasilievna* (srludmila@mail.ru), Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ МАШИНОСТРОЕНИЯ

В статье анализируется современное состояние машиностроения и тенденции его развития. Рассматриваются тенденции профессиональной подготовки в вузе будущих бакалавров машиностроения на основе анализа проведенных ранее исследований. Автором отмечаются проблемы профессиональной подготовки бакалавров машиностроения с учетом тенденций развития машиностроения и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, тенденции подготовки, бакалавр машиностроения.

В Государственной программе Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [1] в качестве одной из приоритетных задач обеспечения высоких темпов роста экономики отмечается развитие машиностроения как базовой отрасли промышленности. Рост потребности в продукции машиностроения и повышении ее качества обусловлен изменениями, происходящими в последние годы во внешней политике страны, появлением новых внешнеэкономических связей и реализуемой программой импортозамещения в российской экономике. Проблема повышения качества выпускаемой продукции, связанная с несоответствием в полной мере части оборудования и выпускаемых машин мировым стандартам и низкой надежностью некоторых изделий машиностроения из-за плохого качества комплектующих деталей, решается путем внедрения инновационных технологий в промышленное производство и повышения уровня квалификации работников. Следовательно, возрастают требования руководителей предприятий машиностроения к профессиональной квалификации выпускников технических вузов, что предполагает необходимость изменения образовательными учреждениями системы подготовки будущих специалистов машиностроения с учетом современного состояния машиностроительного производства.

Анализ данных Федеральной службы государственной статистики об оценке основных факторов, которые ограничивают рост производства на предприятиях нашей страны [2], позволил определить долю каждого фактора для обрабатывающих производств, включающих в себя производство машин и оборудования (рис. 1).

Руководителями предприятий среди указанных факторов в первую очередь отмечаются: недостаточный спрос на внутреннем рынке, неопределенность экономической ситуации, высокий уровень налогообложения, недостаток финансовых средств, высокий процент коммерческого кредита и недостаток квалифицированных рабочих. Решение проблемы повышения уровня квалификации сотрудников предприятий обрабатывающих производств, включая и машиностроение, может осуществляться обу-

* © Поднебесова М.И., 2016

Поднебесова Мария Игоревна (podnebesova_mi@mail.ru), кафедра электротехники, информатики и компьютерных технологий, филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрани, 446001, Российская Федерация, г. Сызрань, ул. Советская, 45.

чением и переобучением работников в центрах повышения квалификации предприятий, а также привлечением молодых специалистов — выпускников технических вузов, уровень профессиональной квалификации которых является показателем качества подготовки специалиста в высшем учебном заведении. Следовательно, соответствие уровня профессиональной квалификации выпускника вуза производственным запросам предполагает модернизацию процесса обучения, учитывающего современное состояние машиностроения, и требований руководителей, которые предъявляются ими к работникам предприятий машиностроения.

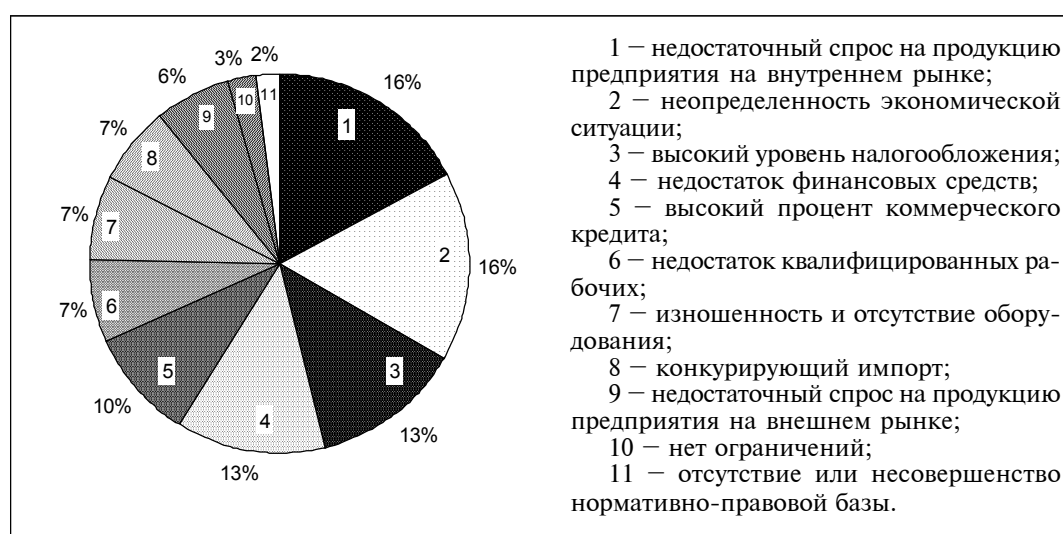

Рис. 1. Факторы ограничения роста производства на предприятиях обрабатывающих производств (на конец 2015 г.)

Отмеченные среди факторов, ограничивающих рост производства, изношенность и отсутствие оборудования, относящиеся в том числе и к машиностроению, обуславливают обновление технологической базы предприятий машиностроения. Предприятиями приобретается современное оборудование и совершенствуется имеющееся с применением автоматизации и внедрения информационных технологий, позволяющих осуществлять управление всеми этапами производства изделий машиностроения (CALS-технологии). Для использования в производстве автоматизированных технологий и выпуска высококачественной продукции предприятиям необходимы производственные работники с высоким уровнем квалификации, которыми могут быть выпускники технических вузов, если в процессе их профессиональной подготовки использовались современные информационные и технические средства, учитывающие современные технологии машиностроения и способствующие эффективному приобретению необходимому специалисту машиностроения знаний и навыков. Таким образом, подготовку специалистов машиностроения в технических вузах необходимо постоянно модернизировать, учитывая современное состояние машиностроения, используемые материалы, оборудование, средства автоматизации на предприятиях, а также применяя инновационные средства обучения.

Рассматривая современное состояние машиностроения в стране можно сделать вывод о положительной динамике его развития, что обусловлено увеличением потребности в выпускаемой продукции предприятий в связи с реализацией программы импортозамещения, а также тем, что машиностроение является центральной обла-

тью появления и применения новых знаний и инноваций. Основными тенденциями развития современного машиностроения являются: компьютеризация и информатизация производства; постоянная модернизация используемого оборудования; внедрение в производство изделий инноваций. Таким образом, становится актуальной проблема профессиональной подготовки в вузах специалистов машиностроения с развитыми способностями эффективного использования новых технологий, способных производить качественный продукт, что в большей степени обусловлено наличием способностей к самоорганизации и самообразованию.

В результате анализа практики подготовки бакалавров машиностроения было обнаружено, что применение традиционных педагогических технологий и средств обучения не обеспечивает достаточного уровня сформированности способностей к постоянному развитию и повышению их квалификации. Снижение качества подготовки связано также с сокращением сроков обучения при профессиональной подготовке бакалавров в сравнении с подготовкой инженеров машиностроения.

В течение первого десятилетия XXI века (до 2008 года) педагоги уделяли особое внимание проблеме подготовки инженеров-механиков, что обусловлено повышением уровня развития и увеличением объемом выпускаемой продукции машиностроения, модернизацией производства и оборудования, активным внедрением компьютерных и информационных технологий и, соответственно, востребованностью высококвалифицированных кадров, способных использовать информационные технологии и осваивать новое оборудование. После окончательного перехода к двухуровневой профессиональной подготовке специалистов и использования в качестве методологической основы организации образовательного процесса компетентностного подхода наблюдается повышение исследовательского интереса педагогов к вопросам профессиональной подготовки бакалавров машиностроения, что объясняется ростом машиностроительного производства во втором десятилетии XXI века после значительного снижения в период экономического кризиса 2008 года.

Активное применение информационных технологий в машиностроительном производстве актуализируют исследования формирования информационной культуры студентов, готовности к использованию компьютерных технологий в осуществлении профессиональной деятельности (Е.А. Крайнова, Е.Е. Руденко, О.А. Тарабрин). Во многих работах исследуется процесс формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров машиностроения (А.Ф. Мустафин, Н.Н. Савельева, Е.А. Синкина и др.), в том числе инженерно-графических компетенций, проектно-конструкторской готовности, экономико-управленческих компетенций и базовых аналитических умений как ее составляющих (С.В. Гиннэ, В.Г. Лизунков, Т.А. Поваляева, А.Б. Пузанкова и др.). Большое количество работ посвящено вопросам проектирования содержания подготовки специалистов машиностроения (конструирования содержания подготовки, содержания образовательного стандарта, сквозных образовательных программ (А.Г. Колыванова, О.Г. Романова, В.К. Хасанова, С.В. Сафонов и др.)). Востребованность специалистов, способных к адаптации в изменяющихся условиях труда, обусловленных внедрением инноваций в производство изделий машиностроения, приводит педагогов к исследованию проблем формирования готовности будущих специалистов машиностроения к инновационно-проектной деятельности и решению творческих задач (Е.И. Муратова, А.И. Попов), а также профессиональной мобильности (С.К. Савицкий).

Проведенный контент-анализ исследований по проблеме профессиональной подготовки специалистов машиностроения позволил выявить методологические основы в виде компетентностного, интегративного, деятельностного, системного, личностно-ориентированного подходов (рис. 2). Вместе с тем была обнаружена недостаточная

разработанность в педагогической науке теоретических основ подготовки бакалавров машиностроения с учетом специфики их профессиональной деятельности. Недостаточное внимание уделяется формированию способностей к саморазвитию и самообразованию будущих специалистов.

Рис. 2. Исследования в области профессиональной подготовки специалистов машиностроения

С целью повышения эффективности подготовки и конкурентоспособности кадров для предприятий машиностроения разрабатываются и внедряются в учебный процесс учебно-методические комплексы как дидактическое и методическое обеспечение процесса подготовки бакалавров машиностроения. Основным средством реализации такой тенденции является активное применение информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе. Применение современных программных средств позволяет бакалаврам машиностроения во многом упростить процесс проектирования изделий (разработки чертежей и проектно-конструкторской документации, построения трехмерных моделей изделий и моделирования процесса их эксплуатации и т. д.), а также повысить его эффективность. Это обуславливает повышенное внимание исследователей к графической и проектно-конструкторской подготовке бакалавров машиностроения.

Таким образом, модернизацию процесса подготовки бакалавров машиностроения, а именно, разработку учебно-методических комплексов с активным применением

информационных, телекоммуникационных и современных педагогических технологий, можно считать значимым педагогическим средством формирования готовности будущих бакалавров машиностроения к профессиональной деятельности. Однако индивидуализация в процессе подготовки к конкретному виду профессиональной деятельности, на наш взгляд, может негативно отразиться на компетентности и квалификации будущих бакалавров машиностроения. Рассматривать профессиональную деятельность бакалавра машиностроения необходимо как поливидовую с учетом ее специфики и особенности, что в проведенных исследованиях отмечено не было.

Конструирование содержания профессиональной подготовки будущих бакалавров машиностроения, реализуемое модернизацией и разработкой нового содержания учебных (специальных) дисциплин и сквозных учебных курсов, направлено на формирование значимых квалификационных характеристик бакалавра машиностроения с учетом требований производства. Однако в большинстве проведенных исследований рассматривается профессиональная подготовка инженеров с упором только на один вид деятельности и без акцента на профессиональной готовности в целом.

Модернизация процесса профессиональной подготовки бакалавров машиностроения предполагает применение современных педагогических технологий и методик формирования их значимых профессиональных характеристик, что нашло отражение во многих педагогических исследованиях. Результаты внедрения в образовательный процесс разработанных педагогических технологий и методик (ориентирование на овладение базовыми аналитическими умениями, авторская методика организации курсового и дипломного проектирования, привлечение студентов к олимпиадному движению и т. д.), заключающихся в повышении значений показателей ключевых характеристик будущих бакалавров машиностроения, позволяют говорить об их эффективности и актуальности. Однако в большинстве исследований не раскрывается полностью готовность к профессиональной деятельности и не учитывается ее специфика и особенность.

Таким образом, с учетом современных тенденций развития машиностроения и результатов проведенных исследований в области профессиональной подготовки бакалавров машиностроения можно выделить основные тенденции их подготовки: разработка программно-методического обеспечения обучения с активным применением информационных и коммуникационных технологий; конструирование содержания подготовки, заключающееся в модернизации учебных дисциплин профессионального цикла либо во внедрении новых, позволяющих эффективно формировать способности, необходимые бакалаврам машиностроения для профессиональной деятельности; проектирование педагогических методик и технологий формирования требуемых характеристик, обеспечивающих готовность будущего бакалавра машиностроения к профессиональной деятельности (см. таблицу).

Следует отметить, что тенденции профессиональной подготовки будущих бакалавров машиностроения отражают тенденции развития машиностроения. Тенденция компьютеризации и информатизации машиностроительного производства востребует специалистов, способных эффективно применять и осваивать новые программные средства в процессе проектирования и изготовления изделий, что достигается путем внедрения в процесс подготовки бакалавров машиностроения учебно-методических комплексов, в том числе и электронных, с активным использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Реализация тенденции модернизации оборудования машиностроительного производства требует от образовательных учреждений пересмотра содержания подготовки будущих бакалавров машиностроения в соответствии с современным технологическим оснащением машиностроительного производства, что предполагает модернизацию содержания учебных дисциплин

профессионального цикла (специальных дисциплин) для формирования требуемых квалификационных характеристик будущего специалиста с учетом требований производства. Внедрение инновационных технологий в производство изделий машиностроения определяет потребность в специалистах, способных к адаптации в изменяющихся условиях труда, что реализуется применением в процессе подготовки бакалавров машиностроения современных педагогических технологий и методик формирования значимых характеристик будущего специалиста, составляющих в целом его готовность к эффективной профессиональной деятельности.

Таблица

**Тенденции профессиональной подготовки в вузе
будущих бакалавров машиностроения**

Тенденции развития машиностроения	Тенденции профессиональной подготовки в вузе бакалавров машиностроения	Средства реализации тенденций
Компьютеризация и информатизация производства	Разработка программно-методического обеспечения профессиональной подготовки будущих бакалавров машиностроения	Информационные и коммуникационные технологии
Модернизация используемого оборудования	Конструирование содержания подготовки в соответствии с запросами работодателей предприятий машиностроения	Учебные дисциплины
Внедрение в производство изделий инноваций	Проектирование педагогических методик и технологий формирования значимых характеристик специалиста машиностроения	Профессиональная готовность

Несмотря на разнообразие средств реализации тенденций профессиональной подготовки в вузе бакалавров машиностроения, наиболее актуальными и действенными можно назвать применение в учебном процессе информационных и телекоммуникационных технологий, применение продуктивных методов обучения, в том числе частично-поисковых, исследовательских и творческих. Наиболее важным в процессе профессиональной подготовки бакалавров машиностроения, на наш взгляд, можно считать сочетание различных форм и методов учебной деятельности, ориентирующих студентов на самостоятельное получение знаний, повышение познавательного интереса и внутренней мотивации к обучению. Однако такая модернизация образовательного процесса подготовки не учитывает одного фактора: у большинства студентов возникают трудности при проведении исследовательских или творческих работ вследствие отсутствия у них навыков самостоятельной и самообразовательной деятельности.

Проведенные ранее педагогические исследования в области профессиональной подготовки будущих бакалавров машиностроения имеют высокую научную значимость, однако остается малоизученным вопрос формирования способностей студентов к самообразовательной деятельности. Учитывая возросшие требования руководителей предприятий машиностроения к выпускникам, основной задачей технических вузов становится подготовка квалифицированных специалистов с развитыми способностями к освоению новых знаний и умений, быстрой адаптации к изменяющимся условиям труда, повышению своей профессиональной квалификации.

Следовательно, появляется необходимость пересмотра процесса подготовки бакалавров машиностроения и в первую очередь изменения целей обучения, направленных на формирование компетенций, позволяющих будущему выпускнику самостоятельно приобретать знания и самосовершенствоваться, учитывая современное состояние машиностроительного производства и изменяющиеся условия труда, что предполагает модернизацию образовательного процесса и содержания обучения. Применение информационных и коммуникационных технологий, современных педагогических технологий и методов обучения с учетом необходимых педагогических условий формирования указанных в целях обучения компетенций позволит повысить эффективность процесса их формирования. Модернизация должна затрагивать не только содержание специальных и профессиональных дисциплин, направленных на формирование профессиональных компетенций, но и общетеоретических, начиная с первого курса обучения будущих бакалавров машиностроения. Поэтапное формирование совокупности общекультурных и профессиональных компетенций является наиболее логичным и эффективным.

По результатам анализа современных тенденций развития машиностроительного производства и тенденций подготовки бакалавров машиностроения приходим к следующим выводам: для эффективного внедрения инновационных технологий и модернизированного оборудования предприятиям машиностроения требуются специалисты, способные использовать новые технологии и производить качественную продукцию, адаптироваться в изменяющихся условиях работы и повышать свою квалификацию, что обусловлено наличием у них способностей к самообразовательной деятельности. К процессу формирования готовности будущих бакалавров машиностроения к самообразовательной деятельности следует подходить с учетом специфики и особенности их профессиональной деятельности. Сформированная готовность будущих бакалавров машиностроения к самообразовательной деятельности будет способствовать разрешению возникшего противоречия между реальным уровнем их профессиональной подготовки и возросшими требованиями к профессиональной квалификации руководителей предприятий машиностроения.

Библиографический список

1. Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности. Государственная программа РФ, утв. постановлением Правительства РФ 15.04.2014 г. № 328, 2014.
2. Промышленное производство в России. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 347 с.

References

1. *Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti. Gosudarstvennaia programma RF, utv. postanovleniem pravitel'stva RF 15.04.2014 g. № 328, 2014* [Development of industry and increase of its competitiveness. National program of the Russian Federation, approved by the Government resolution of the Russian Federation dated 15.04.2014, № 328, 2014] [in Russian].
2. *Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2016: Stat.sb. Rosstat* [Industrial production in Russia. 2016: statistical compilation. Federal State Statistics Service]. М., 2016, 347 p. [in Russian].

**TENDENCIES OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE UNIVERSITY
OF FUTURE BACHELORS OF MECHANICAL ENGINEERING**

In the article the current state of mechanical engineering and tendency of its development is analyzed. Tendencies of professional training in the university of future bachelors of mechanical engineering on the basis of analysis of researches which were conducted earlier are considered. The author notes problems of professional training of bachelors of mechanical engineering in view of tendencies of development of mechanical engineering and ways of their solution are proposed.

Key words: professional training, tendencies of professional training, bachelors of mechanical engineering.

Статья поступила в редакцию 15/IX/2016.
The article received 15/IX/2016.

* *Podnebesova Mariya Igorevna* (podnebesova_mi@mail.ru), Department of Electrical Engineering, Informatics and Computer Technologies, Syzran branch of Samara State Technical University, 45, Sovetskaya Street, Syzran, 446001, Russian Federation.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЛА ВУЗА

В данной статье рассматривается изменение содержания профессиональной деятельности специалистов учебно-вспомогательного персонала вуза в условиях модернизации высшего образования. Описываются содержание и сущность социально-технологической мобильности специалистов учебно-вспомогательного персонала и трудности, возникающие при перестройке с одного вида деятельности (коммуникации) на другой (работу с программными продуктами и сервисами).

Ключевые слова: учебно-вспомогательный персонал вуза, специфика деятельности учебно-вспомогательного персонала вуза, социально-технологическая мобильность специалистов учебно-вспомогательного персонала.

Современная действительность сопровождается обновлением не только в бизнесе и производстве, но и в вузе. Целостность образовательного процесса обусловлена содержанием и смыслом профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала вуза. Высшее образование как институт гражданского общества, представляющий систему отношений между самостоятельными социальными субъектами, ориентируется на множественность интересов потребителей. Требуется гибкая и вариативная система, предоставляющая гражданам широкий спектр образовательных услуг, что приводит к трансформации образовательного пространства и возникновению противоречий единства, многообразия и целостности образовательного процесса в вузе. Фактором успешности любой организации является компетентность ее персонала, что требует грамотного и современного планирования кадровой политики. Исследователями (Е.А. Жипериной, А.И. Кибановым, Т.Г. Озерниковой) выделяются функции кадровой политики, в основе которых заложено внедрение такой политики управления персоналом, которая максимально увеличивает вклад людей в работу компании [2], обуславливает недостаточность одних компетенций для профессионального выполнения своих обязанностей на рабочем месте. В практике управления персоналом уже более сорока лет эффективно используется компетентностный подход к оценке, отбору, обучению и развитию сотрудников.

Вместе с тем значение деятельности учебно-вспомогательного персонала вуза в обеспечении качества образования возрастает в условиях информатизации, технологизации этой сферы [6]. Необходимо уточнение специфики профессиональной деятельности таких специалистов. Неотъемлемой и необходимой структурой учреждения высшего образования становится учебно-вспомогательный персонал, должностные обязанности которого заключаются в технологической поддержке учебного про-

* © Санько А.М., 2016

Санько Альбина Михайловна (sank-albina@ Rambler.ru), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

цесса вуза. Каждая единица данного персонала имеет свою специальность и определенный нормативными документами перечень обязанностей. Рассмотрим подробно содержание профессиональной деятельности таких специалистов. Так, основным производственным процессом в вузе является учебный процесс, соответственно, к основному персоналу относится профессорско-преподавательский состав вуза. Учебно-вспомогательный состав выполняет трудовые функции по обеспечению учебной деятельности: предоставление необходимых инструментов, освобождение времени для педагогической и научной работы, предоставление необходимой информационной помощи студентам. Согласно нормативным документам, вспомогательный или технический персонал – это работники, трудовая деятельность которых не влияет на основную работу структуры и не касается решений, принимаемых при административном управлении организацией [7]. Их деятельность связана с регулярным проведением материально-технических мероприятий, направленных на улучшение условий функционирования органов управления учебным процессом в вузе. В некоторых случаях учебно-вспомогательному персоналу отводится консультативная функция. Учебно-вспомогательный персонал вуза, косвенно участвующий в учебном процессе, представляют специалисты по учебно-методической работе в отделах, сопровождающих учебный процесс, и на кафедрах; заведующие лабораториями; учебные мастера и лаборанты; инженеры и программисты отделов программно-технического сопровождения, систем связи и учета.

Специфика их профессиональной деятельности заключается в организации работы структурных подразделений: выполнении поручений руководства, обеспечении бесперебойной работы технических, технологических и информационных средств и сервисов вуза с целью поддержки учебного процесса [4]. Мобильность учебно-вспомогательного персонала напрямую связана с отношением конкретного работника к своим должностным обязанностям и оценке своего уровня профессиональных умений и навыков. Оценить труд учебно-вспомогательного персонала вуза сложно по ряду причин, среди них: разнообразие их трудовых функций; «размытость» и варьирование объема функциональных обязанностей от одного структурного подразделения к другому. Все это значительно затрудняет определение критериев для оценки результативности труда данной категории персонала. Для более объективной оценки результативности труда учебно-вспомогательного персонала вуза следует разделить критерии оценки на три группы: общие для всех групп этой категории персонала; с учетом интенсивности труда; с учетом специфики труда различных групп учебно-вспомогательного персонала [10].

Официальными документами определяются те параметры образовательной деятельности организации, которые помогают заказчикам (государству) и потребителям (студентам) четко представлять ее целевые установки. Так, к общим показателям оценки результативности деятельности различных групп учебно-вспомогательного персонала вуза относятся: соблюдение режима работы (отсутствие опозданий, длительных и частых периодов отсутствия на рабочем месте без уважительных причин, несвоевременного окончания рабочего дня); высокий уровень исполнения должностных обязанностей (коммуникативная и технологическая культура труда) [9]; социальная активность; инициативность. Однако в оценке эффективности деятельности специалистов необходимо учитывать: интенсивность и объем деятельности (расширение трудовых функций учебно-вспомогательного персонала вуза, увеличение числа операций, выполняемых в единицу времени); эффективность использования рабочего времени; сложность и высокую трудоемкость выполняемых операций, что требует создания условий для восстановления работоспособности, в противном случае происходит потеря смысла и ценности в содержании труда, а следовательно,

страдает сфера профессионального взаимодействия, в частности мобильность таких специалистов [11]. Мобильность специалиста учебно-вспомогательного состава образовательных учреждений предполагает наличие необходимых компетенций освоения изменяющегося контекста профессиональной деятельности. Формы проявления мобильности специалистов учебно-вспомогательного состава разнообразны: смена должностей, отличающихся содержанием работ; изменение специализации, области их профессиональной деятельности; совмещение специалистами должностей и профессий. Следовательно, профессиональная мобильность специалиста учебно-вспомогательного состава интегрирует в себе характеристики деятельности и личности.

В качестве исходных позиций, обеспечивающих профессиональную мобильность специалиста учебно-вспомогательного состава образовательного учреждения, выделяем ряд личностных характеристик: способность взаимодействовать в различных профессиональных ситуациях [3], проектах разной содержательной направленности; интерес к разным сферам социальной и профессиональной деятельности; способность к самообразованию и саморазвитию; креативность, настроенность на творческое отношение к любому делу, творческое преобразование любой ситуации; высокая адаптивность к различным общественным ситуациям, функционально различным видам деятельности; способность быстро получать качественный результат своей деятельности.

В итоге профессиональную мобильность специалиста учебно-вспомогательного персонала вуза представляем как свойство личности и как процесс деятельности. Структура социально-профессиональной мобильности как интегративной характеристики описывается его трудовыми функциями в рамках профессионального стандарта. Вся деятельность учебно-вспомогательного персонала вуза направлена на обеспечение качества образования, чему способствуют системный (качество образования как интегративный системный объект есть качество не только конечных результатов, но и качество всех процессов, обеспечивающих, влияющих на конечный результат) и процессный (ориентирует на четкое описание и контроль всех процессов, осуществляемых в организации) подходы, которые в последние годы нашли большое развитие и применение в управлении качеством высшего образования.

Эффективность профессиональной деятельности выступает критерием развития личности профессионала в целом и требует определенных свойств личности. Так, современное образование оказывает значительное влияние на ментальные ценности и приоритеты людей, работающих в образовательной сфере, что составляет социальную мобильность учебно-вспомогательного персонала вуза. Однако исследование ценностей специалистов, задействованных в образовательном процессе вуза современной России, является сложной задачей, так как приходится учитывать скрытые мотивы прихода в профессию. Основанием для поиска становится смена образовательной парадигмы, изменяющей роль учебно-вспомогательного персонала вуза, которому приходится постоянно осмысливать свою профессиональную деятельность, самостоятельно перестраивать ее, следуя за изменениями. Трансформация значения, смысла и ценности деятельности учебно-вспомогательного персонала в учебно-воспитательном процессе вуза ориентирована на систему общего управления качеством образования и нацелена не только на контроль и обеспечение показателей качества результатов деятельности специалистов, но и на создание организационных, технологических, мотивационных, финансовых, информационных условий ее результативности. Значение результата деятельности выявляет объективный элемент в ее ценности, смысл же отражает активное отношение человека к этому объективному элементу [1]. Ценности учебно-вспомогательного персонала вуза зависят от профессиональных и межличностных отношений в образовательном учреждении. Эта зависимость не механическая,

она обусловлена противоречием между желаемой моделью деятельности и действительностью в каждом конкретном структурном подразделении, а также необходимыми нормами, регламентирующими эту деятельность. Исследователи различают профессиональные ценности по области актуализации: социальные, групповые и личностные. Так, к социально-профессиональным ценностям относятся идеи, представления, правила, традиции, регламентирующие деятельность социума в сфере образования. Концепции, нормы, регулирующие и направляющие профессиональную деятельность в рамках определенных образовательных институтов, образуют групповые ценности, характеризующиеся относительной стабильностью и повторяемостью. Личностные ценности отражают цели, мотивы, идеалы, установки и другие мировоззренческие характеристики специалиста. Профессиональные ценности специалиста являются аксиологическим основанием эффективности его деятельности, характеризующимся тем, что цель, смысл и ценность выполняемой работы определяют средства труда, что обуславливает межличностные отношения в ходе деятельности, влияющие на качество (эффективность и результативность) образовательного процесса в целом.

Таким образом, структура социальной мобильности специалиста учебно-вспомогательного персонала вуза обусловлена: пониманием личностью своей роли в социальной и профессиональной среде (общественная значимость труда); потребностью в общении (со студентами, коллегами, референтными людьми, обмен духовными ценностями); ориентацией на саморазвитие творческой индивидуальности (совершенствование профессионально-творческих способностей, приобщение к мировой культуре, науке, занятие любимым предметом); удовлетворением прагматических потребностей (получение гарантированной работы, оплата труда, карьерный рост).

Технологическая мобильность специалиста учебно-вспомогательного персонала вуза представляется знаниями о структуре образовательного учреждения, его кадровом составе; о правилах эксплуатации оргтехники и ведения делопроизводства, о технологиях и информационных ресурсах для создания, обработки, передачи и хранения документов, а также о критериях анализа и оценки деятельности [5] как самого специалиста, так и всего образовательного учреждения в целом.

Таким образом, социально-технологическая мобильность специалиста учебно-вспомогательного состава вуза интегрирует в себе ценности, ориентированные на эффективное взаимодействие с коллегами, партнерами, обучаемыми (социальная мобильность), и знания основных технологических и информационных процессов в вузе, а также способы качественного освоения нового информационного контента, направленного на результативность деятельности всего вуза (технологическая мобильность).

Библиографический список

1. Валицкая В.В. Философские основания современной парадигмы образования // Педагогика. 1997. № 3. С. 15–19.
2. Кибанов А.Я., Коновалова В.Г., Ушакова М.В. Служба управления персоналом: учеб. пособие / под ред. А.Я. Кибанова. М.: КНОРУС, 2010. 54 с.
3. Межличностная коммуникация : теория и жизнь / О.И. Матяш [и др.]; науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011. 552 с.
4. Осипова О.С. Экономико-математическое моделирование нормативной численности учебно-вспомогательного состава образовательных организаций // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1. № 1. С. 508–513.
5. Руднева Т.И., Астахова С.В., Лапшова Е.С. Профессиональная подготовка специалистов гуманитарного профиля: монография. Самара: Самарский университет, 2007. 249 с.

6. Санько А.М. Социально-технологическая мобильность специалиста как педагогическая проблема // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 5 (71). С. 118–123.
7. Смирнова М.Е. Специфика нормирования труда учебно-вспомогательного персонала в условиях совершенствования системы образования // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1. № 1. С. 589–593.
8. Соловова Н.В. Управление методической работой вуза в условиях реализации инновационных методических задач: монография / под ред. Т.И. Рудневой. Самара: Самарский университет, 2012. 548 с.
9. Храмова А.Б. Коммуникативная компетентность юриста – фактор безопасности общества // Известия Российской академии образования. 2012. № 2.
10. Широкова Ю.А. Вопросы материального поощрения учебно-вспомогательного персонала образовательного учреждения // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 5. С. 153–156.
11. Шмидт Ю.Д., Купера А.В. Стимулирование труда профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 6. С. 85–89.

References

1. Valitskaya V.V. *Filosofskie osnovaniia sovremennoi paradigmy obrazovaniia* [Philosophical foundations of the modern paradigm of education]. *Pedagogika* [Pedagogics], 1997, no. 3, pp. 15–19 [in Russian].
2. Kibanov A.Ya., Konovalova V.G., Ushakova M.V. *Sluzhba upravleniia personalom: ucheb. posobie. Pod red. A.Ya. Kibanova* [Personnel management services: schoolbook. A.Ya. Kibanov (Ed.)]. M.: KNORUS, 2010, 54 p. [in Russian].
3. Matyas O.I. [et al.] *Mezhlichnostnaia kommunikatsiia: teoriia i zhizn'. O.I. Mat'iash [i dr.]; nauch. red. O.I. Mat'iash* [Interpersonal communication: theory and life. Science editor O.I. Matyas]. SPb.: Rech', 2011, 552 p. [in Russian].
4. Osipova O.S. *Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie normativnoi chislennosti uchebno-vspomogatel'nogo sostava obrazovatel'nykh organizatsii* [Economic and mathematical modelling of standard number of educational and supporting staff of educational establishments]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire* [Management sciences in today's world], 2015, Vol. 1, no. 1, pp. 508–513 [in Russian].
5. Rudneva T.I., Astakhova S.V., Lapshova E.S. *Professional'naia podgotovka spetsialistov gumanitarnogo profilia: monografiia* [Vocational training of specialists of humanitarian profile: monograph]. Samara: Samarskii universitet, 2007, 249 p. [in Russian].
6. Sanko A.M. *Sotsial'no-tekhnologicheskaia mobil'nost' spetsialista kak pedagogicheskaia problema* [Social and technological mobility of a specialist as a pedagogical problem]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 5(71), pp. 118–123 [in Russian].
7. Smirnova M.E. *Spetsifika normirovaniia truda uchebno-vspomogatel'nogo personala v usloviakh sovershenstvovaniia sistemy obrazovaniia* [Specificity of regulation of labor of teaching and support staff in terms of improving the education system]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire* [Management sciences in today's world], 2015, Vol. 1, no. 1, pp. 589–593 [in Russian].
8. Solovova N.V. *Upravlenie metodicheskoi rabotoi vuza v usloviakh realizatsii innovatsionnykh metodicheskikh zadach: monografiia. Pod red. T.I. Rudnevoi* [Management of methodical work of a university in conditions of realization of innovative methodological tasks: monograph. T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Samarskii universitet, 2012, 548 p. [in Russian].
9. Khramtsova A.B. *Kommunikativnaia kompetentnost' iurista – faktor bezopasnosti obshchestva* [Communicative competence of a lawyer – factor of security of society]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii obrazovaniia* [Proceedings of the Russian Academy of Education], 2012, no. 2 [in Russian].

10. Shirokova Yu.A. *Voprosy material'nogo pooshchreniia uchebno-vspomogatel'nogo personala obrazovatel'nogo uchrezhdeniia* [Issues of material reward of teaching and support staff of educational institutions]. *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], 2012, no. 5, pp. 153–156 [in Russian].

11. Shmidt Yu.D., Kupera A.V. [Stimulation of teachers and auxillary educational staff of a university]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [Journal University Management: Practice and Analysis], 2006, no. 6, pp. 85–89 [in Russian].

*A.M. Sanko**

SOCIAL AND TECHNOLOGICAL MOBILITY OF SPECIALISTS OF EDUCATIONAL PERIPHERAL STAFF OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

In the given article the change of the content of professional activity of specialists of educational peripheral staff of educational institutions in conditions of modernization of higher education is viewed. The content and essence of social and technological mobility of specialists of educational peripheral staff of educational institutions and difficulties appearing at the rearrangement from one activity (communication) to another (work with software programs and services) is described.

Key words: educational peripheral staff of educational institutions, content of professional activity, social and technological mobility of specialists.

Статья поступила в редакцию 21/VIII/2016.
The article received 21/VIII/2016.

* *Sanko Albina Mikhailovna* (sank-albina@rambler.ru), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Проблема языковой подготовки студентов рассматривается в рамках коммуникативного образования, ориентированного на повышение уровня языковой компетентности студентов – будущих профессионалов. Утверждается, что в деятельности преподавателя иностранного языка начинает доминировать методическая функция: организация условий для формирования готовности к решению профессиональных задач средствами иностранного языка. Особое внимание уделяется методологической базе, представляемой совокупностью подходов: компетентностного, коммуникативного, контекстного, лингвострановедческого.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативное образование, языковая подготовка, коммуникативная компетентность, эмоциональная компетентность, методологическая база.

Введение

В последнее время в печати активно обсуждается проблема коммуникативной компетентности личности за счет изучения иностранного языка, приобретающего значимость на уровне социальных дисциплин, изучаемых студентами. Вместе с тем исследователи отмечают достаточно низкий уровень языковой компетентности в России по сравнению с европейскими странами [7]. Опыт коммуникативного образования подтверждает необходимость усиления языковой компоненты в образовательных программах всех уровней обучения. На основе анализа результатов педагогической практики предпринимаются попытки уточнения условий языковой подготовки студентов, которая заключается в формировании готовности функционировать в международном профессиональном сообществе, используя иностранный язык в качестве средства решения профессиональных задач. Следует отметить, что риски данного процесса представляются факторами, препятствующими качественной языковой подготовке в вузе. Во-первых, студент приходит из школы, где не всегда обеспечивается достаточный уровень владения иностранным языком (не имеются в виду специализированные школы). Во-вторых, слабая ресурсная база вуза также не способствует успешности в приобретении языковой компетентности. Следует назвать внешний механизм стимулирования студентов к освоению иностранного языка: отсутствие четкого запроса на рынке труда на специалистов, владеющих иностранным языком. В-третьих, отмечается слабое обновление учебных материалов в силу низкой академической мобильности преподавателей и инертности в освоении образовательных технологий. В то же время требуется систематическая переработка методических материалов в силу быстрой потери их актуальности. Таким образом, в деятельности преподавателя иностранного языка начинает доминировать методическая функция,

* © Храмцова А.Б., 2016

Храмцова Анна Борисовна (ash-wave@yandex.ru), кафедра иностранных языков, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

а арсенал педагогических задач пополняется механизмами стимулирования студентов к изучению иностранного языка.

Цель и методологическая основа языковой подготовки студентов

Для преодоления языкового барьера, препятствующего профессиональной карьере выпускников вуза на международном рынке труда, в ходе обучения студентов иностранному языку ставится цель развития их как языковых личностей [6], когда детерминируются две системы: система языковой личности и система личности профессионала. Языковая личность, как отмечают исследователи, представляется многослойным и многокомпонентным набором языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности [4]. Со ссылками на познавательную и репрезентативную функции языка, его роль в развитии мышления утверждается необходимость формирования вторичной языковой личности, «которая может быть выражена в иностранном языке, отражая процессы восприятия и понимания окружающего мира, профессиональной сферы» [9, с. 153]. Качество подготовки в вузе языковой личности требует уточнения структуры коммуникативной компетентности, которая в нашем исследовании представляется лингводидактической, лингвокоммуникативной компетенциями. Коммуникативное образование, результатом которого является языковая личность, позволяет формировать готовность к решению профессиональных задач в виде коммуникативной компетентности, приобретаемой студентом в ходе освоения лингвистического тезауруса, интерпретации профессионально значимой информации, обсуждения типичных коммуникативных ситуаций профессионального контекста [2].

Методологическая база формирования языковой личности

Тезаурус иностранного языка при обучении студентов представляется полевым и контекстным подходами, а интеграция культурного и языкового аспектов позволяет осваивать специфику менталитета иноязычной культуры за счет отбора концептов, отражающих суть профессиональной деятельности. Успеху коммуникативного образования, с нашей точки зрения, в значительной мере способствует самостоятельная работа студентов при изучении профессионально важных концептов и их участие в научно-исследовательской работе. В итоге достигается качество подготовки студентов, способных к деятельности в потоке научно-технической информации, усиленной расширением связей с зарубежными специалистами. В связи с этим возникает задача развития интереса и потребности обучаемых в овладении иностранным языком не только как средством межкультурных связей, но и как инструментом профессиональной самореализации. Для организации условий, соответствующей образовательной среды, способствующей проявлению внутренних побуждений к изучению иностранного языка, необходимо уточнение методологической базы. Отметим базовые подходы. Введение компетентностного подхода в учебный процесс изменило тип обучения языкам: контекстное обучение, «моделирующее предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов» [3, с. 66]. Контекстность способствует развитию коммуникативной компетентности: лингвистической (лексические, грамматические, фонетические умения и навыки и владение четырьмя речевыми действиями: аудированием, чтением, говорением, письмом); прагматической (владение навыками организации языкового материала в связный текст); социолингвистической (способность адекватно реализовать социокультурные условия коммуникации). Исследователи также отмечают значимость адекватного речевого поведения (эмоциональная компетенция) [1]. Результатом сформированности эмоциональной компетентности являются способности управлять своими эмоциями и

создавать благоприятную атмосферу в ходе коммуникации. Развитие способностей может происходить на аутентичном материале, когда коммуникативные стратегии становятся упражнениями для студентов, в которых отражается аутентичный характер и естественный язык: выразить удивление, выразить восторг; быть позитивным и вежливым; высказать критику. Интерес у студентов вызывают задания: на сопоставление жестов в разных языках и культурах; на подбор междометий для выражения различных видов личностного состояния (удивление, сожаление, боль и др.).

Одновременное изучение языка и культуры позволяет адекватно воспринимать речь носителя другого языка, понимать его ментальность. Лингвострановедческий подход способствует формированию страноведческой компетенции, аналитических способностей к изучению другой культуры, языковых единиц, отражающих национальные особенности культуры носителя языка. Чтение аутентичных текстов ведет к повышению коммуникативно-познавательной мотивации, если применяются различные способы (ознакомление с новым вокабуляром, новой темой и проблемой, объяснение, прослушивание, самостоятельное чтение, диктант, перевод, устная презентация, пресс-конференции) (см. рис.).

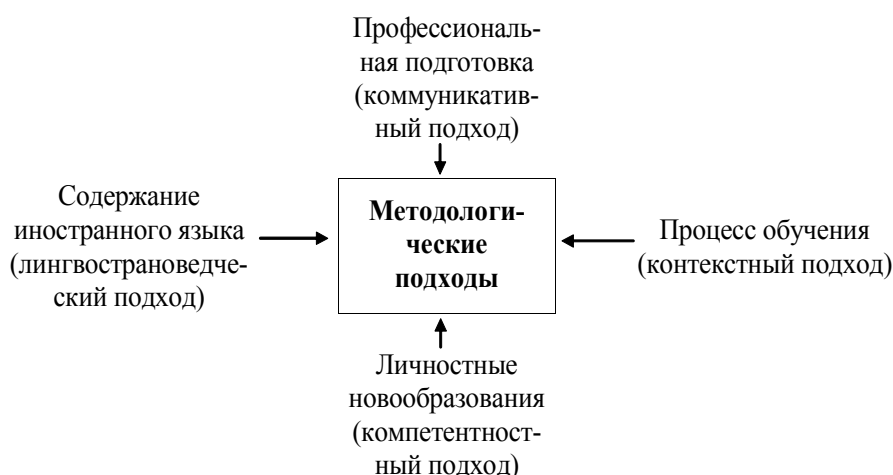

Рис. Методологическая база коммуникативного образования студентов в вузе

Выборку нашего исследования представили студенты – будущие юристы [8].

Методическое сопровождение разрабатывалось с опорой на ряд положений: возможность понимать и интерпретировать речевые высказывания определяется традициями, государственными и общественными структурами, системой образования – в итоге культурой народа; понимание достигается компетентностью не только в языковом, но и социокультурном коде, приближаясь к природному инофоню; специфика иноязычной профессиональной деятельности в юридической сфере англоязычных стран и России требует опоры на контекстно-поликультурный подход [5], на основе которого моделируются речевые профессиональные ситуации (дознание, создание версий, защита, обвинение, репортаж с места происшествия и др.); работа с текстом представляется профессиональными задачами разных видов (репродуктивными, алгоритмическими, трансформационными, творчески-поисковыми); осваиваются устойчивые формулы общения с учетом профессионального этикета (нормативность, доказательность, аргументированность, иллюстрированность).

Таким образом, решается комплекс методических задач: профессиональная подготовка на основе коммуникативного подхода позволяет организовать учебную дея-

тельность, результат которой представляется языковой личностью; содержание иностранного языка, отбираемое на основе лингвострановедческого подхода, дает возможность интегрировать культурный и языковой аспекты для понимания ментальности носителя другого языка; процесс обучения, в основе которого лежит контекстный подход, предполагает освоение иностранного языка на материале профессиональных ситуаций; результат коммуникативного образования оценивается сформированностью языковых и межкультурных компетенций.

Выводы

Переход от квалификационной модели образования к компетентностной поставил перед преподавателями вуза задачу формирования коммуникативной компетентности студентов, в структуре которой содержатся способности к выполнению профессиональной деятельности средствами иностранного языка. Значимость данной задачи обусловлена также расширением сферы профессиональной деятельности, выходом в мировое пространство, где требуются способности к диалогу в поликультурной среде. Опытно-экспериментальная работа проводилась с целью формирования языковой личности в процессе изучения иностранного языка на основе принципов диалогичности, ситуативности, активной позиции, поликультурности. Потребовалась организация языковых, межкультурных, межличностно-коммуникативных, дискурсивных знаний и умений на основе языкового концепта в виде субъективных представлений о профессиональной деятельности в совокупности с действующими в культурном контексте системами понимания и интерпретации этих представлений. Для доказательства совокупности полученных результатов применялись методы математической статистики – кластерный анализ (на основе 38 показателей структура языковой личности представлялась семью кластерами: личностным, интеллектуальным, социально-предметным, базовым, семантическим, прагматическим, адаптационным).

Библиографический список

1. Андреева И.Н. Развитие эмоциональной компетентности педагогов // Психология образования сегодня: теория и практика: материалы Международной практической конференции. Минск, 2003. С. 166–168.
2. Афанасьева О.В. Педагогическое управление коммуникативным образованием студентов вузов: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2008. 54 с.
3. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: ИЦПКПС, 1999. 75 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 46 с.
6. Руднева Т.И., Храмцова А.Б., Храмцов Е.Б. Формирование профессиональной компетентности студентов – будущих юристов. Самара: Самарский университет, 2011. 148 с.
7. Сидоренко Т.А., Рыбушкина С.В. Проблемы языкового образования в российском техническом вузе и некоторые способы их решения // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 131–138.
8. Храмцова А.Б. Технологии обучения студентов профессионально-ориентированному иностранному языку // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1–2. С. 352–355.
9. Юрина Е.М. Личностно-ориентированная технология обучения студентов технического вуза иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2001. 220 с.

References

1. Andreeva I.N. *Razvitie emotsional'noi kompetentnosti pedagogov* [Development of teacher's emotional competence]. In: *Psikhologiya obrazovaniia segodnia: teoriia i praktika: Materialy Mezhdunarodnoi prakticheskoi konferentsii* [Psychology of education today: theory and practice: Materials of the International training conference]. Minsk, 2003, pp. 166–168 [in Russian].
2. Afanasieva O.V. *Pedagogicheskoe upravlenie kommunikativnym obrazovaniem studentov vuzov: metodologiya, teoriia, praktika: avtoreferat dis. d-ra ped. nauk* [Pedagogical management of communicative education of university students: methodology, theory, practice: Author's Abstract of Doctor's of Pedagogical Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2008, 54 p. [in Russian].
3. Verbitskii A.A. *Novaia obrazovatel'naia paradigma i kontekstnoe obuchenie* [New educational paradigm and contextual training]. M.: ITsPKPS, 1999, 75 p. [in Russian].
4. Karaulov Yu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. M.: Nauka, 1987, 264 p. [in Russian].
5. Pluzhnik I.L. *Formirovanie mezhekul'turnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov gumanitarnogo profilia v protsesse professional'noi podgotovki: avtoreferat dis. d-ra ped. nauk* [Formation of intercultural communicative competence of students of the humanities in the process of professional training: Author's Abstract of Doctor's of Pedagogical Sciences thesis]. Tyumen, 2003, 46 p. [in Russian].
6. Rudneva T.I., Khramtsova A.B., Khramtsov E.B. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti studentov-budushchikh iuristov* [Formation of professional competence of students-future lawyers]. Samara: Samarskii universitet, 2011. 148 p. [in Russian].
7. Sidorenko, T.A., Rybushkina, S.V. *Problemy iazykovogo obrazovaniia v rossiiskom tekhnicheskome vuze i nekotorye sposoby ikh resheniia* [Problems of language education in the Russian technical higher educational institution and some ways of their solution]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2015, no. 6, pp. 131–138 [in Russian].
8. Khramtsova A.B. *Tekhnologii obucheniia studentov professional'no-orientirovannomu inostrannomu iazyku* [Technologies of training students of professionally-oriented foreign language]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, Vol. 17, no. 1–2, pp. 352–355 [in Russian].
9. Yurina E.M. *Lichnostno-orientirovannaia tekhnologiya obucheniia studentov tekhnicheskogo vuza inostrannomu iazyku: diss. kand. ped. nauk* [Personality-oriented technology of teaching foreign language to the student's of a technical university: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Rostov-on-Don, 2001, 220 p. [in Russian].

*A.B. Khramtsova**

FORMATION OF LINGUISTIC IDENTITY BY MEANS OF A FOREIGN LANGUAGE

The problem of student's language training is considered within the communicative education focused on the increase of the level of linguistic competence of students-future professionals. It is claimed that in the activity of a foreign language teacher methodical function begins to dominate: organization of conditions for the formation of readiness to the solution of professional tasks by means of a foreign language. Special attention is paid to the methodological procedures represented by a set of approaches: competence-based, communicative, contextual, culture-through-language.

Key words: linguistic identity, communicative education, language training, communicative competence, emotional competence, methodological procedures.

Статья поступила в редакцию 10/IX/2016.
The article received 10/IX/2016.

* *Khramtsova Anna Borisovna* (ash-wave@yandex.ru), Department of Foreign Languages, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 821.161.1

*Г.Ю. Карпенко, Л.Б. Карпенко****«ЮБИЛЕЙНЫЕ» ЯЗЫКОВЫЕ КЛИШЕ О ПУШКИНЕ,
ИЛИ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРСТВА**

В статье на материале «юбилейных» публикаций об А.С. Пушкине рассматривается процесс формирования официального мифа о нем: показывается, как жизнь и творчество Пушкина превращались в «идеологическое оружие» советской эпохи, становились высшей ценностью, ради которой надлежало жить и жертвовать собой. В работе выявляется безусловная зависимость высказываний о Пушкине от доминантных идеологем времени: они не только порождали соответствующие языковые клише и оценки, но и «выстраивали» репрессивно ориентированную культурную политику.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, миф, неповторимое, безликое, идеологическая интерпретация, канонизация.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина всегда воспринимались и оценивались через призму тех или иных культурно-исторических стереотипов и официально навязанных мнений. Как справедливо пишет М.В. Загидуллина, из Пушкина каждая эпоха лепит нужный ей образ, превращает его в «выразителя экстралитературных явлений духовной жизни нации», в «идеологическое образование» [11]. Особое место в процессе мифосозидания образа Пушкина занимают юбилейные и знаменательные даты, связанные с его именем. Они являют удивительный пример повышенного, даже ажиотажного (спекулятивного) интереса к жизни и творчеству поэта. Наступает время, когда не только подводятся серьезные пушкиноведческие итоги, определяются исследовательские перспективы, но и оживляется языковая (мифотворческая) деятельность по созданию «нужного» образа Пушкина, новых стереотипов его восприятия. Пушкин из пространства творчества, актуализирующего индивидуальное и неповторимое, переносится в пространство мифа, возбуждающего безликое и массовидно-коллективное. Стратегия такого переноса определяется логикой актуализации

* © Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б., 2016

Карпенко Геннадий Юрьевич (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, *Карпенко Людмила Борисовна* (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

в творчестве и биографии Пушкина идеологически полезных государству идей и фактов. В духовном наследии поэта ценным признается только то, что значимо и полезно для доминантных (официальных) структур эпохи.

Хотя и накоплен достаточный материал, чтобы по юбилейным вехам проследить формирование лексико-идеологических кодов, определяющих отношение к Пушкину как к национальному феномену [17; 25; 28; 30], однако несколько в стороне остались пушкинские юбилеи 1920–1940-х годов, когда зарождался и «раскручивался» советский миф о Пушкине. В данной статье внимание будет уделено оценочным суждениям, языковым клише, которые особенно в памятные даты содействовали формированию в массовом сознании стереотипного представления о Пушкине.

Но нужно сказать, что «огосударствление» Пушкина, превращение его в нужного власти гражданина начиналось не в советский период. О.С. Муравьева выделяет 1880–1890-е годы в качестве решающих, когда активно создавался миф о Пушкине [20]. Но только в 100-летнюю годовщину со дня рождения Пушкина в роли организатора юбилея впервые выступило правительство, поставившее себе цель провести торжества так, чтобы они имели «воспитательное значение для народа» [1, с. 302]. В России с этого времени начинается процесс канонизации официального образа поэта: Пушкин становится народным поэтом и поэтом империи. В русской культуре оформляется миф о Пушкине, прозревавшем будущее России, проявляющем любовь к простому народу, демонстрирующем преданность власти и разделяющем официальные настроения времени.

В юбилейный год сложились и своеобразные поэтические клише, образные штампы, которые обретут жизнь в советский период: они повысятся в своем социальном статусе и будут звучать уже не как лирические откровения отдельных поэтов, а как официальные мифологемы, овладевающие сознанием масс. Интересную подборку таких примеров приводит О.С. Муравьева. О Пушкине писали как о «нашей гордости» и «нашей славе», как о «великом поэте великого народа», как об «учителе дорогом» [20, с. 115–116]. «Ты знал, что в будущем тот славный день придет, когда учителя найдет в тебе народ», — писал один из почитателей-подражателей в стихотворении «Ты памятник себе воздвигнул превосходный» [26, с. 188].

Но и в 100-летний юбилей Пушкин еще не стал безусловной мифологемой, вне-рефлексивной ценностью: значимость его произведений и авторитет его личности еще можно было оспорить и поставить под сомнение. Показательно в этой связи неприятие Пушкина, имеющее, может быть, случайный и (в свете сегодняшнего дня) анекдотичный характер. Как пишет В. Тренин, из «массовых» произведений Пушкина особенно пострадала «Сказка о попе и работнике его Балде». Так, например, в народном училище Саратовской губернии по распоряжению директора сказка о Балде была вырезана из собраний сочинений Пушкина. А в Майкопе местный протоиерей обратился с обличительной речью к учащимся, о чем и рассказали «Кубанские областные ведомости»: «Знаете, кто был этот раб Божий Александр?! Это был поэт. Он всю жизнь свою пел песни, и многие из них не нравственные, о которых сам поэт жалел... Только неучи, недоучки, недоросли могут приходить в восхищение от такой сказки, как сказка о работнике Балде. И эту сказку читают иные педагоги в школах. Только разве это педагоги — это наемники продажные, которых на порог школы не следует пускать» [29, с. 238].

В 100-летний юбилей начальствующие чиновники демонстрировали свое понимание Пушкина. Так, Серпуховская дума приняла такое постановление: «Ввиду того, что Пушкин ничего особенного для Серпухова не сделал, ходатайство директора гимназии об учреждении в память Пушкина городского училища отклонить». А начальство Екатерининской службы железнодорожной тяги на просьбу служащих

отметить юбилей отреагировало таким образом, предварительно проверив соответствующие документы: «Г-н Пушкин никогда по министерству путей сообщения не служил... чувствовать так или иначе его — дело писателей, а не железнодорожных агентов» [29, с. 239]. Но даже такие нелепые резолюции свидетельствуют, что к Пушкину стали относиться как к государственному человеку, как к служащему государству, стали применять к нему критерии государственной пользы.

Примечательно, что после 1917 года миф о Пушкине как советском поэте, друге советского народа сформировался не сразу, а только в 1930-е годы и стал «общим местом» в 1940-е. Интересные наблюдения и выводы делает О.С. Муравьева, обращаясь к проблеме советской мифологизации Пушкина [20, с. 124–133].

В 1920-е годы Пушкин еще не воспринимался в качестве полезного мифа советской культуры. В 1927 году 90-летняя годовщина со дня смерти Пушкина не получила значения знаменательной даты. Власть еще мало обращала внимания на Пушкина и не думала об официальном статусе поэта. Он пока полностью находился в распоряжении критиков и литературоведов. В литературоведении только намечались подходы и схемы «советского изучения» творчества Пушкина, которые в дальнейшем приведут к канонизации образа поэта, к превращению его в одну из центральных фигур советской культуры.

Литературоведением, в котором господствовал социологический метод, еще не была решена задача: как из Пушкина-дворянина сделать советского человека. В 1927 году о Пушкине говорили как о «деклассированном дворянине» и выявляли «дворянско-классовый характер пушкинской поэзии» [3; 14, с. 22]. Показательны в этом отношении интерпретации «Медного всадника», сложившиеся в 1920-е годы. Пушкинская поэма рассматривалась преимущественно «с марксистской точки зрения». Используя принцип социологической типизации, литературоведы отвечали на вопрос, какое социальное явление символизирует тот или иной образ. С одной марксистской точки зрения получалось так, что «град Петров — продукт промышленного товарного капитала», Нева — «буйно рвущийся капитал», а Евгений — «трудящийся», погибающий без марксистской теории под натиском капитала [9, с. 23–27]. Д. Благой предложил другое понимание поэмы: «В “Медном всаднике” в символических образах Петра и Евгения Пушкин изображает социальную борьбу деклассированного русского дворянства с самодержавием... Больше того, “Медный всадник”, на наш взгляд, — продолжает Д. Благой, — является символическим изображением конкретного исторического события — восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года» [4, с. 25–26]. Но как быть с петербургским наводнением, которое случилось 7 ноября 1824 года? Д. Благой считает, что Пушкин просто обманул цензуру: события — наводнение и восстание декабристов — не совпадают «по времени», но они зато совпадают «по пространству»: мятеж Евгения и восстание происходят «на площади Петровой» [4, с. 26]. Это совпадение и доказывает, что Пушкин в символической форме изобразил восстание декабристов. Однако Д. Благой не связывает напрямую изображаемое событие с авторской оценкой. Пушкин, по мнению ученого, хотя и намечает «этот мотив победоносного наводнения — символа грядущей революции», сам же он призывает к примирению [4, с. 33].

Если в 1920-е годы доминировал классовый подход в изучении произведений Пушкина, что значительно сужало возможность понимания духовного наследия поэта, то в 1930-е годы встал вопрос о народном характере творчества писателя, о его гуманистической направленности. Литературоведению нужно было решить ключевую методологическую проблему: теоретически обосновать наличие в творчестве Пушкина такого содержания, которое близко народным массам, созвучно современной эпохе. «Родной и близкий всем» — так называлась одна из заметок того времени, в которой давался краткий обзор откликов «трудящихся» на творчество Пушкина [24, с. 42–43]. А для социально-родственного сближения поэта с народными массами его необходимо было оторвать от всего «чуждого», то есть дворянского. Процессу «опролетаривания» Пушкина способствовали высказывания «основоположника пролетарской литературы»

М. Горького, который, в частности, директивно писал: «Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными унаследованными качествами — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам... Пушкин выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса... понял интеллектуальную нищету своего класса» [8, с. 14].

Правильному истолкованию Пушкина оказала соответствующую помощь партийная печать, прежде всего передовые статьи в газете «Правда», опубликованные в 1935—1937 годах и специально посвященные изучению и пропаганде пушкинского наследия. «Правдой» и всей советской общественностью были подвергнуты резкой критике некоторые выводы пушкинистов и даже опровергнуты объективные факты биографии Пушкина. 10 февраля 1937 года в газете «Правда» писалось: «Пушкин был дворянином... Какая низкая клевета. Пушкин прежде всего народен» [23, с. 1]. Импульс правильному истолкованию глубоко народного Пушкина исходил не от пушкинистов, а от партии и от народных масс. Как писали Б.С. Мейлах и Н.С. Горницкая, в результате всенародного изучения творчества Пушкина в кишлаках и колхозах было указано «на убожество рассуждений критиков, извращавших Пушкина, по-сектантски ограничивавших его роль в истории России и в строительстве новой социалистической культуры» [19, с. 29].

Понятно, что литературоведы вынуждены были истолковывать творчество Пушкина в направлении, заданном партией, должны были сблизить Пушкина с социализмом. В 1936 году в журнале «Октябрь» (№ 9—11), а в 1937 году отдельным изданием была опубликована работа В.Я. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм» [13]. В творчестве Пушкина ученый выявил те мотивы, которые «роднят великого поэта с нашей сталинской эпохой». Пушкин стал современником сталинской эпохи, был включен в ряд сакральных имен: Ленин — Сталин — Пушкин. И уже его именем, его живыми словами скрепляли приговоры. В «Литературном критике» за 1937 год (№ 2) статья «Лакеи фашизма», в которой говорилось о суде «над бандой двуногих тварей», заканчивалась словами: «Народ вынес суровый приговор... Социалистический народ идет вперед, и на его устах слова великого русского поэта: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!”» [16, с. 12]. Пушкин таким способом становился чуть ли не верховным судьей на сталинских процессах.

Проблема осовременивания Пушкина решалась также и при помощи художественных и научно-публицистических средств. В девятом номере журнала «Смена» за 1936 год А. Косарев писал: «Пушкин вошел в нашу эпоху как современник. Он больше наш современник, чем был современником своему поколению» [15, с. 5]. В первом номере «Нового мира» за 1937 год, посвященном Пушкину и... Сталину, о поэте говорилось как о живом современнике. Пушкин буквально материализовывался в ценностном пространстве советской эпохи, возникал эффект его реального присутствия. «Пушкин близок и дорог трудящимся массам Советской страны», он «лучший друг наш», — утверждал Н. Глаголев [7, с. 227, 239]. Такой эффект реального пушкинского присутствия достигался сверхлогическими средствами и был связан с некими волшебными процессами, которые были возможны только в советской стране. «В Советской стране, — вдохновенно писал Н. Глаголев, — люди растут не по дням, а по часам» [7, с. 239]. Только в чудесном пространстве советской страны мог ожить Пушкин. Советские люди той эпохи свидетельствовали: он «родным и близким пришел в этот зал» [24, с. 43]. Киргизский поэт Дж. Боконбаев признавался: «Киргизу Пушкин друг. И тунгусы тебя любят. Мы с тобой, Пушкин, встретились... Мой друг Пушкин» [5, с. 24]. В. Казин утверждал: «Локоть о локоть ты с новой эпохой идешь» [12, с. 11]. «Наступило его торжество, — писал уже А. Жаров. — На районных партийных активах обсуждают творенья его» [10, с. 13]. «На родном тунгусском языке твердит тихонько пушкинские строки» старик тунгус [2, с. 17]. А тон всем этим стихотворным и публицистическим откровениям задавал Г. Санников: «Всею советскою страною / Ты вождем поэтов признан / И могучею волною / Входишь в мир социализма... / Да здравствует Сталин! / Да здравствуют песни!» [27, с. 10].

Назвать Пушкина вождем значило ввести его в круг самых сакральных имен советской эпохи. Пушкин оказывался в одном ряду с Лениным и Сталиным. Приговоры, скрепленные словами Пушкина, и прославление его имени в одном ряду с именем Сталина способствовали превращению поэта во всеисторический культурный феномен, в мифологическую фигуру. В середине 1930-х годов Пушкин в советской культуре проходил своеобразный обряд инициации: он был повязан кровью и удостоился чести быть рядом со Сталиным. Если Г. Санников писал о вожде Пушкине, то В. Гаприндашвили в этом же номере журнала «Новый мир» (1937. № 1) писал о вожде Сталине. Тем самым в общественном сознании ценности социализма и творчества Пушкина отождествились.

Канонизация Пушкина находила свое закрепление и выражение в языке. Газетные и журнальные публикации 1937 и 1949 годов поражают своим однообразием заголовков. Заголовок строится вокруг опорных слов – *великий, гений, слава, гордость* – и структурно соотносит Пушкина с современностью. Например, «Великий поэт великого народа». Причем если в 1937 году таких явных оценочных заголовков было не очень много, то в 1949 году тон ликующему однообразию задает газета «Правда»: 6 июня вышла передовая статья «Слава и гордость великого русского народа». Все остальные публикации должны были обязательно содержать какое-нибудь ключевое слово. Интересный факт: статья профессора Ленинградского университета В.А. Мануйлова «Великий русский поэт» перепечатывалась в юбилейные дни в разных газетах столичного и областного уровня 21 раз.

Одна из главных задач пушкинских юбилеев – пропаганда творчества Пушкина среди народа, среди народных масс. С этой целью для библиотекарей, пропагандистов и лекторов выпускались такие методические указания, как «В помощь библиотекарю Азово-Черноморского края к проведению столетней годовщины со дня смерти Пушкина» (Ростов-на-Дону, 1936), «В помощь сельскому библиотекарю-передвижнику» (автор Е.П. Коршунова, М., 1936) или «Указатель произведений А.С. Пушкина для громких чтот» (М., 1937).

Газеты и журналы должны были публиковать свидетельства о «подлинном всенародном празднестве», рассказывать о том, как пушкинское творчество проникает в трудящиеся массы, как они любят Пушкина. Один из таких отчетов приводит И. Айзеншток: «В Одессе в квартире шофера Лысенко состоялось необычное собрание. Живущие по Пушкинской улице граждане Одессы собрались, чтобы почтить память Пушкина. Школьница Алла Бубликова, дочь моряка, прочла “Послание в Сибирь”» («Во глубине сибирских руд») [1, с. 303].

В 1937 году Пушкин стал любимым поэтом не только советского народа. В журнале «Смена» (1937, № 6) была помещена заметка «Любимый поэт негров», в которой, в частности, писалось: «Пушкин долго был неизвестен неграм Соединенных Штатов Америки. Однако в настоящее время негры уже знают и любят великого русского поэта» [18]. И дальше сообщалось, что Пушкин включен в энциклопедию «Знаменитые люди негритянской расы», что биография поэта опубликована «на негритянском языке» [18].

В 1949 году борьба за Пушкина продолжалась с новой силой и изобретательностью: Пушкина опять нужно было спасти от врагов и реанимировать. Особой темой стала тема предотвращения дуэли. В юбилейный год хлынул поток литературы, где советские люди выражали свою готовность совершить героический поступок, чтобы спасти Пушкина от смерти.

Н. Грибачев в стихотворении «Поэт» так описывает свои смелые действия: «Я в упор, шагов с пяти, в Дантеса целюсь из ружья, чтоб Пушкина спасти». А М. Светлов в стихотворении «Тихо светит месяц серебристый...» рассказывает о сне комсомольца: «Он бежал сквозь зимнее ненастье... Разве можно было не спешить, чтоб непоправимое несчастье, как угодно, но предотвратить».

В юбилейный год советский народ в очередной раз спас Пушкина от смерти. И уже живой Пушкин радуется за советского человека, о чем и поведал в стихотворении «Нет, весь я не умру...» А. Гукасян: «О, я знаю, ты счастлив, мой друг дорогой, что живешь в советской стране!» [22].

Как видим, в волшебном пространстве советской страны с Пушкиным случались чудесные превращения. Он мог быть любимым поэтом не только советского народа, но и других народов. В 1949 году Пушкин стал любимым поэтом китайцев, о чем и рассказал «Новый мир» (1949, № 6).

В 1999 году – в год 200-летия со дня рождения поэта – со сменой социально-политического климата в стране к государственной канонизации Пушкина добавляется еще и религиозная.

Интересный (и вполне закономерный) поворот в осмыслении личности Пушкина, обусловленный отрывшимися возможностями новой эпохи, был связан с «христианизацией» его образа. В науке творчество Пушкина связывается с картиной русского мира, с особенностями национального менталитета. В.С. Непомнящий в своей обширной монографии «Пушкин: Русская картина мира» (М., 1999) доказывает, что реальным смыслом пушкинского творчества, его «надмирным» заданием было восстановление связи (буквально – religio), воссоединение «концов» русской культурной истории, разрубленной Петром. В основе пушкинского творчества – мир христианских ценностей, воплощенных в их именно русском (иногда почти «рублевском») облике. В.С. Непомнящий говорит о мудрой приверженности Пушкина к православной вере, проявляющейся у него без особой рефлексии и поэтому оказывающейся глубинной, незыблемой и фундаментальной. Пушкин в своем творчестве запечатлевает «сплошную священность Бытия, передавая его иерархию, его совершенство и красоту, его драму и его цель» [21].

Как показывает Е.Н. Вагнер, в культуре в соответствии с христианскими представлениями о троичности Бога оформляется и христианский миф о Пушкине. Он включает следующие компоненты: Пушкин-Отец – создатель русской литературы, языка, культуры, сотворивший Словом целую вселенную; Пушкин-Сын, Русский Христос, преданный современниками и невинно убиенный в 37 лет – в возрасте, ставшем для русского культурного сознания не менее значимым и роковым, чем Христово 33-летие; наконец, Пушкин – Святой Дух, пребывающий ныне и присно в каждом русском сердце, в каждом храме науки или культуры, во всей России, ставшей «пушкинским домом» [6].

Итак, заключая, можно сказать, в каких бы формах, высоких или низких, сакральных или профанных, интерес к Пушкину ни проявлялся, они составляют процесс мифологизации Поэта, получают свое устойчивое закрепление в языковых клише эпохи и тем самым свидетельствуют о «вечной» потребности всякого русского человека в национально-культурном самоопределении. Но если раньше данный процесс «самоидентификации» контролировался-определялся государством и Пушкин был у него на службе, то сегодня Пушкин, оставаясь на уровне риторических суждений «нашим все», оказался в «переходной зоне», когда с ним может всякое случиться. Будем ждать очередных превращений Пушкина и сами участвовать в них.

Библиографический список

1. Айзеншток И. Три юбилея (Исторические справки) // Литературный современник. 1937. № 1.
2. Берг Л. // Новый мир. 1937. № 1.
3. Благой Д.Д. Классовое самосознание Пушкина. М., 1927.
4. Благой Д.Д. Миф Пушкина о декабристах // Печать и революция. 1926. Кн. пятая. Июль-август.

5. Боконбаев Дж. // Новый мир. 1937. № 1.
6. Вагнер Е.Н. Национальные культурные мифы в литературе русского постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
7. Глаголев Н. Пушкин и современность // Новый мир. 1937. № 1.
8. Горький М. О Пушкине // Смена. 1936. № 9.
9. Егорашвили Д. Две революции — «Медный всадник» Пушкина и «Двенадцать» Ал. Блока. Тифлис, 1923.
10. Жаров А. // Новый мир. 1937. № 1.
11. Загидуллина М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002.
12. Казин В. // Новый мир. 1937. № 1.
13. Кирпотина В.Я. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1937.
14. Коган П.С. Пушкин и Гоголь в марксистской критике // На литературном посту. 1927. № 5–6.
15. Косарев А. Читайте Пушкина! // Смена. 1936. № 9.
16. Литературный критик. 1937. № 2.
17. Лобода А.М. Очерк пушкинской юбилейной литературы. Киев, 1900.
18. Любимый поэт негров // Смена. 1937. № 6.
19. Мейлах Б.С., Горницкая Н.С. А.С. Пушкин. Семинарий. Л., 1959.
20. Муравьева О.С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.
21. Непомнящий В.С. Пушкин: Русская картина мира. М., 1999.
22. Новый мир. 1949. № 6.
23. Правда. 1937. 10 февраля.
24. Перегудов А. Родной и близкий всем // Новый мир. 1937. № 1.
25. Розанов И.Н. Литературные репутации. М., 1928.
26. Русские поэты о Пушкине / сост. В. Коллаш. М., 1899.
27. Санников Г. // Новый мир. 1937. № 1.
28. Сиповский В.В. Пушкинская юбилейная литература. 1899–1900. Критико-библиографический обзор. СПб., 1902.
29. Тренин В. Как чествовали Пушкина в царской России // Литературный критик. 1937. № 1.
30. Фаресов А.И. А.С. Пушкин и чествование его памяти. СПб., 1899.

References

1. Eisenstock I. *Tri jubileia (Istoricheskie spravki)* [Three jubilees (Historical reference)]. *Literaturnyi sovremennik* [Literary contemporary], 1937, no. 1 [in Russian].
2. Berg L. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
3. Blagoy D.D. *Klassovoe samosoznanie Pushkina* [Class consciousness of Pushkin]. М., 1927.
4. Blagoy D.D. *Mif Pushkina o dekabristakh* [Pushkin's myth about the Decembrists]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and revolution], 1926, Book Five. July-August [in Russian].
5. Bokonbaev G. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
6. Wagner E.N. *Natsional'nye kul'turnye mify v literature russkogo postmodernizma. Avtoref. ...kand. filol. nauk* [National cultural myths in the literature of Russian postmodernism. Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences .thesis]. Barnaul, 2007 [in Russian].
7. Glagolev N. *Pushkin i sovremennost'* [Pushkin and the present]. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
8. Gorky M. *O Pushkine* [About Pushkin]. *Smena*, 1936, no. 9 [in Russian].
9. Egiashvili D. *Dve revoliutsii — "Mednyi vsadnik" Pushkina i "Dvenadtsat'" Al. Bloka* [Two revolutions — "The bronze horseman" by Pushkin and "The Twelve" by Al. Block]. Tiflis, 1923 [in Russian].
10. Zharov A. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
11. Zagidullina M.V. *Klassicheskie literaturnye fenomeny kak istoriko-funktsional'naiia problema (tvorchestvo A.S.Pushkina v retseptivnom aspekte). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Classical literary phenomena as a historical-functional problem (creativity of A.S. Pushkin in the receptive aspect). Doctor's of Philological Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2002 [in Russian].

12. Kazin V. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
13. Kirpotina V.Ya. *Nasledie Pushkina i kommunizm* [Pushkin's legacy and communism]. M., 1937 [in Russian].
14. Kogan P.S. *Pushkin i Gogol' v marksistskoi kritike* [Pushkin and Gogol in the Marxist criticism]. *Na literaturnom postu* [On the literary post], 1927, no. 5–6 [in Russian].
15. Kosarev A. *Chitaite Pushkina!* [Read Pushkin!]. *Smena*, 1936, no. 9 [in Russian].
16. *Literaturnyi kritik* [Literary critic], 1937, no. 2 [in Russian].
17. Loboda A.M. *Ocherk pushkinskoi iubileinoi literatury* [Sketch of Pushkin's jubilee literature]. Kiev, 1900 [in Russian].
18. *Liubimyi poet negrov* [Favorite poet of the blacks]. *Smena*, 1937, no. 6 [in Russian].
19. Meilakh B.S., Gornitzkaya N.S. *A.S. Pushkin. Seminarii* [A.S. Pushkin. Seminar]. L., 1959 [in Russian].
20. Muravieva O.S. *Obraz Pushkina: Istoricheskie metamorfozy* [The image of Pushkin: Historical metamorphoses]. In: *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. SPb., 1994 [in Russian].
21. Nepomnyashchii V.S. *Pushkin: Russkaia kartina mira* [Pushkin: Russian world view]. M., 1999 [in Russian].
22. *Novyi mir* [New world], 1949, no. 6 [in Russian].
23. *Pravda*, 1937, February 10 [in Russian].
24. Peregudov A. *Rodnoi i blizkii vsem* [Native and close to all]. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
25. Rozanov I.N. *Literaturnye reputatsii* [Literary reputations]. M., 1928 [in Russian].
26. *Russkie poety o Pushkine. Sost. V. Kollash* [Russian poets about Pushkin. Compiler V. Kollash]. M., 1899 [in Russian].
27. Sannikov G. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
28. Sipovsky V.V. *Pushkinskaia iubileinaia literatura. 1899–1900. Kritiko-bibliograficheskii obzor* [Pushkin jubilee literature. 1899–1900. Critical and bibliographic review]. SPb., 1902 [in Russian].
29. Trenin V. *Kak chestvovali Pushkina v tsarskoi Rossii* [How Pushkin was honored in tsarist Russia]. *Literaturnyi kritik* [Literary critic], 1937, no. 1 [in Russian].
30. Pharesov A.I. *A.S. Pushkin i chestvovanie ego pamiati* [A.S. Pushkin and honoring his memory]. SPb., 1899 [in Russian].

*G. Yu. Karpenko, L. B. Karpenko**

«JUBILE» LANGUAGE CLICHES ABOUT PUSHKIN, OR A POET IN THE SERVICE OF THE STATE

The article is devoted to the «anniversary» publications about A.S. Pushkin, to the process of formation of official myth about him, it shows how life and works of Pushkin turned into «ideological weapon» of the Soviet era, becoming the highest value for which was to live and sacrifice themselves. The work reveals the absolute dependency of statements about Pushkin from the dominant ideologies of the time: not only did they rise to the corresponding language cliches and evaluation, but «built» repressive oriented cultural policy.

Key words: A.S. Pushkin, myth, unique, impersonal, ideological interpretation, canonization.

Статья поступила в редакцию 5/XI/2016.
The article received 5/XI/2016.

* *Karpenko Gennady Yurievich* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, *Karpenko Lyudmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА
(ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ ОБ ИОСИФЕ БРОДСКОМ)**

В статье анализируется заметка Вен. Ерофеева об И. Бродском, написанная в связи с присуждением последнему Нобелевской премии. Прделанный анализ выводит к пониманию общего и разного в эстетических позициях двух выдающихся художников второй половины XX века.

Ключевые слова: В. Ерофеев, И. Бродский, Нобелевская премия, эстетическая позиция.

В ноябре 1987 года В. Ерофеев по просьбе Л. Панн и нью-йоркского издательства «Серебряный век» написал короткую заметку об И. Бродском, явившуюся откликом на присуждение последнему Нобелевской премии по литературе [1].

Заметка В. Ерофеева представляет собой своеобразный «перечень» высказываний («обмолвок») знакомой автору столичной публики, «от физика-атомщика до церковного сторожа», этот перечень сопровождается очень коротким авторским комментарием.

При всем своем лаконизме заметка В. Ерофеева имеет внутренне напряженный характер, который создается за счет совершенно неожиданного, не вытекающего из приведенных высказываний столичной публики о Бродском, авторского комментария, который все эти высказывания корректирует и опровергает каждое в отдельности и все высказывания в целом.

Следует, между прочим, заметить, что «случайно» подобранные «мнения о поэте» организованы автором заметки самым строгим образом и вместе образуют четкую и емкую систему и даже своеобразный ритм.

Всего В. Ерофеев приводит десять высказываний, принадлежащих людям разных профессий и родов занятий, среди которых есть корректор издательства «Прогресс», преподавательница 1-го медицинского института, поэт, физик (он же — доктор наук), искусствовед, переводчик (он же — «крайне правый католик»), два литератора и биолог, «крайне левая православная», род занятий которой не указан. Нет разве только «церковного сторожа», о котором говорится в своеобразном предуведомлении к этому «перечню» (если, конечно, им, этим сторожем, не является «крайне левая православная» или, например, кто-то из «литераторов»).

Субъекты высказываний подобраны таким образом, что приводятся не просто различные мнения, а мнения людей, вместе составляющих парадигму от строго-научного, «естественного», взгляда на вещи (его представляют корректор, преподавательница мединститута, физик, биолог и, может быть, отчасти «переводчик, крайне правый католик», если считать что одна из характеристик переводческой деятельности — стремление к точности) до предельно метафизического (поэт, искусствовед, два литератора, «крайне левая православная» и, опять же отчасти, «крайне правый католик» и он же — переводчик).

* © Перепелкин М. А., 2016

Перепелкин Михаил Анатольевич (mperpelkin@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Последовательность высказываний, видимо, тоже неслучайная, что видно из той же субъектной их принадлежности: «крайне правому католику» немедленно вторит «крайне левая православная», вслед за одним «литератором» сей же час высказывается другой — «тоже литератор» и т. д.

Скорее всего, не случаен даже характер номинации субъектов, которые кроме наименования профессии обозначаются с помощью одного или двух инициалов, что должно свидетельствовать, как нам представляется, о степени близости высказывающегося к автору либо о мере значимости высказывания (и, соответственно, его инициатора) для автора заметки. Если предположить, что один инициал — это фамилия, а два — имя и фамилия, то, скорее всего, высказывания, помеченные фамильно-именными конструкциями, расцениваются автором как более значимые и принадлежащие людям, с которыми он находится в более близких отношениях. В любом случае в заметке В. Ерофеева равное количество субъектов помечено одним либо двумя инициалами соответственно по пять с каждой стороны (Л., Р., А., М., С., с одной стороны, и В.Т., Н.С., В.М., Б.С., В.Л. — с другой).

Если говорить о самих высказываниях, то большинство из них, восемь, имеют скорее негативный в отношении Бродского ли, решения ли Нобелевского комитета характер. Претензии, предъявляемые к Бродскому и к присуждению ему премии, самые разные — от недовольства «затвердением» Бродского («шагнув за Рубикон, он затвердел от пейс до гениталий») и тем, что у него «мало непомерностей» («в наше непомерное время надо быть непомерным, а у него безграничны только его длинноты») до возмущения его «посторонностью» («для него все постороннее, и он для всех посторонен») и «несущественностью» («он лишен чего-то такого, чего-то такого, что делает его начисто лишенным вот того самого, чего он начисто лишен»). О широте диапазона недовольств и претензий свидетельствуют высказывания двух литераторов, один из которых возмущен тем, что Бродский пишет отлично, что «некрасиво и греховно», а другой убежден, что тот же Бродский «совсем не умеет писать».

Два из негативных откликов адресованы скорее не самому И. Бродскому, а Нобелевскому комитету. В одном случае претензия в адрес последнего явная («...в Стокгольме поступают по принципу: все хорошо, что плохо для русских»), в другом — косвенная («...теперь я верю тем историкам, которые утверждают, что Парижская коммуна была еврейской махинацией»).

Только два отклика из десяти не имеют негативных коннотаций. Это отклики «переводчика, крайне правого католика» и «крайне левой православной». В первом случае обращается внимание на то, что в Бродском есть то, «что прежде называли так: вменяемость перед высшей инстанцией»; во втором присуждение премии расценивается как «не такая уж это неприятность», поскольку «миновали уже те времена, когда нам были страшны подвохи со стороны Нобелевского комитета». При этом если первый из двух откликов не просто не содержит негативных коннотаций, а даже, наоборот, свидетельствует о понимании говорящим исключительного значения творчества Бродского для культуры, то трактовать каким-либо однозначным образом интенцию второго отклика гораздо сложнее — вероятно, речь в нем идет о том, что в изменившейся политической ситуации (канун горбачевской перестройки) факт присуждения премии перестал быть политической провокацией, какой он был, скажем, в ситуациях Б. Пастернака и А. Солженицына. Последнее, однако, совершенно не свидетельствует о том, что тот, кому принадлежит это высказывание, сочувствует Бродскому или относится к факту присуждения ему премии скептически. Скепсис автора высказывания в данном случае касается, пожалуй, только самой премии, которая в новой политической ситуации перестала быть значимым предложением для того, чтобы обращать какое-то специальное внимание на лауреата.

Таким образом, приводя «мнения о поэте», В. Ерофеев в основном сосредоточился на скептических, среди которых теряются восторженный и нейтральный. Почему?

Правда, чтобы на этот вопрос ответить, надо учесть реплику «от автора», следующую за всеми названными «откликами». Эта реплика следующая: «Продолжать не буду, чтобы вконец не утомить. А панегирических суждений не привожу за их избыточную восклицательность и единообразие и потому, что ко всем им присоединяюсь, конечно».

Итак, В. Ерофеев приводит десять не-панегирических суждений разного плана (из которых одно все-таки панегирическое и еще одно более или менее нейтральное), после чего констатирует, что, само собой разумеется, есть и другие оценки – восторженные, позитивные, хотя и единообразно-утомительные, к которым он сам «присоединяется, конечно». А еще ниже он же произносит такую ключевую фразу: «Как бы ни было, грамотному русскому человеку – это я знаю определенно – было б холоднее и пустынное на свете, если б поэзия Иосифа Бродского по какой-нибудь причине не существовала».

На наш взгляд, в основе т а к написанной заметки лежит следующая мысль. Панегирики очевидны, не-панегирики приведены в достаточном объеме, но собственное отношение В. Ерофеева к предмету высказывания не соотносится прямо ни с тем, ни с другим. Оно сложнее и вбирает в себя критику и восторги, не сводимо к ним ни по отдельности, ни к вместе взятым.

Принципиальное отличие позиции В. Ерофеева состоит в том, что он ценит поэзию И. Бродского не за какие-то ее частные качества, ценимые, отвергаемые или оспариваемые другими, а по существу. В. Ерофеев ценит эту поэзию за то, что она существует, и говорит о том, что в противном случае «было б холоднее и пустынное на свете».

Такая постановка вопроса переводит проблему отношения В. Ерофеева к творчеству И. Бродского и к фигуре последнего в совершенно другой план, чем тот, в котором находятся все приведенные и опущенные в силу их очевидности высказывания-обмолвки. В. Ерофеев может принимать И. Бродского или иронизировать по его поводу либо даже вступать в полемику с ним и не соглашаться в частностях, но в том мире, который может быть назван миром В. Ерофеева, И. Бродский [2] – необходимый ориентир и значимая величина.

В заключение приведем цитату из письма В. Ерофеева сестре, написанного примерно в то же самое время, когда появилась рассмотренная выше заметка. Сообщив, что он «совсем закружился» и ежедневно посещает различные вечера, В. Ерофеев пишет: «Только вчера, за полночь, вернулся из лит. кафе «Новые времена» (был вечер), посвященный Иосифу Бродскому, Нобелевскому лауреату за 87 г. (я тебе часто говорил о нем как о лучшем из поэтов нынешней России, хоть и жидяра, хоть и гражданин Нью-Йорка)».

«Жидяра», «гражданин Нью-Йорка» и «лучший из поэтов» – характеристики, с другой, не-ерофеевской, точки зрения вроде бы взаимоисключающие, в его ситуации дополняют друг друга и вместе дают неожиданный и не вытекающий из определений, взятых по отдельности, третий смысл, который трудно определить конкретно, но который, по-видимому, и составляет существо поэзии, как его понимал В. Ерофеев.

Библиографический список

1. Ерофеев В.В. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003. С. 324–325.
2. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984.

References

1. Erofeev V.V. *Moi ochen' zhiznennyi put'* [My really life journey]. M.: Vagrius, 2003, pp. 324–325 [in Russian].
2. Kreps M. *O poezii Iosifa Brodskogo* [On the poetry of Iosif Brodsky]. Ann Arbor: Ardis, 1984 [in Russian].

*M.A. Perepelkin**

ON ONE «MISTAKE» OF THE NOBEL COMMITTEE (VENEDIKT EROFEEV ABOUT JOSEPH BRODSKY)

The article analyzes the note by Venedikt Erofeev about J. Brodsky, written in connection with the award of the Nobel prize. The analysis brings to the understanding of common and different aesthetic positions of the two outstanding artists of the second half of the XX century.

Key words: V. Erofeev, J. Brodsky, Nobel prize, aesthetic position.

Статья поступила в редакцию 11/X/2016.
The article received 11/X/2016.

* *Perepelkin Mikhail Anatolievich* (mperepelkin@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТРАДИЦИЯ Н.С. ЛЕСКОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.М. НАГИБИНА

В статье рассматривается связь творчества Н.С. Лескова с творчеством Ю.М. Нагибина. Основная цель – установление степени преемственности, разработка литературной параллели «Лесков–Нагибин». Обосновывается тезис о безусловной значимости художественного опыта Лескова для творчества Нагибина. Благодаря жанровому анализу произведений выявляются сходства между произведениями писателей, а также актуализируются различия. Показывается, что в рамках одного произведения Нагибина прослеживаются жанровые традиции, отсылающие сразу к нескольким произведениям Лескова.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Ю.М. Нагибин, жанровые традиции, типологические связи, жанр повести.

Ю.М. Нагибин в своем творчестве чаще всего обращался к малым эпическим жанрам – повести, рассказу. Малая форма доминировала не только в период ученичества, но и на протяжении всего долгого творческого пути писателя. Подобные жанровые предпочтения роднят его с одним из ярчайших прозаиков второй половины XIX века – с Н.С. Лесковым. В разные годы Нагибиным создаются совершенно непохожие по своей идейной направленности рассказы и повести, в которых угадывается его интерес к художественной традиции Н.С. Лескова. Эта связь на первый взгляд отнюдь не очевидна, однако «память жанра вовсе не тождественна копированию жанра, эпигонскому дублированию самой жанровой структуры. В принципе, жанр никогда не повторяется: оживая или актуализируясь, жанровый канон каждый раз воплощается в исторически своеобразной типологической разновидности, формой новому социальному и культурному контексту» [1, с. 86]. Глубокий интерес Нагибина к Лескову проявился как в публицистических, так и в художественных очерках, посвященных Лескову; мало о ком Нагибин отзывался с таким почтением: «...если читатель сумеет побороть внутреннюю суету, сосредоточиться в душевной тишине и по глотку осушить пряный клубок лесковской прозы, он откроет для себя целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где русский дух, безмерный и в радости, и в печали, где Русью пахнет и сладко, и горько, и нежно, и дымно...» [2, с. 616]. Однако примечательнее всего то, что детальный жанровый анализ произведений писателей вскрывает поистине тесную связь творчества Лескова и Нагибина.

Важнейшими элементами жанра являются форма и содержание, что предопределяет использование терминов «жанровая форма» и «жанровое содержание». Именно на этих уровнях проявляются существенные сходства между произведениями «Однотум» Лескова и «Огненный протопоп» Нагибина.

* © Пахтусова В.Н., 2016

Пахтусова Варвара Николаевна (liceistka@gmail.com), кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

Специфика жанровой формы традиционно обусловлена особенностями тематики, проблематики, пафоса и ряда других факторов. Это очень ярко проявляется при сопоставлении лесковского «Однодума» и нагибинского «Огненного протопopa» именно в аспекте тематики. И в том и в другом произведении в центре внимания автора оказывается примечательная личность на фоне конкретно-исторических реалий своего времени. Более того, с Лесковым Нагибина связывает мотив праведничества, который становится жанрообразующим элементом произведений.

На уровне проблематики произведения Лескова и Нагибина также соотносятся. Для Александра Афанасьевича, героя повести «Однодум», равно как и для нагибинского Аввакума, конфликта как такового не существует. Избранный ими путь духовного подвижничества представляется им совершенно естественным. Однако если Александр Афанасьевич от начала и до конца произведения пребывал в состоянии духовного бодрствования, то духовный путь Аввакума не был столь гладким. В тексте повести Нагибина описывается также духовный сон главного героя. Роднит Александра Афанасьевича и Аввакума то, что они находятся в оппозиции к обществу. Но если Александра Афанасьевича общество просто не понимает и считает чудачком, то Аввакума общество в лице представителей власти демонстративно не принимает. Аввакум находит духовную поддержку только в жене и в других старообрядцах.

Произведения Лескова и Нагибина связывает и такой элемент жанрового содержания, как интенсивность изображения: в них повествуется о многочисленных событиях в жизни главного героя. Но по-настоящему роднит повести то, каким образом ведется повествование. Нагибин, как и Лесков, обращается к документальному типу сообщения. Однако если для Лескова оформление своих произведений «под документ» было художественным принципом (писатель стремился к тому, чтобы читатель не заподозрил вымысла в его повествовании [3, с. 144–150]), то для Нагибина документальность в рассматриваемой повести играла принципиально иную роль. С одной стороны, конкретно-исторический фон позволяет Нагибину завуалировать в повести его рассуждения о судьбе современного писателя и о советской жизни («А в такие огнепальные времена, полные искусного витийства, разносящегося не только с амвонов, но и с царского печатного двора, не так-то просто быть услышанным, да еще из тундряной дали!», «И еще Тишайшему надо было, чтобы на всем пространстве Великия, Малыя и Белья России мертвая стояла бы тишина и покой, чтобы не разгибал спины пахарь, не озирали очами творящееся вокруг и не ждал помощи от неба» [4, с. 13–14]). С другой стороны, в процессе художественного переосмысления личности Аввакума Нагибин делает акцент не столько на праведность героя, сколько на его словесный дар. «Слово» как лейтмотив пронизывает все произведение («Аввакум узнал, какая великая милость дарована ему Господом Богом: глаголом души опалить...» [4, с. 11]). Так писатель выводит на первый план тему творчества. Показательна в этом отношении концовка произведения: «С этого пустозерского пламени возжегся костер великой русской прозы» [4, с. 27]. Таким образом, документальный тип сообщения как элемент жанрового содержания в произведениях двух писателей помогает им решать разные задачи.

Это предопределяет и другое различие между повестями. Если произведение Лескова «Однодум» проникнуто в первую очередь нравственным пафосом, то «Огненный протопop» Нагибина — пафосом эстетическим, морально-нравственный компонент в повести отступает на второй план.

Анализ жанрового содержания повестей Лескова и Нагибина показывает, что Нагибин на уровне тематики и проблематики, интенсивности изображения во многом следует традиции Лескова. Однако нагибинская перцепция лесковской традиции от-

личается безусловным своеобразием. Нагибин берет за основу изображения исторический характер, но смотрит на него сквозь призму современного ему времени, ориентируясь на определенный пласт культурного опыта. Поэтому в «Огненном протопопе» Нагибина отражается не только лесковский «Однодум», но и другие его произведения. Так, из романа Лескова «Соборяне» в повесть «Огненный протопоп» перетекает тема активной борьбы за правду. Протопоп Аввакум у Нагибина, подобно священнику Савелию Туберозову, выступает в роли непримиримого борца за чистоту веры, за ее главенство над светской властью, а детальный анализ эпизодов показывает, что сходство не ограничивается общностью тематики: Нагибин берет за основу своего произведения не только тему Лескова, но и его концепцию образа священника («огнеустое слово» лесковского Туберозова возникает в форме «огнеустых посланий» нагибинского Аввакума). В образе Аввакума воплощаются и некоторые черты самого Лескова, каким его видел Нагибин и запечатлел в биографическом очерке «День крутого человека»: непоколебимость характера, отстаивание своей позиции, преданное служение Богу, во имя которого он готов проститься с единственным сыном.

Анализ жанрового содержания вскрывает также жанровый синкретизм произведений Лескова и Нагибина. Житийные элементы проявились на уровне образа главного героя, документальный характер произведений свидетельствует о наличии элементов биографического очерка.

Характер литературной традиции проявляется также при рассмотрении элементов жанровой формы (субъектная, пространственно-временная, интонационно-речевая организация) в произведениях Лескова и Нагибина. Субъектная организация повестей «Однодум» и «Огненный протопоп» очевидным образом не соотносится. Повествование у Лескова ведется от лица рассказчика – искателя историй о «трех праведниках». Рассказчик проявляет свои знания описываемой исторической эпохи и пытается сообщить читателю все необходимые сведения для погружения в атмосферу того времени («Все это надо знать, чтобы составить понятие о том, как мог жить и как действительно жил мелкотравчатый герой нашего рассказа Алексашка, или, впоследствии, Александр Афанасьевич Рыжов, по уличному прозвищу “Однодум”» [5, с. 211]). В произведении Нагибина присутствует безличный автор-повествователь, однако местами писатель использует форму несобственно-авторского повествования («И вот тогда впервой заступился за него царь: не дал расстричь, обошлось дело сибирской ссылкой. Обошлось!..» [4, с. 11]). Тем не менее благодаря как рассказчику в повести Лескова, так и безличному автору-повествователю Нагибина создается эффект объективного документального повествования.

Другим значимым элементом жанровой формы или носителем признаков жанра считается пространственно-временная организация произведения. Согласно жанровой теории Н.Л. Лейдермана, «в каталог пространственно-временных образов, воплощающих существенные “параметры” “человеческой действительности”, входят сюжет, система характеров, пейзаж, портрет, вводные эпизоды» [1, с. 122]. При всем очевидном сходстве повестей Лескова и Нагибина на других уровнях на сюжетном уровне различия между «Однодумом» и «Огненным протопопом» кажутся значительными. Сюжет произведения Лескова построен по законам линейного времени. В этом отношении повесть «Однодум» имеет больше сходства с каноническим житийным текстом, нежели произведение Нагибина: жизнь главного героя Лескова описывается от рождения и до самой смерти и представляет собой последовательную цепочку эпизодов. В произведении Нагибина внимание автора концентрируется на последнем пути Аввакума от темницы до костра, во время которого главный герой вспоминает отдельные эпизоды своей жизни. Нагибин выстраивает кольцевую ком-

позицию, намеренно отдаляя сцену сожжения протопопы. Тем не менее все эпизоды, составляющие основное содержание повестей «Однотум» и «Огненный протопоп», объединены идеей испытания главного героя. Важно отметить, что Александр Афанасьевич не воспринимает тяготы своей повседневной жизни как испытания, даже его работа почтальоном, вызывающая у некоторых «мнимых» праведников сомнения («...не заключается ли в такой пустой затее, как разноска бумаги, чего-нибудь еретического и противного истинному христианину?» [5, с. 213]), идет ему на пользу («почтовая сума до такой степени была нипочем его могучей спине, что он, кроме это сумы, всегда носил с собою еще другую, серую холшовую сумку, в которой у него лежала толстая книга, имевшая на него неодолимое влияние. Книга эта была библия» [5, с. 214]). Лесков рисует образ поистине безгрешного человека: «И он принял это посвящение и пронес его во весь почти столетний путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромав ни на правое колено, ни на левое» [5, с. 216].

Иначе рисуется Нагибиным образ Аввакума. Все испытания, выпавшие на долю этого человека, четко осознаются им как испытания, но с лесковским героем его роднят стойкость и непоколебимость, с которыми он проходит через все эти испытания. В отличие от Александра Афанасьевича, Аввакум не абсолютно безгрешен («искусила его невольно юная блудница на исповеди, столь воодушевленно живописавшая свой грех, что он, недостойный врачеватель, сам разгорелся блудным огнем» [4, с. 9]). Сходства образов Александра Афанасьевича и Аввакума проявляются также в портретных деталях. Герой Лескова имел величественный вид («он был рослый, плечистый, — почти атлет, необъятной силы и несокрушимого здоровья» [5, с. 212]); постоянной деталью его внешнего облика является бешмет, который несколько его не смущает даже в должности городничего (накануне приезда губернатора герой «не предпринимал никаких средств не только к украшению города, но и к изменению своего несообразного костюма, а продолжал прохаживаться в бешмете» [5, с. 232]).

Подобные черты свойственны и Аввакуму. В мыслях стрелецкого десятника он представляется подобным богатырю: «И хотя тощей тощего распоп, а нетрудно увидеть его в доспехе бранном, с мечом в ухватистой руке. Небось Пересвет и Осляба были в том же пошибе» [4, с. 23]. Прослеживается параллель и на уровне деталей одежды главных героев: старому заношенному бешмету Александра Афанасьевича, которого тот не смущается, соответствует аввакумово одеяние перед сожжением: «...ряса не ряса, халат не халат, вроде бы мешок с дырками для головы и рук. А и такая одежда хороша, небось не в палаты царские и не в крестовую к патриарху зовут» [4, с. 20].

Можно отметить существенные сходства «Однотума» и «Огненного протопопы» и на уровне системы персонажей. В обоих произведениях помимо главного героя есть несколько второстепенных. Одни относятся к членам семьи или близкому окружению главного героя (для Однотума это его мать и жена, а для Аввакума — жена и Епифаний), другие — к представителям власти, причем в каждой из повестей создается их иерархия. В «Однотуме» Лескова — государь, губернатор, городничий, квартальный. Описание этой иерархии дается в сатирической манере: «Губернаторы сидели на своих центрах, как царьки: доступ к ним был труден, и предстояние им “сопряжено со страхом”, они все норовили говорить “ты”, все им кланялись в пояс, а иные, по усердию, даже земно...» [5, с. 217]. В «Огненном протопопе» эта иерархия отчасти меняется: царь, воевода, десятник. Однако Нагибин делает акцент не столько на ступенях социальной лестницы, сколько на сходстве внутренней сути всех представителей власти: «Почему неправая власть так нуждается даже в мнимом изъявлении покорности, мнимом раскаянии тех, кого считает виновным в тяжких против

нее, власти, прегрешениях? Может, потому, что власти нужна не преданность, не союзничество, основанное на единоверии, а только слепое послушание, пусть даже неискреннее, обманное, но полное и безоговорочное, проще — рабье» [4, с. 25–26]).

Примечательна общность подхода писателей к разработке и использованию образов второстепенных персонажей. В повести Лескова появляется герой — Сергей Степанович Ланской, губернатор Костромы, едущий с проверкой в Солигалич, в котором в тот момент Александр Афанасьевич исполняет обязанности городничего. В эпизоде в церкви Александр Афанасьевич «положил губернатору руку на спину и, степенно нагнув его в полный поклон, снова отпустил и стал навтыяжку» [5, с. 237], на что Сергей Степанович не обиделся, но, напротив, заинтересовался фигурой Александра Афанасьевича, и спустя некоторое время «по представлению» Ланского от него был пожалован главному герою «дарующий дворянство владимирский крест» [5, с. 242]. В повести Нагибина образу Ланского соответствует образ стрелецкого десятника. Аввакум, не стесняясь, высказывает свое мнение о десятнике, называя его «ничтожным тюремщиком» [4, с. 8]. Но, как и у Лескова, нагибинский десятник не гневается на Аввакума, «ибо уважал всякое мужество» [4, с. 8], а перед самой смертью Аввакума просит его о благословении, чувствуя в нем скрытую силу. Таким образом, и в том и в другом произведении присутствует второстепенный персонаж, стоящий выше по служебной лестнице, но признающий за главным героем особую силу.

Аналогичное сходство проявляется и в другой паре героев — протопоп (главный священник Солигалича) в «Однодуме» и патриарх Никон в «Огненном протопопе». И тот и другой персонаж считают главного героя за еретика. Но если лесковский протопоп оказывается бессильным перед праведностью Александра Афанасьевича, так и не сумев обличить его в каком-либо из грехов, то Никон действует иначе: он пытается не речами сломить веру Аввакума, но ссылками и пытками («Как ни лют, ни беспощаден был собиратель земель сибирских, ратный муж Пашков, не мог бы он так зверовать над священнослужителем в протоиерейском сане, если б не тайное повеление от самого Никона» [4, с. 11]). Тем не менее обоим персонажам — безымянному протопопу и патриарху Никону — не удается склонить героев к мольбе о пощаде.

Художественное пространство в повести Лескова ограничено в основном городом, в котором живет главный герой. А у Нагибина оно расширяется за счет описаний скитаний Аввакума (Москва, Мезень, Юрьевец-Повольский, Пустозерск и т. д.). Однако важно отметить и тот факт, что расширение художественного пространства происходит также благодаря «огнеустым посланиям» Аввакума, распространяющимся в грамотках по всей Руси. Слово играет важную роль и в произведении Лескова. «Однодум» означает не только прозвище главного героя, данное ему в народе, но и название тетради, которой он доверял свои мысли: «...он не был горд, и своих верований и взглядов он никому никогда не навязывал и даже не сообщал, а только вписывал в большие тетради синей бумаги, которые подшивал в одну обложку с многозначительною надписью: “Однодум”» [5, с. 226]. Однако для Лескова его произведение — это в первую очередь гимн человеку, а не его слову, что выражается в заключительных строках повести: «Кавалер Рыжов жил почти девяносто лет, аккуратно и своеобразно отмечая все в своем “Однодуме”, который, вероятно, издержан при какой-нибудь уездной реставрации на оклейку стен» [5, с. 226].

Интонационно-речевая организация повестей Лескова и Нагибина, талантливых стилистов, выступает также в качестве цементирующего элемента жанровой формы. Благодаря их речевой манере Александр Афанасьевич и Аввакум явно выделяются на фоне других героев, почти каждая их реплика являет собой не просто реакцию на реплику собеседника, но некое мудрое изречение (Александр Афанасьевич: «Если

иметь великое обуздание, то и с малыми средствами обойтись можно» [5, с. 239]; Аввакум: «...мужу смерть — покой есть!» [4, с. 23], «Кто в палачах и в тюремщиках побывал, тому в чистом поле не гулять» [4, с. 25]), содержащее моральное или религиозное поучение. В связи с этим можно говорить об элементах жанра притчи, встречающихся как у Лескова, так и у Нагибина.

Речевая манера лесковского рассказчика и нагибинского повествователя тоже сообщает немало важного о жанровой природе произведений. При всей установке Лескова на достоверность в речах рассказчика присутствуют субъективные оценочные высказывания, часто носящие юмористический характер («За столом он сидел, а она подавала, но ложе у них было общее, и, вероятно, это было причиной, что у них появился плод супружества» [5, с. 225], «Рыжов оглянулся через плечо и увидел, что все невысохшие полосы национальных цветов шлагбаума действительно с удивительно отчетливостью отпечатались на его ретузах» [5, с. 235]). Подобное явление наблюдается и в тексте Нагибина («Когда же в отверстие окошко смрад из кельи наружу рванул, то шибануло спертой струей пролетавшего мимо воробышка, и он мертвым на землю пал» [4, с. 15], «Ну, старец Епифаний, терпеливый сосмрачник мой» [4, с. 20]). Комических элементов больше в произведении Лескова. Нагибинская же речевая манера имеет, главным образом, другой отличительный признак: сочетание устаревших слов и выражений с явно современными автору, встроенными порой в крайне физиологичные описания («Лицо десятника налилось темной кровью, а шрам и дикое мясо остались в своем цвете, ибо лишены были кровавого орошения, — мертвая бледная борозда усугубляла жестокость звероватых черт, но воин смолчал на дерзость узника» [4, с. 7], «...отведший душу неустанной проповедью, согретый жадным вниманием, <...> растекся Аввакум, как дерьмо в оттепель» [4, с. 12]). Это также помогает создать своеобразный комический эффект. Таким образом, в произведениях «Однодум» и «Огненный протопоп» присутствуют наряду с житийными и притчевыми элементами признаки юмористического рассказа.

Обилие сходных черт на разных уровнях жанровой формы и жанрового содержания повестей Лескова и Нагибина подтверждает идею о жанровом синкретизме двух произведений. Наряду с наиболее общей жанровой характеристикой — повесть, обусловленной сюжетным построением цепочкой эпизодов, в которых последовательно раскрывается характер главного героя, в «Однодуме» и «Огненном протопопе» проявляются черты других жанров — жития, притчи, художественной биографии, юмористического рассказа.

Но, будучи продолжателем лесковской традиции, Нагибин не является обычным подражателем. Его повесть — это прежде всего явление литературы другого времени. Не случайно в ней нельзя не увидеть тенденцию к лиризации и психологизации, наблюдавшуюся в русской литературе в 1970-е годы [6]. Она проявилась в нагибинском тексте в виде большого количества авторских описаний состояния и образа мысли Аввакума: «Эта ядреная, морозная, пронзительная струя ворвалась в черный спекшийся рот протопоба и омыла все его застоявшееся нутро. И когда прошло головокружение, угомонились круги и стрелы в очах, стал протопоб чистым, свежим, прохладным — не с лица, конечно, с исподу, — как часть пробуждающегося, мглистого, еще во власти ночи и зимы, но уже ощутившего вей апрельских ветров северного мира» [4, с. 20].

Нагибин видит повесть Лескова глазами человека другого века. Восприняв саму личность Лескова и его идеи, заложенные не только в «Однодуме», но и других произведениях, пропустив их через призму культурной памяти, Нагибин создает собственное произведение. В «Огненном протопобе» читается уникальный авторский замысел, во многом отличный от замысла Лескова.

Концептуальная разница между повестями Лескова и Нагибина видится в принципиально разных акцентах писателей. Лесковское произведение во многом подчинено замыслу создания «галереи праведников», писатель делает акцент именно на безгрешности главного героя, показывая, что в мирской жизни тоже есть место праведникам и что быть праведником в мирской жизни, возможно, даже сложнее, чем быть монахом или отшельником. Нагибин же акцентирует внимание читателя на словесном даре Аввакума. Выходя за рамки описания судьбы главного героя, автор обращается к проблеме судьбы человека, наделенного даром слова, во все времена: «Слабым уст шевелением богочеловек, свет наш, уловлял людские души и вел ко спасению» [4, с. 14]. Это позволяет Нагибину не только говорить об эпохе XVII века, но и соединить на ассоциативном уровне все века предшествующие с веком ему современным, в котором судьба настоящего писателя была также крайне непростой. Принципиально значимо то, что нагибинское повествование начинается и заканчивается сценой казни Аввакума. Тем самым автор указывает на идею цикличности, которая вместе с лейтмотивом слова помогает Нагибину подвести к мысли о трагизме участи любого инакомыслящего художника слова во все времена. Получается, что все произведение Нагибина – это своеобразный гимн творчеству.

Жанровые особенности произведений Лескова спустя сто лет оказались воплощенными в типологической разновидности повести у Нагибина, который воспринял идеи Лескова в новом культурном контексте и обогатил свой текст новым идейным содержанием.

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.
2. Нагибин Ю. Улыбка Джоконды: сб. М., 2004. 701 с.
3. Лужановский А.В. Документальность повествования жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // Русская литература. 1980. № 4. С. 144–150.
4. Нагибин Ю. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1989. Т. 7. 376 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1957. Т. 6. 687 с.
6. Островская В.Е. Русский советский лирико-психологический рассказ 70-х годов: проблематика и поэтика (Ю. Нагибин, В. Конецкий, Г. Семенов): дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983. 188 с.

References

1. Leiderman N.L. *Teoriia zhanra* [Theory of genre]. Ekaterinburg, 2010, 904 p. [in Russian].
2. Nagibin Yu. *Ulybka Dzhokondy: Sb.* [The smile of Gioconda: collection]. M., 2004, 701 p. [in Russian]
3. Luzhanovskij A.V. *Dokumental'nost' povestvovaniia – zhanroviy priznak rasskazov N.S. Leskova* [Documentary narrative genre feature of Leskov's stories]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1980, no. 4, pp. 144–150 [in Russian].
4. Nagibin Ju. *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected works in 11 Vols.] M., 1989, Vol. 7, 376 p. [in Russian].
5. Leskov N.S. *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected works in 11 Vols.]. M., 1957, Vol. 6, 687 p. [in Russian].
6. Ostrovskaya V.E. *Russkii sovetskii liriko-psikhologicheskii rasskaz 70-kh godov: problematika i poetika (Yu. Nagibin, V. Konetskii, G. Semenov): dis. ... kand. filol. nauk* [Russian soviet lyrical and psychological story of 1970-ies: problems and poetics (Yu. Nagibin, V. Konetsky, G. Semenov): Candidate's of Philological Sciences thesis]. Tashkent, 1983, 188 p. [in Russian].

*V.N. Pakhtusova**

TRADITION OF N.S. LESKOV IN THE CREATIVE WORK OF YU.I. NAGIBIN

The article explores the relationship between Leskov's and Nagibin's works. The main goal is to establish the degree to which Nagibin has borrowed from Leskov, to investigate the parallels between Leskov and Nagibin. It is proved that Nagibin's works are greatly influenced by Leskov's artistic achievements. The works of two authors are analyzed in terms of genre, which helps to reveal both differences and similarities between the works of the two authors. It is demonstrated that in one work of Nagibin there are observed different genre traditions connected with several works of Leskov.

Key words: Leskov, Nagibin, genre traditions, typological connections, genre of novella.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.
The article received 15/VII/2016.

* *Pakhtusova Varvara Nikolaevna* (liceistka@gmail.com), Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

УДК 82.26

И.В. Голубкова*

**РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА
НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА «BEWERBUNG»**

В статье рассматриваются актуальные методы дискурс-анализа в лингвистике. На примере аналитического описания культурно-специфического немецкоязычного дискурса по теме подачи заявлений и участия в конкурсном отборе (*Bewerbung*) представляется процесс разработки частной лингвистически ориентированной методики анализа конкретного дискурса. Она находится в непосредственной зависимости от социокультурных, временных, материальных и коммуникативных особенностей анализируемого дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, корпус текстов, немецкий язык, *Bewerbung*.

В последнее десятилетие дискурс-анализ особенно востребован лингвистами как метод исследований, поскольку позволяет изучать отражение и закрепление в языке развивающегося в обществе знания. Одной из важнейших целей дискурс-анализа в лингвистике является выявление, изучение и описание на основе языковых данных типичных форм мышления и поведения в обществе («Denk- und Handlungsmuster») [1, с. 142].

Однако общности в понимании феномена дискурса до сих пор нет, несмотря на то что дискурсивная лингвистика уже сформировалась как отдельная субдисциплина в языкознании [1, с. 33; 2, с. 113–114; 3, с. 22–24]. Причиной этого можно считать сам характер дискурса как сложного динамичного социокультурного явления, подверженного влиянию социальных, культурно-исторических, идеологических, психологических и других факторов. В.Е. Чернявская считает, что с позиций лингвистики «под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психолингвистическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [4, с. 77].

* © Голубкова И.В., 2016

Голубкова Ирина Васильевна (golubkov@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Мы понимаем дискурс несколько шире вслед за С. Лархер, которая представляет дискурс таким образом: «Ein **Diskurs** ist der gesellschaftliche Prozess der Verständigung darüber, wie die Welt zu deuten und zu gestalten ist. Der Diskurs wird durch die materielle Wirklichkeit geprägt und wirkt durch gesellschaftliche Praktiken auf diese zurück. Diskurs äußert sich **in konkreten Texten**, die das **Wissen und Denken** einer bestimmten Zeit repräsentieren» [5, с. 15], соответственно, дискурс как процессуальное коммуникативное явление посредством текстов, т. е. языка, не только фиксирует знание, но позволяет ему дискурсивно развиваться; в то же время дискурсивно развиваемое знание таким же образом влияет на формирующиеся в обществе образ мысли и понимание относительно дискурсивно развивающейся темы. Это позволяет дискурсу выполнять множество функций в обществе, коммуникативную, познавательную и регулятивную в частности [5, с. 204, 214].

Наиболее практически ориентированным мы считаем трактовку Д. Буссе и В. Тойберга, представленную в программной статье «Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik», на фоне описания научных дискуссий о месте в лингвистике заимствованного у М. Фуко и Х. Харриса термина «дискурс»: «Unter **Diskursen** verstehen (Sie) im forschungspraktischen Sinn virtuelle **Textkorpora**, deren Zusammensetzung durch im weitesten Sinne inhaltliche (bzw. semantische) Kriterien bestimmt wird. Zu einem Diskurs gehören alle Texte, die:

- sich mit einem als Forschungsgegenstand gewählten **Gegenstand, Thema, Wissenskomplex** oder **Konzept** befassen, untereinander semantische Beziehungen aufweisen und/oder in einem gemeinsamen Aussage-, Kommunikations-, Funktions- oder Zweckzusammenhang stehen;

- den als Forschungsprogramm vorgegebenen Eingrenzungen in Hinblick auf **Zeitraum/Zeitschnitte, Areal, Gesellschaftsausschnitt, Kommunikationsbereich, Texttypik** und **andere Parameter** genügen;

- und durch explizite oder implizite (text-oder kontextsemantisch erschließbare) Verweisungen aufeinander Bezug nehmen bzw. einen **intertextuellen Zusammenhang** bilden» [6, с. 14].

В понимании большинства лингвистов, текст, т. е. **корпус текстов**, – это **носитель** дискурса. Соответственно, дискурс-анализ есть расширенный анализ текстов, учитывающий при рассмотрении языковых элементов множество внеязыковых факторов, их обуславливающих [2, с. 84–85; 4, с. 78]. В этой связи сбор и/или формирование репрезентативного корпуса текстов, разработка методики их анализа представляют собой две важные методологические проблемы, поскольку тексты, будучи лишь материально-языковым отражением дискурса, не могут в полной мере отразить дискурс во всем многообразии его проявления в обществе [1, с. 33; 3, с. 23; 7, с. 88].

Решение проблемы сбора материала для дискурс-анализа кроется прежде всего в специфике исследуемого дискурса. Так, С. Лархер предлагает определить 6 критериев (см. таблицу), с опорой на которые можно определить границы корпуса текстов для дискурс-анализа, что разделяет дискурс на **уровни (Dimensionen)** [1, с. 32–43; 5, с. 53–54].

Обобщая представленные выше определения дискурса и учитывая данные критерии, можно констатировать, что первоочередным и центрирующим дискурс фактором является **тема (Thema)**, дискурсивно развиваемая в определенной общественной сфере [1, с. 105; 4, с. 74; 6, с. 17; 8, с. 129]. Тематическое единство дискурса обуславливает содержательную и, следовательно, семантическую и стилистическую однородность дискурсивных текстов. В дискурсе обычно развивается множество тем, одна из которых является основной. Темы / подтемы в рамках основной темы упорядочены иерархически, что характерно для текстов, репрезентирующих дискурс.

Критерии сбора корпуса текстов для дискурс-анализа

Thema	Das Thema entspricht dem interessierenden Diskurs – Gentechnik, Schönheitsideale, Atomenergie, Migration etc. – oder Teilen davon.
Geografischer Raum	Das Korpus kann ein Land oder Sprachgebiet umfassen oder kontrastiv angelegt sein mit mehreren Ländern / Sprachgebieten.
Zeitspanne	Ein synchrones Korpus umfasst Texte von „heute“ oder aus einer kurzen Zeitspanne, zum Beispiel vor und nach einem bestimmten Ereignis. Ein diachrones Korpus umfasst Texte, die aus verschiedenen Abschnitten in der Vergangenheit stammen.
Medium	Hier ist festzulegen, welche Medien ausgewählt werden: welche Zeitungen, Zeitschriften, TV-Sendungen, Parlamentsdebatten, Internetforen usw.
Akteure	Auszuwählen ist, welche Akteure untersucht werden sollen, ob Politikerinnen, Migranten, Leserbriefschreiber, medizinische Experten oder Laien, Moderatorinnen, Kommentatoren u.a.m.
Textsorte	Schließlich kann sinnvoll sein, sich auf einzelne Textsorten zu beschränken wie Editorials, Kommentare, Ratgeberspalten, Romane, Clubsendungen, TV-Soaps oder Fan-Foren.

Исходя из этих положений, можно говорить сегодня об активном развитии немецкоязычного дискурса, в частности по теме «*Bewerbung*», который мы обозначим как одноименный **дискурс**. Несмотря на то что *Bewerbung* обозначает прежде всего заявление о приеме на работу, о зачислении в учебное заведение и т. п., концепт *Bewerbung* охватывает **процесс участия в конкурсном отборе** на получение места работы, учебы, гранта, стипендии и т. п. в целом. *Bewerbung* в ФРГ имеет традиционно сложившийся порядок, который специфично нормируется в различных сферах деятельности (научно-образовательной, общественной, культурной, частной профессиональной и т. д.) и социальных отдельных институтах [9]. Будучи в тематическом центре дискурса, внутренняя иерархия концепта *Bewerbung* определяет тематическую иерархию дискурса: в нем раскрываются такие подтемы, как *Selbsteinschätzung & Bestandaufnahme*, *Stellengesuch & Recherche*, *Arbeitszeugnisse & Geheimsprache in Arbeitszeugnissen*, *Bewerbungsunterlagen*, *Initiativbewerbung & Bewerbung im Netz*, *Einstellungstests & Vorstellungsgespräche u. v. a. m.* [10–12]. Эти подтемы определяют тематические уровни дискурса «*Bewerbung*».

В аспекте **территориального распространения** (Geografischer Raum) дискурс развивается и текстуально фиксируется преимущественно в немецкоговорящих странах, поскольку специфическое наполнение концепта *Bewerbung* характерно именно для немецкой лингвокультуры. Это очевидно при сравнении, например, концептов *Bewerbung* и *job application*.

В аспекте **временных границ** (Zeitspanne) дискурса «*Bewerbung*» очевидно, что тексты, репрезентирующие дискурс, появляются с тех пор, как этот лингвокультурный концепт появился и стал дискурсивно раскрываться в обществе. Имеет смысл сравнивать дискурсивные уровни на основе текстов 1970-х, 1980-х, 1990-х и т. д. годов, чтобы выявлять, как менялись общественные представления о нормах и ценностях в конкурсном отборе.

Носители текстов (Medium) также определяют различные уровни дискурса «*Bewerbung*». Например, в устной сфере дискурс функционирует в процессе консультаций специалистов по вопросам карьеры, трудоустройства [10–12] или в диалогах, презентациях, дебатах на регулярных биржах труда (*Jobbörsen*). В письменной речи дискурс развивается, например, в текстах СМИ, в важнейших немецкоязычных пе-

риодических изданиях *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Süddeutsche Zeitung*, *Die Welt* и др., также в специализированных – *Werben & Verkaufen*, *Neue Juristische Wochenschrift* и др., где публикуются не только объявления об открытых вакансиях и конкурсах, но и статьи, посвященные теме «Bewerbung», обсуждаются как актуальная ситуация, проблемы на рынке труда, так и проявления тенденционных процессов, например специфика *Bewerbung im Netz*, *E-Reputation* и др. К этому уровню дискурса относятся тексты различных сайтов и форумов по теме «Bewerbung».

Говоря об участниках дискурса, т. н. **актерах** (Akteure), отметим, что в дискурс включаются не только потенциальные соискатели, сами *Bewerber*, но и работодатели, в частности т. н. *Personaler*, читающие, оценивающие заявления и ответственные за выбор подходящих кандидатов. Активные позиции в дискурсе занимают специалисты-консультанты в области карьеры и трудоустройства [10–12], журналисты [13–15].

Специфические **типы текстов** (Textsorte), вслед за носителями дискурса, определяют грани дискурса. Например, в сфере СМИ это в основном статьи, заметки и комментарии.

Обратим внимание на особый уровень дискурса, репрезентируемый в текстах **практических справочников** формата т. н. **Ratgeber**. На этом уровне дискурс раскрывается комплексно [10–12], охватывая множество подтем в рамках центральной темы *Bewerbung*, или детально по узким темам. Справочная литература как материал традиционно незаслуженно игнорировалась лингвистами. Лишь в редких междисциплинарных исследованиях подчеркивается, что именно посредством справочной литературы фиксируются и развиваются представления о нормах и правилах в обществе. Кроме того, именно *Ratgeber* вербализируют ключевые социокультурные представления («Leitvorstellungen»), способствуя их дискурсивному развитию [5, с. 208–209; 16, с. 9].

В пределах определенного дискурсивного уровня особый интерес представляют **следующие три группы языкового проявления дискурса**, хотя он ими не ограничивается [1, с. 33].

1. Для каждого дискурса характерна особая **лексика**, «**дискурсивный репертуар**», отражающий его содержание [7, с. 75]. Исследование типичных для дискурса *Muster*, *Schlüsselwörter & Kollokationen* на уровне лексики, позволяет определить актуальное значение слов. Особого внимания заслуживают т. н. **Schlagwörter** – ключевые слова в дискурсе, определяющие его семантическую специфику. В дискурс-анализе, ориентированном на лексический пласт, отмечает Т. Нир, «lässt sich aufgrund lexikalischer Gebrauchspräferenzen und ihrer Verwendungen die Mentalität einer Diskursgemeinschaft analysieren» [1, с. 71–92].

Например, в дискурсе «*Bewerbung*» сегодня актуальна подтема преодоления традиционной скромности в поведении, в дискурсивном развитии которой вербализуются ценностные представления о профессиональных качествах человека, ср.: «*Positive Eigenschaften allein machen Sie nicht gleich zur Führungskraft. Dennoch sind es meist diejenigen, die bereit sind, über sich und ihre Stärken zu sprechen, die uns und anderen inspirieren. Eigenschaften übrigens, auf die es sich immer hinzuweisen lohnt, sind Mut, Kreativität, Ausdauer, Anpassungsfähigkeit, Motivationskraft und Durchsetzungsvermögen. <...> Schämen Sie sich nicht dafür, dass Sie etwas können. Weg mit falscher angezogener Bescheidenheit und einer Sie furchtbar behindernden Schüchternheit*» [10, с.58–59].

Столь же актуальна подтема *Hard Skills vs. Soft Skills*, в дискурсивном раскрытии которой также выявляют себя ценностные представления, ср.: «*„Soft Skills“ werden auch als soziale Kompetenz, außerfachliche Fähigkeiten oder Persönlichkeitseigenschaften bezeichnet. Die Bedeutung von Soft Skills für die Bewältigung beruflicher Aufgaben hat in den vergangenen Jahren kontinuierlich zugenommen. Aus Stellenanzeigen und*

Arbeitsplatzbeschreibungen kennen Sie sicher typische Schlagworte aus dem Bereich der Soft Skills wie Teamfähigkeit, Eigeninitiative, Flexibilität, kommunikatives Geschick, Verhandlungsstärke, Lernbereitschaft und Belastbarkeit [11, с. 37].

Schlagwörter маркируют актуальные темы в дискурсе, в них раскрываются как характерные для времени представления и стереотипы, так и основные общественно-профессиональные ценности.

2. Дискурсу свойственна особая **метафорика**. Согласно теории когнитивных метафор Д. Лакоффа и М. Джонсона, речевые метафоры, имея связь с человеческой психикой, выполняют важную когнитивную функцию – метафоры не только отражают процесс человеческого мировосприятия и мышления, но и структурируют определенным образом человеческое мышление, речь и поведение. Метафоры в дискурсе демонстрируют то, как язык влияет на общественное восприятие, поскольку «Sachverhalte vielmehr auch durch die Verwendung bestimmter spezifischer Metaphorik sprachlich bzw. diskursiv durchaus erst konstruiert werden» [1, с. 101].

Например, в дискурсе «*Bewerbung*» на процесс участия в конкурсном отборе метафорически переносятся ситуации экзамена («*Prüfungssituation Bewerbung*»), марафона («*Bewerbungsmarathon*»), часта в употреблении метафора «*Bewerbungsdschungel*» [10, с. 69–70; 11, с. 11–15; с. 14; 12, с. 11]. Эти метафоры, активно используемые авторами справочников по подаче заявлений, формируют у реципиента своеобразное представление о конкурсном отборе, подталкивая его как потенциального соискателя-конкурсанта к соответствующему поведению.

3. Дискурсу присущи специфические **формы аргументации** (Argumentationsmuster), которые вербализуют позиции актеров в дискурсе по проблемным вопросам, ср.: «*Um eine Firma davon zu überzeugen, dass gerade Sie die optimale Besetzung für die ausgeschriebene Position sind, müssen Sie Ihre fachlichen Kenntnisse und Ihre persönlichen Fähigkeiten im Anschreiben und im Vorstellungsgespräch so darstellen, dass Sie sich von anderen Bewerberinnen und Bewerbern positiv abheben. Nicht derjenige, der die Anforderungen des Arbeitsplatzes am besten erfüllt, wird eingestellt, sondern derjenige, der sich im Bewerbungsverfahren am überzeugendsten darstellt*» [11, с. 90]. Или: «*Zeigen Sie Profil, indem Sie es nicht so machen wie alle. Bewerbungen in ungewöhnlichen Formaten oder Layouts etwa im Mini-Format DIN-A5 können positiv aus dem Rahmen fallen, vor allem in kreativen Branchen und Berufen. Mitunter ist es sogar eine spannende und individuelle Idee, auf Anschreiben im klassischen Sinn zu verzichten. In konservativen Branchen und bei Bewerbungen im öffentlichen Dienst sollten Sie Ihre Kreativität allerdings zügeln!*» [12, с. 39]. Так выявляются позиции специалистов в дискурсе по проблеме составления заявлений, несмотря на то что аргументация выражена ими имплицитно.

В справочной литературе в дискурсе «*Bewerbung*» авторами справочников предлагается огромное разнообразие **примеров** для составления основных документов при подаче заявлений. Соответственно, тексты образцовых сопроводительных писем представляют множество форм аргументации, которые потенциальный соискатель вполне может, содержательно перезаполнив, использовать при написании собственного письма [10, с. 248–284; 11, с. 271–298].

По теме собеседования (*Vortragsgespräch*) в дискурсе предлагаются разнообразные упражнения для составления аргументированных высказываний, ср.:

«Übung: Stressfragen

Mit provozierenden Fragen sollen die Bewerber aus der Reserve gelockt werden. Personalverantwortliche sind weniger an dem Inhalt Ihrer Antwort als vielmehr an Ihrer tatsächlichen Reaktion interessiert.

Frage: “Wenn ich jetzt Ihren bisherigen Vorgesetzten anrufe, was würde er an Ihrer Arbeitsweise kritisieren?”

Ungünstige Antwort: “Mit meinem Vorgesetzten habe ich immer wieder Auseinandersetzungen über die Bewertung meiner Arbeitsleistungen gehabt. Er hat immer wieder ungerechtfertigt kritisiert, dass ich detailverliebt wäre und Termine nicht einhalte. Natürlich stimmt das nicht”.

Überzeugende Antwort: “Er würde die Aufgaben, die ich übernommen habe, darstellen und erläutern, wie die Aufgaben erledigt wurden. Dabei würde das Ergebnis die Bewertung aus dem Arbeitszeugnis widerspiegeln”.

Oder [wenn im Arbeitszeugnis eine durchschnittliche Bewertung steht]: “Die Kernaufgaben habe ich stets zur vollsten Zufriedenheit erledigt. Eine Sonderaufgabe/Projektaufgabe konnte nicht beendet werden, da die Beteiligten nicht an einem Strang gezogen haben. Dies ist ein Punkt, der meinem Vorgesetzten nicht so gut gefallen hat”.

Ihre Antwort:... [11].

При анализе дискурсивных форм аргументации необходимо учитывать их особенность: в реальных дискурсах аргументация может усиливаться не за счет формальной правильности («formale Gültigkeit»), а скорее за счет очевидной убедительности («Plausibilität») [1, с. 105].

Можно сделать следующие выводы: методика анализа конкретного дискурса включает в себя сбор/формирование репрезентативного корпуса текстов и разработку критериев их анализа. Как сбор текстов, так и анализ зависят, с одной стороны, от специфики анализируемого дискурса или дискурсивного уровня и, соответственно, от репрезентирующих текстов, с другой стороны, от научного интереса, от конкретных вопросов, поставленных к дискурсу.

Комплексно, рассмотрев уровни дискурса «Bewerbung» в целом и его тематическую иерархию в частности, мы можем судить о том, что *Bewerbung* — один из важнейших общественно-профессиональных феноменов в Германии, нормы которого дискурсивно фиксируются на различных уровнях, о чем свидетельствует как обилие публикаций в СМИ, так и разнообразие справочной литературы по теме. Дискурс «Bewerbung» идейно развивается в направлении: «Как успешно подавать заявления?», «Как успешно участвовать в конкурсном отборе?», — фиксируя и развивая комплексное знание по этой теме, в частности правила конкурсного отбора, ценностные представления в сфере профессиональной деятельности. Эти аспекты вербализуют специфический дискурсивный (лексический) репертуар, метафорику и формы аргументации.

Библиографический список

1. Niehr T. Einführung in die linguistische Diskursanalyse. Darmstadt: WBG, 2014.
2. Wrana D. (Hg.) DiskursNetz: Wörterbuch der interdisziplinären Diskursforschung. Berlin: Suhrkamp, 2014.
3. Spitzmüller J., Warnke I.H. Diskurslinguistik: Einführung in Theorien und Methoden transtextuellen Sprachanalyse. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014.
4. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 134 с.
5. Larcher S.B. Linguistische Diskursanalyse: Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2015.
6. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Dietrich B., Hermanns F., Teubert W. (Hrsg.) Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10–28.
7. Habscheid S. Text und Diskurs. Paderborn: Wilhelm Fink, 2009.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

9. Goth P. Mitarbeiter auswählen. Personaldiagnostik in der Praxis. Bielefeld: Bertelsmann Verlag, 2009.
10. Hesse J., Schrader H.C. Bewerbung Beruf & Karriere / Das große Hesse / Schrader Bewerbungshandbuch: Alles, was Sie für ein erfolgreiches Berufsleben wissen müssen. Berlin: STARK Verlag, 2013.
11. Püttjer C., Schnierda U. Das große Bewerbungshandbuch. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2014.
12. Hofert S. Die 100%-Bewerbung. Offenbach: GABAL Verlag, 2010.
13. Stehr C. Frisch frisiert ist halb gefeuert // SPIEGEL ONLINE URL: <http://www.spiegel.de/karriere/bewerbungsluegen-frisch-frisiert-ist-halb-gefeuert-a-790620.html> (дата обращения: 15.09.2016).
14. Hockling S., Leffers J., Lügen bei der Bewerbung: Das droht bei Lebenslauf-Manipulation // SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/karriere/luegen-bei-der-bewerbung-das-droht-bei-lebenslauf-manipulation-a-1041634.html> (дата обращения: 15.09.2016).
15. Himmelrath A. Ein bisschen Tricksen ist erlaubt // SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/job/krumme-lebenslaeufe-ein-bisschen-tricksen-ist-erlaubt-a-475927.html> (дата обращения: 15.09.2016).
16. Oels D. Ratgeber. Non Fiktion: Arsenal der anderen Gattungen. Hannover: Wehrhahn, 2012.

References

1. Niehr T. Einführung in die linguistische Diskursanalyse. Darmstadt: WBG, 2014 [in German].
2. Wrana D. (Hg.) DiskursNetz: Wörterbuch der interdisziplinären Diskursforschung. Berlin: Suhrkamp, 2014 [in German].
3. Spitzmüller J., Warnke I.H. Diskurslinguistik : Einführung in Theorien und Methoden transtextuellen Sprachanalyse. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014 [in German].
4. Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviia [The discourse of power and the power of discourse. Problems of speech influence]. M.: Flint, 2006, 134 p. [in Russian].
5. Larcher S.B. Linguistische Diskursanalyse: Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2015.
6. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Dietrich B., Hermanns F., Teubert W. (Hrsg.) Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10–28.
7. Habscheid S. Text und Diskurs. Paderborn: Wilhelm Fink, 2009.
8. Krasnych V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [«Own» among «others»: Myth or Reality?]. M.: Gnosis, 2003, 375 p. [in Russian]
9. Goth P. Mitarbeiter auswählen. Personaldiagnostik in der Praxis. Bielefeld : Bertelsmann Verlag, 2009 [in German].
10. Hesse J., Schrader H.C. Bewerbung Beruf & Karriere / Das große Hesse / Schrader Bewerbungshandbuch: Alles, was Sie für ein erfolgreiches Berufsleben wissen müssen. Berlin: STARK Verlag, 2013 [in German].
11. Püttjer C., Schnierda U. Das große Bewerbungshandbuch. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2014 [in German].
12. Hofert S. Die 100%-Bewerbung. Offenbach: GABAL Verlag, 2010 [in German].
13. Stehr C. Frisch frisiert ist halb gefeuert // SPIEGEL ONLINE URL: <http://www.spiegel.de/karriere/bewerbungsluegen-frisch-frisiert-ist-halb-gefeuert-a-790620.html> (дата обращения: 15.09.2016) [in German].
14. Hockling S., Leffers J., Lügen bei der Bewerbung: Das droht bei Lebenslauf-Manipulation // SPIEGEL ONLINE URL: <http://www.spiegel.de/karriere/luegen-bei-der-bewerbung-das-droht-bei-lebenslauf-manipulation-a-1041634.html> (дата обращения: 15.09.2016) [in German].
15. Himmelrath A. Ein bisschen Tricksen ist erlaubt // SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/job/krumme-lebenslaeufe-ein-bisschen-tricksen-ist-erlaubt-a-475927.html> (дата обращения: 15.09.2016) [in German].
16. Oels D. Ratgeber. Non Fiktion: Arsenal der anderen Gattungen. Hannover: Wehrhahn, 2012. [in German].

*I.V. Golubkova**

**ELABORATION OF LINGUISTIC METHODS OF DISCOURSE ANALYSIS
ON THE EXAMPLE OF GERMAN DISCOURSE «BEWERBUNG»**

The article discusses methods of discourse analysis of current interest in linguistics. On the example of analytical description of a German cultural-specific discourse about applications writing and participation in competition (*Bewerbung*) the process of elaborating of particular linguistically-oriented methods of discourse analysis of concrete discourse, what dependence directly on social, cultural, time, material and communicative features of the analyzed discourse is highlighted.

Key words: discourse, discourse analysis, text corpus, German, *Bewerbung*.

Статья поступила в редакцию 24/X/2016.
The article received 24/X/2016.

* *Golubkova Irina Vasilievna* (golubkov@mail.ru), Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье анализируется вариативность дискурсивных практик на материале названий произведений американского изобразительного искусства. В современной отечественной лингвистике дискурс рассматривается как единство текста и контекста, социокультурных и лингвистических компонентов. Обратившись к понятию «дискурс», можно сделать вывод, что названия произведений изобразительного искусства в полной мере отражают все свойства и признаки дискурсивного пространства. Названия картин объединены в рамках данного исследования тематикой мира детства. Поскольку тема детства многогранна, в статье представлен анализ подгруппы «наименования животных» — общего концепта названий картин «флора и фауна»; поскольку животные являются неотъемлемой частью духовного мира детства — они способствуют познанию мира детьми и развивают в них чувство заботы и ответственности. Американские художники активно используют номинацию концепта в текстах названий своих произведений для расширения потенциала искусствоведческого дискурса, отражающего мир детства.

Ключевые слова: дискурс, лингвистика, дискурсивный анализ, малоформатный текст, изобразительное искусство, концепт.

В настоящее время ученые, представляющие различные области гуманитарных наук, активно занимаются исследованием дискурсивных практик. Причина такого глубокого интереса заключается в том, что дискурс — это объект междисциплинарного исследования, что стимулирует исследовательскую деятельность, ориентированную на изучение различных версий дискурсивных практик.

В современной отечественной лингвистике дискурс рассматривается как единство текста и контекста, социокультурных и лингвистических компонентов. Так, в современной науке о языке достаточно широкое распространение получила трактовка, предложенная В.В. Красных: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическими планами» [1, с. 200–201]. Е.В. Пономаренко также отмечает разноплановость дискурса, утверждая, что «дискурс — это не просто связный текст, а сложный комплекс смыслоопределения, речепроизводства и речевосприятия в совокупности со всеми смысловыми приращениями, обусловленными различными факторами ситуации и участников общения» [2, с. 134].

* © Кузнецова Л.В., 2016

Кузнецова Людмила Витальевна (tankists@bk.ru), кафедра английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Понятие «дискурс» разносторонне, многогранно и многопланово, оно широко используется в филологических науках — лингвистике и литературоведении. Важно отметить, что «дискурс» прежде всего представляет собой комплексную единицу, состоящую из последовательности предложений, объединенных логическим, смысловым типом связности. Другими словами, дискурс — это языковая единица высшего уровня, обладающая структурной, функциональной спецификой, это «новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [3, с. 71]. Из вышеизложенного следует, что понятие дискурса представляет единую системную единицу, которая состоит из логически завершенных последовательных предложений, связанных единым смыслом. Иначе можно сказать, что дискурс — это единица языка наивысшего уровня, обладающая функциональными и структурными особенностями, это «новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [3, с. 71].

В рамках настоящей работы представляется целесообразным провести дискурсивный анализ названий произведений американского изобразительного искусства. Обратившись к понятию «дискурс» с учетом его различных аспектов, можно сделать вывод, что названия произведений изобразительного искусства в полной мере отражают все свойства и признаки дискурсивного пространства: с одной стороны, они отличаются небольшим объемом, с другой стороны, они имеют целостное структурное и семантическое оформление. Названия картин являются социально обусловленной организованной письменной речью, обладающей определенными принципами аранжировки и тематической разноплановостью, в соответствии с которыми они (названия) дают представление о том или ином периоде времени. Названия произведений изобразительного искусства также зависят от внешних факторов, влияющих на их оформление.

Названия произведений американских живописцев, которые являются объектом изучения в настоящей работе, объединены в рамках тематического поля мира детства и представляют собой малоформатные тексты. Для названий картин как вида малоформатного текста характерны: небольшой объем (как правило, это одно предложение, реже — два), лаконичность, законченность смысла и целостность высказывания. Несмотря на свою визуальную краткость, названия произведений изобразительного искусства в английском языке также являются самостоятельными высказываниями, несущими в себе законченную идею, которую стремился донести автор.

Названия произведений изобразительного искусства в полной мере отражают специфику малоформатного текста, тем самым являясь полноправным членом системы текстовых единиц малого формата. Можно отметить, что им свойственен определенный ряд формально-структурных характеристик, благодаря которым осуществляются информационная, номинативная, эмотивная и воздействующая функции [4, с.70].

Поскольку тема детства многогранна и многопланова и «включает в себя концепты разных сфер жизни и творчества человека» [5, с. 152], мы определили общий концепт, объединяющий названия картин по теме «флора и фауна». В границах этого концепта на вербальном уровне можно обнаружить ряд подгрупп. Рассмотрим наиболее многочисленную подгруппу, в состав которой входят названия живописных полотен, где присутствует упоминание о животных. В ходе классификации было установлено, что к данной группе относятся 130 названий картин: Donald Zolan *“Country Kitten”*, *“Christmas Kitten”*, *“My Kitty”*, *“Puppy’s Palace”*, *“Just Ducky”*, Carolyn Blish *“Puppy Time”*, *“His Eye is on the Butterfly”*, *“Puppy Love”*, *“Puppy on My Shoulder”*, Deacon Robert Peckham *“The Hobby Horse”*, Edward Henry Potthast

“The Swan”, George Sheridan Knowles *“Pets”*, *“Eventide Kittens”*, Seymour Joseph *“The Parrot Caught – The Birdie”*, George Cochran Lambdin *“Goldfish”*.

В названиях картин в рамках концепта «наименования животных» можно обнаружить имена существительные, обозначающие таких представителей фауны, как “a kitten”, “a puppy”, “a horse”, “a cat”, “a fish”, “a duck”. В данную подгруппу были также включены наименования птиц и насекомых: “a parrot”, “a butterfly”, “a swan” etc. В связи с тем что в названиях картин присутствует упоминание животных, на самих полотнах мы непосредственно наблюдаем контакт детей с кошками, собаками, утками и другими представителями фауны. При этом детские образы наполнены вниманием и интересом, любопытством и заботой, заботой и любовью. На шедеврах американской живописи дети ухаживают за животными и играют с ними. Животные предстают в качестве добрых друзей и помогают детям познавать мир. Животные, безусловно, приносят радость, учат детей заботе, добру, пониманию и ответственности. Более того, при контакте с животными дети развивают навыки общения, у них формируется чувство сопереживания. Общеизвестным фактом является то, что при общении с животными совершенствуется не только моральное развитие детей, но и физическое. В связи с этим художники не забывают о животных при изображении детей.

Художников далеко не всегда интересовал социальный аспект, главным для них является поиск удачной композиции и гармоничного цветового решения. Несомненно, с течением времени менялось положение вещей и стереотипы: художников стали больше интересовать эмоции ребенка, его реакции на открытия, разочарования, маленькие победы и неудачи. Благодаря мастерству живописцев присущие ребенку непосредственность и живость восприятия передаются зрителям как драгоценный дар. Мы заново переживаем процесс открытия мира, вспоминаем о его яркости и чудесах, таящихся в каждом предмете. Зритель «подглядывает» за сокровенным процессом познания ребенком мира и самого себя.

С трогательной детской серьезностью вопрошают взгляды на портретах американских мастеров, теплом и нежностью наполнены портреты и сценки, изображенные на картинах. Художники начинают учиться у детей. Детское восприятие становится предметом абсолютно непредвзятого отношения к реальности. Детей не просто пишут, а берут их творчество как основу для развития собственного языка в искусстве. Ребенок воспринимается как личность, но при этом несет в себе то, чего лишен взрослый. Следует подчеркнуть, что названия картин способствуют раскрытию смыслового и эстетического содержания картин на тему детства англоязычных художников. Во многом названия картин, выбранные авторами, способствуют адекватному пониманию тем, затронутых в этих картинах.

Проанализировав концепт «наименования представителей фауны» на материале малоформатных текстов названий, вошедших в выборку, можно сделать вывод о том, что американские живописцы стремятся наиболее широко и полно раскрыть детские образы в своем творчестве, привлекая лексический материал из соответствующей парадигмы номинаций. Данный концепт в рамках материала выборки отличается весьма ограниченными количественными индексами, но, несмотря на это, художники не могли не раскрыть этот концепт, поскольку животные являются неотъемлемой частью мира детства. В связи с этим демонстрируется разнообразие тем в названиях картин, художники изображают животных не только на самих полотнах, но и упоминают их в названиях живописных полотен.

Библиографический список

1. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
2. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 18. № 13. С. 131–140.
3. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РАН, 1996. 432 с.
4. Ефремова Т.В., Харьковская А.А. Лингвосинергетический потенциал функциональной парадигмы названий произведений американского изобразительного искусства XX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1(29). С. 69–72.
5. Харьковская А.А. Научно-исследовательская коммуникация в современном образовательном дискурсе // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2015. С. 151–154.

References

1. Krasnyh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs leksii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: Course of lectures]. M.: ITDGGK «Gnozis», 2001, 270 p. [in Russian].
2. Ponomarenko E.V. *O samoorganizatsii i sinergizme funktsional'nogo prostranstva angliiskogo diskursa* [About self-organization and synergy of the English discourse functional space]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 2013, Vol. 18, no. 13, pp. 131–140 [in Russian].
3. Stepanov Ju.S. *Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i Printsip prichinnosti* [Alternative world, Discourse, Fact and Principle of causality]. In: *Iazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the XX century]. M.: RAN, 1996, 432 p. [in Russian].
4. Efremova T.V., Kharkovskaya A.A. *Lingvosinergeticheskii potentsial funktsional'noi paradigmy nazvanii proizvedenii amerikanskogo izobrazitel'nogo iskusstva XX–XXI vv.* [Linguosynergetic potential of functional paradigm of names of works of American fine arts of the XX–XXI century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2013, no. 11-1 (29), pp. 69–72 [in Russian].
5. Kharkovskaya A.A. *Nauchno-issledovatel'skaia kommunikatsiia v sovremennom obrazovatel'nom diskurse* [Research communication in modern educational discourse]. In: *Modernizatsiia kul'tury: poriadki i metamorfozy kommunikatsii Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2 chastiakh. Pod redaktsiei S.V. Solov'evoi, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoi* [Modernization of culture: ways and metamorphoses of communication. Materials of the III International research and practice conference in 2 parts. S.V. Solovieva, V.I. Ionesov, L.M. Artamonova (Eds.)], 2015, pp. 151–154 [in Russian].

**DISCOURSE ANALYSIS OF AMERICAN FINE ARTS PRODUCTS
IN TERMS OF THEIR TITLES**

The variability of discursive practices based on the titles of American fine arts products is described in the article. In modern Russian linguistics, discourse is analyzed as the unity of the text and the context in terms of their socio-cultural and linguistic components. From the interpretation of «discourse», it may be concluded that the titles of fine arts products cover a lot of specific properties and features of the discursive space. The titles of the pictures under analysis are associated with the topic of childhood. The topic of childhood is rather multifolded so the results of the research in the present article are limited to the description of the subgroup including the names of animals since the animals constitute an integral part of the childhood world – they help children to explore the world and develop a sense of caring and responsibility. The authors of the canvases apply the verbalized versions of the constituents forming the above mentioned nominative paradigm to demonstrate the spiritual world of childhood in the most vivid and colourful manner.

Key words: discourse, linguistics, discourse analysis, mini-format text, fine arts products, concept.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.
The article received 11/VII/2016.

* Kuznetsova Lyudmila Vitalievna (tankists@bk.ru), Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ИЕРАРХИИ

В статье отмечено, что вопрос об уровнях языка пока далек от окончательного решения, рассмотрены его спорные аспекты, показано наличие переходных случаев и размытость межуровневых границ. Предложена авторская модель иерархии языковых уровней; выдвинуто предположение о том, что система уровней языка должна описываться не двумерно-плоскостной, а многомерной моделью языкового пространства. Исследование проведено главным образом на материале английского языка.

Ключевые слова: языковая иерархия, уровень языковой системы, языковая единица, дистинктор, номинатор, коммуникатор смысла.

Проблема, обозначенная в заглавии этой статьи, состоит в тесной связи с проблемой лингвистического статуса языковых единиц. На наш взгляд, можно утверждать, что это две стороны единой проблемы. Дело в том, что уровень языковой системы складывается из типологически однородных единиц, обладающих одним и тем же общим комплексом категориальных свойств, который служит основанием для постулирования уровня языка.

Многоуровневость языковой системы представляет собой одно из важнейших достижений коллективного разума человечества. По мере того как развивалось это свойство языка, эволюционировал и рос человеческий интеллект, превращая первобытного человека в цивилизованного. Дело в том, что одноуровневые и даже двухуровневые знаковые системы не способны передать сколько-нибудь большое число понятий, являющихся орудиями умственной деятельности и отражения действительности. Этот тезис требует пояснения.

Представим себе звуковой язык, имеющий лишь один уровень – уровень идеофонов (отдельных звуков, передающих понятия). Без знаков нет понятий (это продемонстрировано в памфлете «1984» [9], где описано, как тоталитарная власть сокращала лексический состав языка, дабы уменьшить число понятий и тем самым сузить умственный кругозор людей, примитивизировать их мышление). В одноуровневом звуковом языке число понятий равно числу звуков. А это немного – всего несколько десятков звуков в каждом отдельно взятом языке, поскольку сотни, а тем более тысячи языковых звуков индивидууму трудно производить своим артикуляторным аппаратом и распознавать с помощью психического механизма различения звуков на слух по тонким дистинктивным признакам. Таким образом, при нескольких десятках звуков, имеющихся в одноуровневом языке, тезаурус человека ограничивался бы несколькими десятками понятий. Возможно, языки эпохи палеолита такими и были.

* © Доладова О.В., 2016

Доладова Ольга Владимировна (doladov@gmail.com), кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Чтобы означить и передать миллионы понятий, используемых в современной цивилизации, понадобились бы либо миллионы звуков одноуровневого языка, либо огромная длина звуковых цепочек двухуровневого языка (каждая языковая единица состояла бы из десятков, а то и сотен звуков). Оба указанных варианта строения языковой системы в наше время нецелесообразны и неприменимы на практике.

Для развития интеллекта, а значит, и цивилизации требуется увеличить число языковых уровней. По статистике, число фонем в языках составляет в среднем 30–40 единиц, тогда как число морфем в среднем – 3–5 тысяч единиц. Иначе говоря, количество единиц второго уровня на два математических порядка (примерно в сто раз) превышает количество единиц первого уровня. Значит, имея всего 30–40 фонем и добавив к иерархии всего один уровень, можно увеличить число понятий (и, соответственно, горизонт интеллекта) приблизительно в сто раз.

Подсчеты позволяют убедиться, что при добавлении третьего лексического уровня, единицы которого (слова) состоят из нескольких морфем, число слов, а значит, и выражаемых понятий вновь вырастает на два математических порядка: количество слов в развитых языках составляет полмиллиона и более. Горизонт интеллекта возрастает еще в сто раз.

То же происходит при добавлении уровня словосочетаний, количество которых (учитывая произвольность числа слов в словосочетании) перестает поддаваться учету и становится поистине колоссальным. Далее следует уровень предложений, количество которых неисчислимо. Так вместе с ростом «пирамиды» языковых уровней растет в геометрической прогрессии человеческий кругозор и интеллект, поднимая бывшего троглодита на божественные высоты.

Многоуровневое строение естественных языков подчинено законам математической комбинаторики [2; 13; 15], благодаря которым при малом числе исходных единиц (фонем) существует возможность фиксировать и передавать неограниченное число понятий, причем их основные носители (слова) достаточно коротки: средняя длина русского знаменательного слова составляет 7,2 фонемы, японского – 10,8, английского – 5,2 и т. д. [6, с. 228]. Использование многоуровневых знаковых систем сокращает время коммуникации, увеличивает пропускную способность информационного канала и повышает семантическую емкость речи. Многоуровневая знаковая система обладает гораздо большими возможностями, чем одно- или двухуровневая.

Установив цель существования многоуровневости в языке, обратимся к вопросу о том, какие уровни образуют его иерархию. Это весьма непростой вопрос, пока не решенный окончательно. Он настолько кардинален для языкознания, что, по Э. Бенвенисту [1], кто создаст непротиворечивую модель системы языковых уровней, тот создаст полную теорию языка. Не претендуя на исчерпывающее решение данной проблемы, выскажем свои соображения на эту тему.

Главным недостатком существующих моделей языковой иерархии является то, что в них не соблюден единый принцип выделения уровней. Выделение нижних уровней основано на том, что единица последующего уровня является синтагмой единиц предыдущего уровня:

- цепочка фонем конституирует морфему;
- цепочка морфем конституирует словоформу.

На этом основании постулируются три уровня: фонемный, морфемный и морфологический (т. е. уровень словоформ). Однако далее упомянутый единый принцип нарушается: следующим уровнем считается лексический, а ведь лексема представляет собой вовсе не синтагму, а парадигму словоформ. На этом уровне синтагматический принцип выделения уровней заменяется парадигматическим, а на более высоких

уровнях происходит возврат к синтагматическому принципу. Это снижает логичность, последовательность и стройность модели — свойств, являющихся критериями ее адекватности.

Мы предлагаем следующий способ разрешения этого противоречия.

Варианты единицы образуют парадигму: фонема имеет парадигму аллофонов, морфема — парадигму алломорфов, а лексема — парадигму аллоформ (грамматических форм слова). При этом лексема является синтагмой морфем. Получаем иерархию:

- фонема — парадигма аллофонов;
- морфема — парадигма алломорфов и синтагма фонем;
- лексема — парадигма аллоформ и синтагма морфем.

Таким образом, в модели «фонемный — морфемный — лексемный уровни» единый принцип иерархии оказывается соблюденным. Аллоформы (грамматические формы слова) не образуют отдельного (морфологического) уровня так же, как не образуют отдельных уровней аллофоны и алломорфы. Это иерархия единиц, а не их вариантов.

Таким образом, в языковой системе между одноуровневыми единицами наблюдается синтагматическое отношение, между разноуровневыми — иерархическое, а между вариантами единицы — парадигматическое. Это справедливо для всех уровней, включая те, которые располагаются выше лексического. В такой модели преодолена непоследовательность, присущая предыдущей модели.

Слово, рассматриваемое как совокупность вариантов, называется лексемой. Помимо морфологических вариантов (словоформ), слово распадается на лексико-семантические варианты — носители значений слова (e.g. smart — 1. “смышленный”; 2. “нарядный”; 3. “проворный”; 4. “дерзкий” и др.), фонетические варианты — варианты произношения слова (again [ə`gein / ə`gen]), морфологические варианты (indices / indexes) и орфографические варианты (gaol / jail [dʒeɪl]). Варианты лексем иногда называют аллолексами (по аналогии с аллофонами и алломорфами), и это логично, но (возможно, из-за неблагозвучия) термин *аллолексы* не вошел в широкий научный обиход.

Какой уровень расположен над лексическим? По этому вопросу у лингвистов не сложилось единого мнения. Некоторые называют синтаксический уровень, но А.В. Кунин [5] справедливо указал, что этот уровень не рядоположен предыдущим, ибо содержит не языковые единицы, а языковые модели (синтаксические конструкции).

Сам А.В. Кунин полагал, что за лексическим следует фразеологический уровень, но мы имеем возражения против этого мнения. Во-первых, к числу устойчивых сочетаний слов относятся не только фразеологизмы (неясно, куда причислить остальные многочисленные виды устойчивых сочетаний слов), а во-вторых, признав существование уровня фразеологизмов, мы должны будем признать, что это весьма неполный уровень, охватывающий далеко не все единицы предыдущего уровня (ведь в состав фразеологизмов входит не слишком большая часть лексического фонда языка).

Наиболее логичной представляется точка зрения, согласно которой над уровнем слов располагается уровень сочетаний слов [7; 10–12]. Возражения против нее сводятся к тому, что большая часть сочетаний слов относится не к системе языка, а к стихии речи. Это переменные (неустойчивые) сочетания, которые не воспроизводятся в речи в готовом виде, а создаются каждый раз заново индивидуальными продуцентами речи.

Это действительно так, но из этого следует не то, что уровня сочетаний слов не существует, а то, что он принадлежит отчасти к системе языка, а отчасти к стихии

речи. В терминах О.А. Кулаевой [4] – это речезыковой уровень, на котором сосуществуют единицы языка (устойчивые сочетания слов) и единицы речи (переменные сочетания слов), и граница между этими подуровнями размыта. Поскольку устойчивость – это градуальная величина, бывают высоко-, средне-, слабоустойчивые и неустойчивые сочетания слов. Отчетливо разделить их на подуровни не представляется возможным. Граница между языком и речью размыта. «Не существует строгих границ, к горести всех классификаторов» [3, с. 225].

Собственно говоря, граница между корпусами языковых и речевых единиц размыта на более широком участке – промежуточная зона охватывает отчасти лексический уровень, целиком уровень сочетаний слов и отчасти следующий уровень – уровень высказываний. Так, на лексическом уровне есть довольно много неустойчивых (речевых) слов. К их числу относятся поэтические окказионализмы (e.g. the slithy toves // Did gyre and gimble in the wabeу Л. Кэрролла – *хливкие шорьки пырялись по наве* в переводе Д. Орловской), детские слова (вроде ice-creamer “мороженщик”), случаи языковой игры (вроде brutish < brute – “скотина” + British – “британский” у Дж. Джойса), а также регулярно возникающие в обыденной речи слова с «блуждающими» префиксами, присоединимыми к любому слову (super-brain – “супермозг”, super-jet – “суперсамолет”, super-arms – “супероружие” и т. п., неустойчивые сложные слова (типа *yoghurt-apple diet* – “йогуртово-яблочная диета”), и другие случаи окказиональной реализации потенциала моделей словообразования в согласии с ситуативно обусловленными потребностями номинации (e.g. yandexist – “пользователь сети Yandex”). Что касается уровня высказываний, на нем располагаются не только речевые, но и языковые (устойчивые) единицы: штампы, клише, пословицы, поговорки и др.

Таким образом, переход языка в речь постепенен. Язык и речь «прорастают» друг в друга. Это заставляет предположить наличие единого речезыкового пространства [11].

Уровень высказываний, расположенный над уровнем сочетаний слов, носит преимущественно речевой характер. Подавляющее большинство высказываний являются переменными. Высказывание, как правило, представляет собой синтагму сочетаний слов, хотя бывают высказывания, состоящие лишь из одного сочетания слов (e.g. I'll be back – “Я вернусь”) и даже из одного слова (e.g. Splendid – “Великолепно!”). Число высказываний столь велико, что не поддается учету. Наконец, высший уровень – уровень текста принадлежит только речи. Все сказанное можно свести в схему (см. рис.).

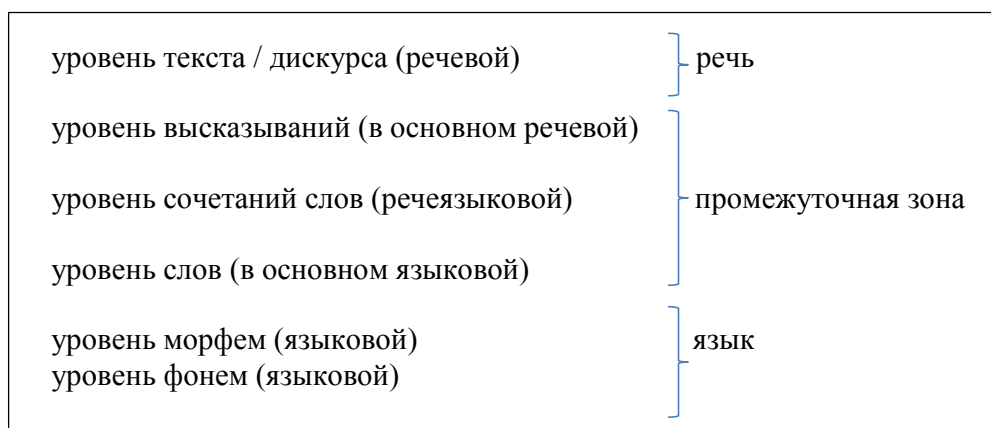

Рис. Иерархия уровней речезыкового пространства

Число 1 – это частный случай числа. В частных случаях единица состоит из одного элемента предыдущего уровня. Бывают однофонемные морфемы (префикс *a-*, флексия *-s*), одноморфемные словоформы (*come* – “приходить”, *him* – “его”) и лексемы (*so* – “так”, *thus* – “итак”), однолексемные высказывания (*Stop* – “Стоп”. *Hurry* – “Поспеши”). Единица низшего уровня может «пронизать» несколько высших уровней. Бывают однофонемные словоформы и лексемы, одноморфемные и однофонемные предложения.

Наглядный пример «пробоя» нескольких уровней приводится в римской легенде. Два оратора поспорили, кто сумеет выразиться лаконичнее по-латыни. Один сказал: *eo rus* (“уезжаю в деревню”), полагая, что короче не скажешь. Другой ответил: *i* (“поезжай”). Он победил: в этой речевой ситуации *i* является фонемой, морфемой, словоформой (формой повелит. наклонения ед. числа от глагола *ire* – “ходить, ездить”), лексемой (которая представлена одной из своих форм) и высказыванием.

Что же касается системы грамматических схем (моделей), логично утверждать, что она не образует уровня в том же смысле, что предыдущие. Она не вписывается в двумерную модель иерархии уровней, содержащих единицы, а не модели. Система грамматических схем – третье измерение, образующее свою иерархию (схемы словоформ – схемы сочетаний слов – схемы простых предложений – схемы сложных предложений) и пересекает иерархию языковых единиц под некоторым углом.

Под другим углом ее пересекает система моделей словообразования, под третьим – система моделей фонотактики (комбинаторики звуков), под четвертым – система моделей семантической комбинаторики. (Возможно, это еще не полный перечень измерений.) Если принять эту трактовку, то система уровней языка и речи предстанет не как двумерная вертикально-плоскостная конструкция, а как многомерное лингвистическое пространство. Как видим, традиционная двумерная плоскостная модель уровней языка в ряде отношений не отвечает требованиям современности.

Вышеописанная модель иерархии языковых и речевых единиц является структурной. М.В. Никитин [8] предложил иную функциональную модель, которая коррелирует со структурной. Ориентируясь на функции единиц, он постулировал уровень дистинкторов («различителей»), уровень фиксаторов («закрепителей»), уровень номинаторов («назывателей») и уровень коммуникаторов («сообщателей») смысла.

Хотя дистинкторы – это в основном фонемы, фиксаторы – в первую очередь морфемы, номинаторы – главным образом слова и сочетания слов, а коммуникаторы – преимущественно высказывания, все же корреляция между структурными и функциональными уровнями не носит характера строгого взаимно-однозначного соответствия. Так, функцию дистинктора может выполнять не только фонема, но и морфема, и даже лексема, если она не выполняет иной функции, кроме смысловоразличительной.

Так, в английских названиях некоторых ягод (*barberry* – “барбарис”, *bilberry* – “черника”, *raspberry* – “малина”) финальная основа *-berry* означает “ягода”, а инициальные основы ныне сами по себе не означают ничего; они утратили свои значения и выполняют «лишь функции, подобные тем, которые выполняют фонемы в составе слова» [14, с. 211], т. е. служат дистинкторами, а не фиксаторами смысла.

Другой пример: во фразеологизме *to kick the bucket* (букв. “пнуть ведро”, перен. “умереть”) лексема *bucket* (“ведро”) тоже не имеет своего значения, выполняя лишь дистинктивную функцию в ряду фразеологизмов: *to kick the bucket* “умереть” :: *to kick the ball* (букв. “пнуть мяч”, перен. “сделать решительный шаг”) :: *to kick the tires* (букв. “пнуть покрышку”, перен. “произвести проверку”) :: *to kick the ass* (букв. “пнуть под зад”, перен. “заставить работать”). Как видим, не только морфема, но и лексема с функциональной точки зрения может быть всего лишь аналогом фонемы.

В других случаях лексема может утратить функцию номинатора, но сохранить функцию фиксатора смысла, сблизившись в этом отношении с морфемой (таковы компоненты единиц типа seagull / seagull – “морская чайка”, о которых трудно сказать, лексемы это или морфемы).

Далее, высказывание может утратить функцию коммуникатора и сохранить лишь функцию номинатора смысла, в этом отношении уподобившись слову, например:

– оборот when hell freezes over (букв. “когда замерзнет ад”) имеет наречное значение “никогда” и, подобно слову, выполняет синтаксическую функцию обстоятельства времени, а не придаточного предложения;

– оборот (something) I wouldnt touch with a pair of tongs (букв. “к чему я и щипцами бы не притронулся”) имеет адъективное значение “отвратный” и выполняет в предложении синтаксическую функцию постпозитивного определения, а не придаточного предложения;

– оборот do it yourself/ do-it-yourself (букв. “сделай сам”) имеет субстантивное значение “конструктор (набор деталей для самостоятельной сборки)”, артикль, формы единственного и множественного числа и выполняет в предложении синтаксические функции, присущие существительному.

Как видим, границы между языковыми уровнями размыты; существуют переходные и промежуточные формы. В вопросе об уровнях английской языковой иерархии осталось еще много неясностей. Мы постарались пролить свет на некоторые из них.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 129–140.
2. Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2013. 470 с.
3. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Избр. философские произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1946. 385 с.
4. Кулаева О.А. Устойчивость английских лингвистических единиц в свете концепции речезыкового континуума: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. 21 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
6. Левицкий В.В. Семантический объем и длина слова // Левицкий В.В. Семасиология. Винница: Нова книга, 2012. С. 228–229.
7. Молчкова Л.В. Иерархия уровней языка в свете концепции идиоматических кодов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2012. Т. 10. Вып. 2. С. 11–20.
8. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
9. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2016. 384 с.
10. Савицкий В.М. Существует ли фразеологический уровень языка? // Савицкий В.М. Аспекты теории фразообразовательных моделей. Самара: Тор, 1993. С. 51–58.
11. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2004. 177 с.
12. Солнцева Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка. М.: Военный институт, 1978. 152 с.
13. Стенли Р. Перечислительная комбинаторика. М.: Мир, 1990. 440 с.
14. Телия В.Н. О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка: сб. науч. тр. М.: Наука, 1969. С. 198–211.

15. Ерош И.Л. Дискретная математика. Комбинаторика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та аэрокосмического приборостроения, 2001. 137 с.

References

1. Benveniste E. *Urovni lingvisticheskogo analiza* [Levels of linguistic analysis]. In: Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. M.: Editorial URSS, 2002, pp. 129-140 [in Russian].
2. Vlavatskaya M.V. *Teoreticheskie osnovy kombinatornoi lingvistiki: leksikologicheskii i leksikograficheskii aspekty: Dis. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical foundations of combinatorial linguistics: lexicological and lexicographical aspects: Doctor's of Philological Sciences thesis]. Novosibirsk, 2013, 470 p. [in Russian].
3. Herzen A.I. *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. In: Herzen A.I. *Izbr. filosofskie proizvedeniia. Tom 1* [Selected philosophical works. Vol. 1]. M.: Gospolitizdat, 1946, 385 p. [in Russian].
4. Kulaeva O.A. *Ustoichivost' angliiskikh lingvisticheskikh edinits v svete kontseptsii recheiazynovogo kontinuumu: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sustainability of English linguistic units in the light of the concept of speech and linguistic continuum: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences]. Samara, 2003, 21 p. [in Russian].
5. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka* [Course of phraseology of modern English language]. Dubna: Feniks+, 2005, 488 p. [in Russian].
6. Levitsky V.V. *Semanticheskii ob'em i dlina slova* [Semantic volume and word length]. In: Levitsky V.V. *Semasiologiya* [Semasiology]. Vinnitsa: Nova kniga, 2012, pp. 228-229 [in Russian].
7. Molchkova L.V. *Ierarkhiia urovnei iazyka v svete kontseptsii idiomaticheskikh kodov* [Hierarchy of levels of language in the light of the concept of idiomatic codes]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya lingvistika* [Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2012, Vol. 10, Issue 2, pp. 11-20 [in Russian].
8. Nikitin M.V. *Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika)* [Lexical meaning of the word (structure and combinatorics)]. M.: Vysshaya shkola, 1983, 127 p. [in Russian].
9. Orwell G. *1984* [Nineteen Eighty-Four]. M.: AST, 2016, 384 p. [in Russian].
10. Savitsky V.M. *Sushchestvuet li frazeologicheskii uroven' iazyka?* [Does the phraseological level of language exist?]. In: Savitsky V.M. *Aspekty teorii frazobrazovatel'nykh modelei* [Aspects of theory of phrase formation models]. Samara: Tor, 1993, pp. 51-58 [in Russian].
11. Savitsky V.M., Kulaeva O.A. *Kontsepsiia lingvisticheskogo kontinuumu* [Concept of linguistic continuum]. Samara: izd-vo "Nauchno-tehnicheskii tsentr", 2004, 177 p. [in Russian].
12. Solntseva N.V. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo kitaiskogo iazyka* [Theoretical grammar of modern Chinese language]. M.: Voennyi institut, 1978, 152 p. [in Russian].
13. Stanley R. *Perechislitel'naia kombinatorika* [Enumerative combinatorics]. M.: Mir, 1990, 440 p. [in Russian].
14. Telia V.N. *O variantakh protiazhennosti idiom* [On variations of idioms length]. In: *Sistema i urovni iazyka: Sb. nauch. tr.* [System and levels of language: Collection of research papers]. M.: Nauka, 1969, pp. 198-211 [in Russian].
15. Erosh I.L. *Diskretnaia matematika. Kombinatorika* [Discrete mathematics. Combinatorics]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta aerokosmicheskogo priborostroeniia, 2001, 137 p. [in Russian].

PROBLEM OF THE LEVELS OF LANGUAGE HIERACHY

The article concentrates on the language levels problem which is a far cry from being finally solved. Some mute points are considered. Existence of transient forms and hybrid units is proved. Fuzziness of inter-level borderlines is demonstrated. The author puts forward a hypothesis of multidimensionality rather than bidimensionality of linguistic space. The research is primarily based on the English language material.

Key words: language hierarchy, language system level, language unit, distinctior, nominator, communicator of meaning.

Статья поступила в редакцию 25/VII/2016.
The article received 25/VII/2016.

* *Doladova Olga Viktorovna* (doladov@gmail.com), Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭКСПЕРТНОГО ДИСКУРСИВНОГО СООБЩЕСТВА

В статье выявляется ряд характеристик, присущих дискурсивному экспертному сообществу. На материале журнала *BBC Music Magazine* рассматривается проблема представления музыкальной сферы с точки зрения музыкального критика как дискурсивной личности.

Ключевые слова: дискурсивное экспертное сообщество, музыкальный критик, профессионализм, оценка.

Музыкальная культура является неотъемлемой частью бытия человека с древнейших времен. Ее роль в современном обществе сложно переоценить. Как отмечает известный культуролог М.И. Найдорф, «музыкальная культура – это жизненная и духовная среда, в рамках которой только и может существовать собственно музыка» [1].

Музыкальная критика как компонент музыкальной культуры существует во многих развитых обществах (важно отметить, что не во всех культурах музыкальная составляющая достигла необходимого для возникновения музыкальной критики уровня). Актуальным, на наш взгляд, является определение термина *музыкальной критики*, представленное британским музыковедом Дж. Гроувом [2, с. 449], как профессиональной оценки музыкального творчества и исполнительства, что следом ставит вопрос о проблеме профессионализма, которая значима для современной музыкальной журналистской практики [3, с. 50]. Недостаточно компетентный человек, берущийся за написание рецензии в прессе, рискует представить читателю «перекошенную» картину целого, поскольку он не способен понять музыкальное явление в сложной совокупности составляющих его элементов, отделить главное от побочного [4, с. 41–42].

Встает вопрос, из чего складывается профессионализм музыкального критика. Безусловно, любая критика требует владения предметом и способности к его анализу и критическому осмыслению. Помимо перечисленных качеств, музыкальный критик должен обладать хорошо развитым ассоциативным мышлением, тонким эстетическим вкусом и широким кругозором, уметь вникнуть в мир художника и при этом не потерять себя [4, с. 25]. Такие способности помогают музыкальному критику выполнять свою главную задачу – оценивать явление музыкального творчества на высоком профессиональном уровне.

Оценка музыкального критика выражается посредством какого-либо литературно-публицистического жанра, который реализуется в одной из форм современной музыкальной журналистики: в прессе, на радио, телевидении и в Интернете. При выборе жанра своего журналистского послания музыкальный критик прежде всего ориентируется на адресата, которым может быть как музыкант-профессионал, так и

* © Шевченко Н.Л., 2016

Шевченко Надежда Леонидовна (nadezhdashvchenko86@gmail.com), кафедра перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации, Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета, 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1.

простой любитель музыки. К какой бы категории ни относился адресат послания музыкального критика, этому адресату важно знать, что для него пишет сведущий в деле музыки автор.

Авторитетность критика, в понимании известного лингвиста В.В. Богданова, основывается на его энциклопедической доминации, лингвистической компетенции и коммуникативном лидерстве [5, с. 30]. Энциклопедическая доминация музыкального критика проявляется в глубоком знании музыкальных процессов и исторического фона, а также в способности дать вербальное описание и оценку предмету дискуссии. Такие качества критика вызывают доверие со стороны читателя и способствуют созданию оптимального контакта с читательской аудиторией, которая, в свою очередь, способна стать «культурной семьей» музыкального критика, поскольку ее ожиданиям соответствуют культурные знаки, передаваемые критиком посредством музыкально-критических жанров [6, с. 332].

Наглядным примером творчества музыкальных критиков-профессионалов может служить рубрика *Reviews* («Обзоры») в британском ежемесячном журнале *BBC Music Magazine*, на страницах которой критики дают краткие рецензии на вышедшие в свет CD- и DVD-диски с записями музыкальных произведений. Рубрика *Reviews* занимает четвертую часть от всего объема издания, что позволяет судить о ее важности как для читателей, так и для редакции.

В отношении адресата музыкальное послание всегда носит диалогический характер, поскольку музыкальный критик должен чувствовать адресата, моделировать его, взаимодействовать с ним – убеждать, полемизировать [3, с. 104], иначе труд автора-критика не имеет смысла. В журнале *BBC Music Magazine* отклик читателей на публикуемые рецензии и статьи представлен в рубрике *Letters* («Письма»). Помимо диалоговой направленности, рубрика *Reviews* имеет также дидактическую составляющую: для плодотворного взаимодействия с миром музыки читателю требуются определенные навыки, которые ему помогает приобрести и усовершенствовать именно музыкальный критик.

Рубрика *Reviews* озаглавлена следующим предложением: *110 CDs, Books & DVDs rated by expert critics* (110 CD-дисков, книг и DVD-дисков, оцененных критиками-экспертами). Видим, что редакция журнала позиционирует своих авторов как экспертов уже на первой странице рубрики. Согласно Толковому словарю Ушакова, эксперт – «это сведущее лицо, специалист, привлекаемый для того, чтобы высказать свое мнение, дать заключение по поводу какого-нибудь дела, вопроса» [7].

Музыкальных критиков журнала *BBC Music Magazine* можно считать экспертами, во-первых, потому, что такой статус присваивает им сама редакция журнала; во-вторых, потому, что эти авторы сведущи в музыке, о чем свидетельствует следующий разворот издания, на котором для удобства читателя в виде таблицы под названием *This Month's Critics* («Критики месяца») представлена вся информация о музыкальных критиках-авторах. Таблица имеет подзаголовок: *Our critics number many of the top music specialists whose knowledge and enthusiasm are second to none* (Наши критики – это музыкальные специалисты высочайшего уровня, чьи знания и энтузиазм не имеют равных). Такая характеристика позволяет сделать следующий вывод: редакция журнала дорожит своей репутацией, поэтому приглашает к написанию рецензий профессионалов высокого класса, в результате чего авторитет издания возрастает, а это, в свою очередь, приводит к высоким продажам (по версии *iTunes*, *BBC Music Magazine* является самым продаваемым журналом среди изданий схожей тематики).

Читатели журнала доверяют именитым критикам, прислушиваются к их рекомендациям и делают определенные выводы относительно музыкальных произведе-

ний и их исполнения, музыкантов и др. Следующим возможным шагом отклика читателя может стать покупка рецензируемого диска. Подобная коммерческая составляющая является неотъемлемой частью современного общества, в том числе и музыкального.

Рассмотрим подробнее предложенную читателям июльского номера *BBC Music Magazine* (2015 год) таблицу с данными о критиках месяца. После подзаголовка помещается подробная справка о каком-либо критике из общего списка. В рассматриваемом номере говорится о Хелен Уоллес, редакторе-консультанте. Из справки читатель узнает, что Х. Уоллес является членом жюри *BBC Music Magazine Awards* (Премия журнала *BBC Music Magazine*), пишет для многих изданий, участвует в создании программ на *Radio 3* и *Radio 4* (британские радиостанции под руководством *BBC*), является главным редактором публикаций *Kings Place* (благотворительный фонд). Помимо этого, Хелен Уоллес – автор книг «Дух оркестра» и *Boosey & Hawkes* (название музыкального издательства). Как видим, перечисленные в авторской справке регалии музыкального критика свидетельствуют о его энциклопедической доминации и подводят читателя к следующему выводу: критику можно доверять, поскольку он обладает высоким уровнем профессионализма, сведущ в делах музыки, принимает активное участие в жизни музыкального сообщества.

После подробной авторской справки читатель может ознакомиться с краткой информацией о других авторах-критиках рубрики *Reviews*, например:

– *John Allison – editor, Opera-critic, Sunday Telegraph* (Джон Эллисон – автор статей, оперный критик, *Sunday Telegraph*);

– *Christopher Dingle – professor of music, Birmingham Conservatoire* (Кристофер Дингл – профессор музыки, Бирмингемская консерватория);

– *Erik Levi – professor, University of London* (Эрик Леви – профессор, Лондонский университет);

– *George Pratt – emeritus professor of music, University of Huddersfield* (Джордж Пратт – заслуженный профессор музыки, Университет Хаддерсфилда (входит в десятку лучших университетов Великобритании);

– *Jan Smaczny – professor of music, Queen’s, Belfast* (Ян Смачный – профессор музыки, Университет Квинс в Белфасте).

Как видим, в написании рецензий принимают участие компетентные люди – профессора университетов, издатели, авторы статей, публикующиеся в популярных газетах и журналах. Социальный статус музыкальных критиков указывает на их авторитетность и дает читателям понять, что авторы рубрики *Reviews* являются настоящими профессионалами своего дела, экспертами в области музыки, музыковедения и журналистики.

Необходимо отметить, что музыкальных критиков журнала *BBC Music Magazine* объединяют не только знания в области музыки, опыт и высокий статус. При анализе текстов рецензий (их количество в июльском номере журнала доходит до 70), принадлежащих перу вышеупомянутых критиков, было выявлено, что все они в большей или меньшей степени используют музыкальную терминологию. Объединяющие авторов-критиков факторы позволяют сделать следующий вывод: музыкальные критики журнала *BBC Music Magazine* составляют *дискурсивное экспертное сообщество*.

Понятие *дискурсивное сообщество* было впервые употреблено американским социолингвистом М. Нистрандом и внедрено в научную практику американским лингвистом Дж. Суэйлзом, который выделил шесть характеристик дискурсивного сообщества:

- широкий спектр социальных целей;
- наличие механизмов взаимной коммуникации;

Таблица

Дискурсивное сообщество музыкальных критиков

Дискурсивное сообщество	Широкий спектр социальных целей	Механизмы взаимной коммуникации	Средства передачи информации, наличие обратной связи	Наличие типичных жанров	Специальная терминология	Дискурсивная компетенция участников дискурса
Музыкальные критики журнала <i>BBC Music Magazine</i>	Оценить явление музыкального искусства и представить свою оценку посредством какого-либо литературно-публицистического жанра в журнале	Электронная почта, звонки, социальные сети	Тексты рецензий на музыкальные диски в рубрике <i>Reviews (Обзоры)</i> , письма читателей	Статьи, рецензии, анонсы, аннотации, творческий портрет, интервью	Музыкальная терминология	Высшее музыкальное образование, активная занятость в музыкальной сфере

- наличие средств передачи информации и получения обратной связи;
- наличие типичных жанров;
- специальная терминология;
- дискурсивная компетенция участников дискурса [8, с. 25–26].

О.А. Крапивкина развивает данный термин, расширяя его дополнительным определением – *дискурсивное экспертное сообщество*, что подразумевает группу экспертов той или иной области, подчиняющихся определенным правилам и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством жанров, с помощью которых осуществляют свои коммуникативные цели [9, с. 8]. Принимая во внимание характеристики дискурсивного сообщества, выделенные Дж. Суэйлзом, логично сопоставить их с деятельностью музыкальных критиков журнала *BBC Music Magazine* при помощи таблицы.

Из приведенной таблицы видно, что музыкальные критики журнала *BBC Music Magazine* образуют дискурсивное экспертное сообщество, так как их деятельности присущи все необходимые для этого черты: они объединены в группу, члены которой разделяют общие цели и стремятся достичь их посредством коммуникации, используя при этом определенные жанры и специальную терминологию.

Библиографический список

1. Найдорф М. Два очерка по типологии музыкальных культур. Очерк I // Статьи о музыкальной культуре. URL: <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/musical-articles/kak-razlicautsa-muzykalnye-kultury> (дата обращения: 21.03.2016).
2. Музыкальный словарь Гроува: пер. с англ. М.: Практика, 2001.
3. Курьшева Т.А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Музыковедение». М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007.
4. Бронфин Е. О современной музыкальной критике. М.: Музыка, 1977.
5. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс, личность: межвуз. сб. науч. тр. Тверь, 1990.
6. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГУ, 1999.
7. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87236> (дата обращения: 23.04.2016).
8. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
9. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2011.

References

1. Naidorf M. *Dva ocherka po tipologii muzykal'nykh kul'tur. Ocherk I* [Two essays on music cultures typology. Essay 1]. In: *Stat'i o muzykal'noi kul'ture* [Articles about music culture]. Retrieved from: <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/musical-articles/kak-razlicautsa-muzykalnye-kultury> (accessed 21.03.2016) [in Russian].
2. *Muzykal'nyi slovar' Grouva (per. s angl)* [Grove Dictionary of Music and Musicians (translation from English)]. М.: Praktika, 2001 [in Russian].
3. Kurisheva T.A. *Muzykal'naia zhurnalistika i muzykal'naia kritika: ucheb. posobie dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti «Muzykovedenie»* [Music journalism and

music criticism: study guide for university students studying on the specialty «Musicology»]. M.: Izdatel'stvo VLADOS-PRESS, 2007 [in Russian].

4. Bronfin E. *O sovremennoi muzykal'noi kritike* [On contemporary music criticism]. M.: Muzyka, 1977 [in Russian].

5. Bogdanov V.V. *Kommunikativnaia kompetentsiia i kommunikativnoe liderstvo* [Communicative competence and communicative leadership]. In: *Iazyk, diskurs, lichnost': Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Language, discourse, personality: Interacademic collection of research papers]. Tver, 1990 [in Russian].

6. Kasavin I.T. *Migratsiia. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoi teorii poznaniia* [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical approach of cognitive theory]. SPb.: RKhGU, 1999 [in Russian].

7. *Tolkovyi slovar' Ushakova* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Retrieved from: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87236> (accessed 23.04.2016) [in Russian].

8. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990 [in English].

9. Krapivkina O.A. *Lingvisticheskii status sub"ekta v iuridicheskom diskurse (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov): avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Linguistic status of a subject in juridical discourse (as exemplified in Russian and English languages): Author's Abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.19]. Irkutsk, 2011 [in Russian].

*N.L. Shevchenko**

MUSIC CRITIC AS A REPRESENTATIVE OF THE DISCOURSE EXPERT COMMUNITY

A number of discourse expert community characteristics is revealed in the article. The problem of music realm representation from the point of view of music critic as a discursive identity is considered as exemplified in *BBC Music Magazine*.

Key words: discourse expert community, music critic, professionalism, evaluation.

Статья поступила в редакцию 24/VIII/2016.
The article received 24/VIII/2016.

* *Shevchenko Nadezhda Leonidovna* (nadezhdashevchenko86@gmail.com), Department of Translation, Theory of Translation and Intercultural Communication, Eurasian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Отечества Самарского государственного института культуры. Тема канд. дис.: "Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1769 годов" (защ. в 1985 г.); тема докт. дис.: "Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России)" (защ. в 2002 г.). Автор и соавтор более 200 научных работ, в т. ч. монографий "Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России)" (2001), "Самарская государственная академия культуры и искусств: год первый" (2006).

Область научных интересов: история России, локальная история, история русской культуры, история образования и науки.

Кабыгова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Крестьянские съезды в Поволжье в 1917 г." (защ. в 1979 г.); тема докторской диссертации: "Власть и общественные организации в Поволжье в 1917 г." (защ. в 1999 г.). Автор и соавтор более 200 науч. работ, 10 монографий, в т. ч. "Власть и общество российской провинции в революции 1917 г." (2002).

Область научных интересов: политическая и социальная история России в революции и Гражданской войне (1917–1920 гг.); социокультурное пространство российской провинции в XIX–XX вв.

Кобозева Зоя Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика А.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Дворянство Центрально-Промышленных губерний России в конце XIX – начале XX в." Тема докторской диссертации: "Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в." Автор и соавтор более 50 научных работ, в т. ч. монографии "Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о душе с повинностями" (2013).

Область научных интересов: социальная история России, историческая антропология, микроистория, структурализм, новая культурная история, новая политическая история.

Скачкова Ульяна Олеговна, студент IV курса исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика А.П. Королева.

Область научных интересов: социальная история России, историческая антропология, микроистория.

Баязитова Розалия Рафкатовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры башкирской ли-

тературы и культуры, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы. Тема кандидатской диссертации: "Традиционный этикет в башкирской семье". Автор более 60 научных работ, в т. ч. монографии "Традиционный семейный этикет башкир" (2007).

Область научных интересов: традиционная культура, традиционный этикет, обычаи и обряды башкир.

Мединец Михаил Яковлевич, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Область научных интересов: всеобщая история, международные отношения.

Куриленко Людмила Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема докторской диссертации: "Теория и практика индивидуально-личностного развития субъектов учебно-воспитательного процесса инновационных образовательных учреждений" (2002). Автор и соавтор более 80 научных работ, в т. ч. монографий: "Система индивидуально-личностного развития школьника: сущность и перспективы" (2000); "Система индивидуально-личностного развития в инновационных образовательных учреждениях" (2001); "Средовой подход к подготовке специалистов социальной работы" (2007); "Подготовка волонтеров в классическом университете" (2014).

Область научных интересов: подготовка специалистов социальной сферы, профессиональная культура специалистов социальной сферы, формирование готовности к профессиональной деятельности специалистов социальной сферы.

Поднебесова Мария Игоревна, старший преподаватель кафедры электротехники, информатики и компьютерных технологий филиала Самарского государственного технического университета в г. Сызрани, в 2006 г. окончила филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрани по специальности "Технология машиностроения". Автор и соавтор 21 научной работы.

Область научных интересов: профессиональная педагогика, формирование у студентов навыков самообразовательной деятельности, применение информационных технологий в образовательном процессе

Санько Альбина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Формирование социально-технологической мобильности конструкторов-модельеров швейных изделий в процессе профессиональной подготовки в вузе (защ. в 2009 г.). Автор и соавтор 22 научных работ, в т. ч. монографии "Со-

циально-технологическая мобильность специалиста" (2012).

Область научных интересов: педагогика высшей школы, социально-профессиональная мобильность, педагогические технологии, технологический и функциональный подходы.

Храмцова Анна Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Формирование коммуникативной компетентности студентов-будущих юристов в процессе профессиональной подготовки". Автор и соавтор более 25 научных работ, в том числе монографии "Формирование профессиональной компетентности студентов-будущих юристов" (Самара, 2011, в соавт.).

Область научных интересов: коммуникативное образование студентов, проф. компетентность юристов, готовность студентов будущих юристов к проф. деятельности, методы обучения иностранному языку, тексты на иностранном языке для овладения лингвистическим тезаурусом.

Карпенко Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Способы выражения локальности в русском и болгарском языках" (1986). Тема докторской диссертации: "Глаголица как семиотическая система" (2000). Автор 250 научных работ, в т. ч. монографий "Глаголица – славянская священная азбука" (1999), "Сказание Черноризца Храбра о письменах" (1999), "Священная азбука Кирилла" (2004, 2006),

Область научных интересов: сравнительная и сопоставительная грамматика славянских языков, церковнославянский язык, история русского литературного языка, лингвосомиотика, лингвистический анализ художественного текста, теория перевода.

Карпенко Геннадий Юрьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации "Творчество И.А. Бунина в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца 19 – начала 20 века" (заш. в 1992 г.); тема докторской диссертации "Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений (творчество В.Г. Белинского)" (заш. в 2002 г.). Автор и соавтор более 140 работ, в т. ч. монографий "Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков" (1998), "Возвращение Белинского" (2001).

Область научных интересов: история русской классики, художественная антропология, историософия, религиозно-художественное сознание.

Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: "Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры (Смерть и бессмертие в парадигме традиции)" (заш.

в 2000 г.); тема докторской диссертации: "Метафизическая парадигма в русской литературе 1970-х годов: формирование, структура, эволюция" (заш. в 2011 г.). Автор 107 научных работ, в т. ч. монографий "Бездны на краю. И. Бродский и В. Высоцкий: диалог художественных систем" (2005), "Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания" (2010).

Область научных интересов: история русской литературы XIX и XX вв., Венедикт Ерофеев, В. Высоцкий, кинематограф Андрея Тарковского, краеведение, А.Н. Толстой.

Пахтусова Варвара Николаевна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в 2014 году окончила МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности "Филолог. Преподаватель новогреческого языка и византийской и новогреческой литературы" и в том же году поступила в аспирантуру по специальности "История русской литературы". Тема кандидатской диссертации: "Жанровые традиции русской литературы 19–20 веков в творчестве Ю.М. Нагибина".

Область научных интересов: литературоведение, история русской литературы 19–20 веков, компаративистика, жанровые традиции.

Голубкова Ирина Васильевна, аспирант кафедры немецкой филологии факультета филологии и журналистики социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Область научных интересов: немецкая филология. **Кузнецова Людмила Витальевна**, аспирант кафедры английской филологии, специальность 10.02.04 Германские языки, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. В 2014 году окончила Самарский государственный университет по специальности "Английский язык и литература". Тема кандидатской диссертации: "Лингвокультурные маркеры мира детства в англоязычном искусствоведческом дискурсе". Автор 11 научных работ, принимала участие с докладом в 5 научных конференциях.

Область научных интересов: дискурсивные практики, искусствоведческий дискурс, малоформатные тексты, культура Великобритании и Америки.

Доладова Ольга Владимировна, аспирант кафедры английской филологии и межпредметной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета. Тема кандидатской диссертации: "Проблема лингвистического статуса английских языковых единиц". Автор 3 публикаций.

Область научных интересов: английская филология, многомерная модель языкового пространства.

Шевченко Надежда Леонидовна, аспирант кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета (ЕаЛИ МГЛУ), в 2009 г. окончила Иркутский государственный лингвистический университет по специальности «Лингвист. Переводчик 2 иностранных языков (английского и французского)». Дата поступления в аспирантуру: 01.11.2011. Специальность 10.02.19 – Теория языка. Тема кандидатской диссертации: «Аксиологические характеристики медийного диалога в предметной области музыкальная критика».

Область научных интересов: перевод, переводоведение, межкультурная коммуникация, музыка, музыкальная критика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artamonova Lyudmila Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Russian History, Samara State Institute of Culture. Subject of Candidate's thesis: "Requirements of the state peasants of the Volga Region in the Legislative Commission of 1767-1769" (1985); subject of Doctoral thesis: "Education, government and society in the Russian province in the 18th – early 19th centuries (South-eastern provinces of European Russia)" (2002). Author and coauthor of more than 20 scientific works, including monographs "Society, government and education in the Russian province in the XVIII – early XIX centuries (South-eastern provinces of European Russia)" (2001), "Samara State Academy of Culture and Arts: the First Year" (2006).

Research interests: Russian history, local history, history of Russian culture, history of education and science.

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Peasant congresses in the Volga Region in 1917" (1979); subject of Doctoral thesis: "Authorities and public organizations in the Volga Region in 1917" (1999). Author and coauthor of over 200 scientific papers, 10 monographs, including "Power and Society in the Russian province during the period of the Revolution of 1917" (2002).

Research interests: political and social history of Russia in the Revolution and the Civil War (1917–1920); social and cultural space of the Russian province in the XIX–XX centuries.

Kobozeva Zoya Mikhaylovna, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Nobles of the Central Industrial regions of Russia from the end of the XIX century till the beginning of the XX century". Subject of Doctoral thesis: "Everyday life of provincial towns of Russia from the second half of the XIX century till the beginning of the XX century". Author and coauthor of more than 50 scientific works including monograph "The bourgeois estate of Samara concerning power and everyday life" (from the second half of the XIX century till the beginning of the XX century) or "The tale of a soul with duties" (2013).

Research interests: social history of Russia, historical anthropology, microhistory, structuralism, new cultural history, new political history.

Skachkova Ulyana Olegovna, student of the IV year of study, Faculty of History, Samara National Research University.

Research interests: social history of Russia, historical anthropology, microhistory.

Bayazitova Rozaliia Rafkatovna, Candidate of Historical sciences, associate professor of the Department of Bashkir Literature and Culture, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla. Subject of Candidate's thesis: "Traditional etiquette in the Bashkir family". Author of more than 60 scientific works, including monograph "Traditional family etiquette of the Bashkirs" (2007).

Research interests: traditional culture, traditional etiquette, customs and ceremonies of the Bashkirs.

Medinets Mikhail Yakovlevich, Department of General History, International Relations and Records Management, Samara National Research University.

Research interests: General History, International Relations.

Kurilenko Lyudmila Vasilievna, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Theory and practice of individual and personal development of subjects of education\bringing up process of innovative educational institutions" (2002). Author and coauthor of more than 80 scientific works including monographs: "System of individual and personal development of a schoolchild: essence and perspectives" (2000), "System of individual and personal development in innovative educational institutions (2001)", "Environmental approach to the training of specialists of social work" (2007), "Training of volunteers in a classical university" (2014).

Research interests: training of specialists of social sphere, professional culture of specialists of social sphere, formation of readiness to the professional activity of specialists of social sphere.

Podnebesova Mariya Igorevna, senior lecturer at the Department of Electrical Engineering, Informatics and Computer Technologies, Syzran branch of Samara State Technical University, in 2006 graduated from Syzran branch of Samara State Technical University with a degree in "Manufacturing engineering". Author and coauthor of 21 scientific works.

Research interests: professional pedagogics, formation at students of skills of self-educational activity, use of information technologies in educational process.

Sanko Albina Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Theory and Methodology of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Formation of social and technological mobility of designers-dress designers of sewn products in the process of professional readiness in the university (2009)". Author and coauthor of 22 scientific works including monograph "Social and technological mobility of a specialist" (2012).

Research interests: pedagogics of higher school, social and professional mobility, pedagogical technologies, technological and functional approaches.

Khramtsova Anna Borisovna, Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Formation of communicative competence of students-future lawyers in the process of professional training". Author and coauthor of more than 25 scientific works including monograph "Formation of professional competence of students-future lawyers in the process of professional training" (Samara, 2011, in coauthorship).

Research interests: communicative training of students, professional competence of lawyers, readiness of

students – future lawyers to the professional activity, methods of teaching foreign language, texts on foreign language for acquirement of linguistic thesaurus.

Karpenko Lyudmila Borisovna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language and Mass Communications, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Ways of expression of locality in Russian and Bulgarian languages" (1986); Subject of Doctoral thesis: "Glagolitic alphabet as a semiotic system" (2000). Author of 250 scientific papers, including monographs "Glagolitic alphabet – Slavic sacred alphabet" (1999), "An Account of Letters by Chernorizets Hrabar" (1999), "The Sacred Alphabet of Cyril" (2004, 2006).

Research interests: comparative and contrastive grammar of Slavic languages, Church Slavonic, history of Russian literary language, lingvosemiotics, linguistic analysis of a literary text, translation theory.

Karpenko Gennady Yurievich, Dr. of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Works of I.A. Bunin in the context of religious, philosophical and anthropological ideas of the late 19th – early 20th century" (1992); Subject of Doctoral thesis: "Literary and artistic consciousness of the Russian criticism in the context of historiosophical views (works of V.G. Belinsky)" (2002). Author and coauthor of more than 140 works, including monographs "Works of I.A. Bunin and religious and philosophical culture of the turn of the centuries" (1998), "Return of Belinsky" (2001).

Research interests: history of Russian classics, art anthropology, historical philosophy, religious and artistic consciousness.

Perepelkin Mikhail Anatolievich, Dr. of Philology, prof. of the Dept. of Russian and Foreign Languages and Public Relations, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: "Creative work of Olga Sedakova in the context of Russian poetic culture" (Death and immortality in the paradigm of tradition) (2000). Subject of Doctoral thesis: "Metaphysical paradigm in the Russian literature of 1970-ies: formation, structure, evolution" (2011). Author of 107 scientific works, including monographs "On the brink of abyss: I. Brodsky and V. Vysotsky: dialog of artistic systems" (2005), "Word in the world of Andrey Tarkovsky. Poetics of indirectness" (2010).

Research interests: history of Russian literature of XIX and XX centuries, Venedikt Erofeev, V. Vysotsky, cinematography of Andrey Tarkovsky, regional study, A.N. Tolstoy.

Pakhtusova Varvara Nikolaevna, postgraduate student of the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, in 2014 graduated from Lomonosov Moscow State University with a degree in "Specialist in Philology. Teacher of the Modern Greek language and Byzantine and Modern Greek Literature" and became a postgraduate student with a degree in "History of Russian Literature". Subject of Candidate's thesis "Genre traditions of Russian literature of the XIX–XX centuries in the creative works of Yu.M. Nagibin".

Research interests: literature studies, history of Russian literature of the XIX–XX centuries, comparative studies, genre traditions.

Golubkova Irina Vasilievna, postgraduate student of the Department of German philology, Faculty of Philology and Journalism, Social and Humanitarian Institute, Samara National Research University.

Research interests: German philology.

Kuznetsova Lyudmila Vitalievna, postgraduate student of the Department of English Philology, specialty 10.02.04 German Languages, Samara National Research University. In 2014 graduated from Samara State University with a degree in "English Language and Literature". Subject of Candidate's thesis: "Linguistic and cultural markers in the world of childhood in the English art discourse". Author of 11 scientific works, participant of 5 scientific seminars.

Research interests: discourse practices, art discourse, mini-format text, culture of Great Britain and the United States, Britain and America painting.

Doladova Olga Vladimirovna, postgraduate student of the Department of English Linguistics and Intersubject Communication, Samara State University of Social Sciences and Education. Subject of Candidate's thesis: "The problem of linguistic status of the English language phenomena". Author of 3 articles.

Research interests: English Linguistics.

Shevchenko Nadezhda Leonidovna, postgraduate student at the Department of Translation, Translation Studies and Cross-Cultural Communication, Eurasian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University. Graduated from Irkutsk State Linguistic University in 2009 with a specialty in «Linguist. Translator from 2 languages (English and French)». Entered postgraduate study in November, 01, 2011, majoring in 10.02.19 – Theory of Language. Subject of Candidate's thesis: «Axiological characteristics of media dialogue in the subject area of *music criticism*».

Research interests: translation, translation studies, cross-cultural communication, music, musical criticism.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название — «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала — 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки и археология», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (dubmane@mail.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или ttf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала